

М. Н. Янценецкая

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

М. Н. Янценецкая

СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1979

Книга представляет собой опыт описания словообразовательной семантики русского языка в аспекте взаимодействия словообразования с лексикой и морфологией. В ней рассматриваются явления лексической и словообразовательной мотивации, их языковая база и связанные с ними тенденции в образовании слов.

Редактор — доктор филологических наук О. И. Блинов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй половине XX в. интерес к вопросам словообразования среди лингвистов увеличивается с поразительной быстротой. Появилось большое количество работ, позволивших наметить границы словообразования как самостоятельного раздела науки о языке, выявить основные его единицы и типы отношений между ними. Тем самым был поставлен вопрос об относительной независимости и своеобразии словообразовательной подсистемы языка. Параллельно с этим идет поиск исследовательских приемов, которые отвечали бы задачам словообразования с наибольшей точностью и полнотой.

Естественным этапом в развитии словообразовательной теории явилось возникновение ряда целостных концепций, вскрывающих устройство и закономерности развития словообразовательной системы в русском и шире — славянских языках. Теория словообразования в этих концепциях представлена далеко не однозначно, что во многом зависит от взглядов авторов на место словообразовательной подсистемы в общей системе языка и от избранного аспекта исследования.

Углубленное изучение словообразования вызвало к жизни новые проблемы, широко обсуждаемые языковедами в настоящее время. Одной из основных является проблема специфики словообразования как такого звена в системе языка, которое, связывая лексику с грамматикой, постоянно испытывает на себе их влияние. Виды и формы этого влияния играют существенную роль в формировании базовых единиц словообразования, в организации и функционировании словообразовательной подсистемы в целом.

Неизменно актуален вопрос об аспектах словообразования. В работах последних лет выдвинут принцип взаимной дополняемости разных исследовательских подходов, требующий установления того, какой круг словообразовательных

фактов поддается объяснению с той или другой точки зрения и почему. Для теории словообразования, рассматривающей производное слово как «совокупность морфем» (уровень морфемы) и как целостную единицу (уровень слова), выбор аспектов и возможность их взаимодействия в процессе анализа фактического материала приобретает первостепенное значение.

Следствием расширения словообразовательной проблематики явилось включение в поле зрения исследователей новых пластов русского языка: начала интенсивно изучаться разговорная речь русского языка; больше внимания стало уделяться диалектному словообразованию как своеобразной форме проявления общерусских словообразовательных тенденций.

В настоящей работе рассматриваются те стороны взаимодействия словообразования с лексикой и морфологией, которые, по мнению автора, объясняют действие основных пружинок словообразовательного механизма. Сложность поставленной задачи требует решения очень многих более или менее частных вопросов. Автор, естественно, не мог с одинаковой полнотой остановиться на каждой из них (некоторые вопросы вообще не были включены в число анализируемых). В книге выделены два явления, определяющие основные тенденции в развитии словообразовательной подсистемы языка: наличие словообразовательных типов (моделей), «морфологически» организующих производную лексику, и способность отдельных лексических единиц выступать в функции словообразовательных образцов (лексических моделей), «освобождающих» производное слово от стандартизирующего морфологического влияния. Столкновение лексического и морфологического начал находит свое выражение в противопоставлении слов уникальной и типовой словообразовательной структуры, в особенностях функционирования словообразовательных аффиксов и словообразовательных типов (моделей), в своеобразии связей последних с полисемией производных слов и в некоторых других чертах словообразования.

Все эти вопросы рассматриваются в работе с учетом словообразовательной формы слова, но акценты в ней ставятся на семантической стороне анализируемых явлений, о чем свидетельствует и название книги.

Основной аспект исследования — синхронический. В зависимости от характера решаемых задач автор придерживается ономастической или семасиологической точки зрения, полагая, что вне этих подходов анализ языковых единиц, представляющих собой единство формы и содержания, практически невозможен. В выводах используются результаты обеих точек зрения.

Поставленные вопросы решаются на материале современного русского языка. Основными источниками для исследования послужили толковые и обратные словари¹, а также грамматики² русского литературного языка (особенно «Грамматика современного русского литературного языка», в которой представлены научно обработанные и расклассифицированные на основе новейших достижений словообразовательной теории богатые материалы по словообразованию). Кроме того, в работе использованы словари русских народных говоров, а также картотеки и записи диалектной речи, хранящиеся в кабинете русского языка Томского университета³.

В монографию включены материалы некоторых ранее написанных статей автора.

Основная работа над книгой была закончена в декабре 1976 года, этим сроком, по существу, ограничивается и круг учтенной литературы.

Автор приносит благодарность профессорам О. И. Блиновой, В. В. Палагиной, доцентам О. Н. Киселевой, Е. М. Пантелеевой, канд. филол. наук Г. А. Ракову, прочитавшим рукопись данной работы и сделавшим ценные замечания.

¹ См.: Условные сокращения.

² Грамматика русского языка. Ч. 1. М., АН СССР, 1953; Грамматика современного русского литературного языка. М., АН СССР. 1970.

³ См.: Условные сокращения.

ВВЕДЕНИЕ

Об аспектах словообразования

Сложность словообразовательной системы, отражающей как общие принципы языкового устройства, так и своеобразие его собственно словообразовательных функций, вызвало к жизни идею многоаспектности словообразовательной теории¹.

Совсем недавно был поставлен и еще до сих пор является дискуссионным вопрос о разграничении словообразования на диахроническое и синхроническое². Параллельно с этим стала обособляться теория морфемной сочетаемости (морфемика, морфонология)³. В настоящее время активно обсуждается возможность ономастологических исследований в словообразовании, целесообразность выделения аспектов

¹ Сахарный Л. В. К многоаспектности словообразования как науки. — «Учен. зап. Пермск. ун-та, Вопросы грамматики», № 243, Пермь, 1972.

² См. материалы дискуссии о синхронии и диахронии в словообразовании в сб.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., АН СССР, 1960; Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, с. 22—40; Панов М. В. Об изучении русского словообразования. — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1970, т. 29, вып. 3; Степанова М. Д. Аспекты синхронного словообразования. — «Иностранные языки в школе», 1972, 3 и др. В зарубежной лингвистике вопрос о синхронии и диахронии в словообразовании рассматривался, например, в работах: Marchand H. Synchronik analysis and word-formation. — В кн.: Studies in syntax and word-formation. Selected articles by Hans Marchand. On the occasion of his 65th birthday on October 1st, 1972., Edited by Dieter Kastowsky. Wilhelm Fink Verlag München, p. 174; Он же. The categories and types of present-day english word-formation. Munich, 1969, p. 8; Grzegorzycowa R., Puzynina J. Z zagadnieniem slowotworstwa synchronicznego. — «Poradnik jezykowy», z. 6—7, 1959; Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1976, S. 19—20, 24—25. См. также материалы сб.: Problemy wspolczesnego slowotworstwa a dydaktyka uniwersytecka. Wyd. uniwersytetu warszawskiego. Warszawa, 1972.

³ См.: Чурганова В. Г. О предмете и понятиях фономорфологии. — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, т. 26, вып. 4; Она же. Очерк русской морфонологии. М., 1973; Лопатин В. В., Улдуханов И. С. Введение в морфемистику. — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, гл. IV. Морфонологические особенности словообразования.

«лексического уровня» и «уровня словообразовательного типа (модели)», подходы онтологический и функциональный, а также собственно лингвистический и психолого-лингвистический.

В данном введении речь пойдет лишь о некоторых аспектах словообразования, представляющих наиболее важными для исследования, изложенного в последующих главах книги.

С требованием точности описания, порождающим идею многоаспектности⁴, очевидно, следует связывать и необходимость в «упорядочении» различных точек зрения на один и тот же предмет, в установлении их связей и противопоставлений, позволяющих давать не только одноаспектную, но также двумерную и даже многомерную картину исследуемой языковой системы. Вопрос этот чрезвычайно сложен, поиски направлений в его решении еще только начинаются, но именно поэтому необходимы разного рода попытки его осмысления.

* * *

Выделение возможных аспектов изучения языкового материала связано, прежде всего, с теми методологическими установками, на которых основывается исследователь в своих изысканиях. Методология диалектического материализма требует нахождения таких аспектов и методов изучения предмета, которые наиболее адекватно отражают «закономерности и природы, и человека»⁵. Виды аспектов, следовательно, зависят от свойств изучаемого объекта, от степени сложности его структуры и характера внутренних и внешних связей, присущих этому объекту.

Прежде всего, представляется важным выделить такие аспекты, которые носят общий для языкознания характер, т.е. имеют место при изучении всех или почти всех сторон языка, и находятся между собой в определенных взаимоотношениях. К таковым, на наш взгляд, следует отнести диахронический и синхронический аспекты, являющиеся «сквозными» для всех языковедческих наук, ономастологическую и семаснологическую точки зрения, онтологический и функциональный подходы и, возможно, другие.

Кроме того, в каждом лингвистическом разделе выделяются такие аспекты, которые определяются спецификой положения изучаемого явления в общей языковой системе. При этом исходные точки зрения зависят от того, в чем видится исследователю своеобразие изучаемого явления и связь его с другими сторонами языка. Так, выделение

⁴ Сахарный Л. В. Указ. раб., с. 42.

⁵ Ленин В. И. Собр. соч., изд. 5-е, т. 29, с. 83.

аспектов «лексического уровня» (лексический аспект) и «уровня словообразовательного типа» (морфологический аспект) означает, что в равной мере важным и существенным для словообразования признаются его связи и с лексикой, и с грамматикой. Но, как известно, не все ученые считают связь словообразования с лексикой органичной, а выделение «лексического» аспекта правомерным⁶. Можно думать, что лишь дальнейшие исследования в этом направлении смогут привести языковедов к единому мнению о неправомерности или, напротив, необходимости признания «лексического» и «грамматического» аспектов словообразования.

* *
*

Словообразование выкристаллизовывалось в самостоятельную дисциплину как теория «о способах обозначения содержания тех понятий, которые вошли в обиход данного коллектива или же только складываются в общественном сознании на базе языкового материала»⁷.

Накопление словообразовательных фактов и научное их освещение в русском языкознании шло по пути изучения конкретно-исторических изменений и микросвязей «вторичных» по происхождению лексических единиц, по пути, который неизменно должен был привести языковедческую науку к необходимости (и возможности) решить вопрос о принципах организации и функционирования выявленных «микросистем» и самих языковых единиц (включая моменты уточнения языкового статуса последних с учетом специфики рассматриваемой подсистемы языка).

Задача описания истории развития словообразовательной подсистемы («системы») языка «во времени и пространстве»⁸ потребовала, чтобы были выявлены ее «пространственные» характеристики, которые объясняли бы взаимодействие словообразовательных единиц в языковой системе, способной объединить результаты разновременных изменений и заставить их функционировать в пределах одного временного среза. Естественным следствием этого явилось выделение синхронного аспекта словообразования. Важность решения возникших вопросов для дальнейшего развития

⁶ См., например: Хохлачева В. Н. Словообразование существительных в русском языке. (Опыт системного описания). Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1976. с. 11.

⁷ Грамматика русского языка. Т. I. М., 1953, с. 13.

⁸ Ср.: «...любое диахроническое исследование вступает на почву истории лишь в том случае, когда оно отправляется от идей развития языковой структуры»... — Климов Г. А. О некоторых задачах историко-типологических исследований — «Вопросы языкознания», 1976, 5, с. 3.

словообразовательной теории привела к тому, что синхронный аспект словообразования стал разрабатываться как самостоятельный его раздел. И несмотря на то, что правомерность выделения данного раздела в языкознании признана не всеми лингвистами⁹, практические исследования в указанном направлении, охватившие большой и разносторонний материал¹⁰, показали возможности такого подхода в плане обогащения общей теории языкознания, подтвердив тем самым безусловную состоятельность синхронного словообразования.

Можно сказать, что применительно к словообразованию, как и вообще к любой лингвистической теории, вопрос о принципиальном соотношении диахронического и синхронического подходов «совершенно ясен и не составляет проблемы»¹¹. «Проблема» заключается в том, чтобы наиболее точно, т. е. максимально приближаясь к объективной структуре языка, очертить круг основных понятий (единиц, их отношений) и вопросов, которые, с одной стороны, отражали бы своеобразие каждого аспекта в отдельности, с другой — синтезируясь и дополняя друг друга, позволили бы представить целостную картину рассматриваемой системы в ее истории. Эта огромная задача представляется делом реального будущего.

Следует подчеркнуть, что диахроническое словообразование и синхроническая словообразовательная система органично связаны между собой. Их взаимозависимость отражает соотношение процесса развития и его результата, «в котором последовательно складывающиеся в ходе реальной истории связи достигли «полной зрелости, своей классической формы» (Энгельс)»¹². В силу сказанного в языковой синхронии целесообразно видеть такое сосуществование языковых единиц, которое отражает один из «моментов» в развитии языка с присущей для него направленностью внутриязыковых связей¹³. Именно такое понимание синхронии отражено во многих современных работах по словооб-

⁹ Хохлачева В. Н. Указ. раб., с. 24.

¹⁰ См., например, работы по русскому словообразованию Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Н. А. Крылова, А. И. Моисеева, М. В. Панова, О. М. Соколова, А. Н. Тихонова, И. С. Улукханова и др.

¹¹ Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения. — В сб.: Языковая система и речевая деятельность. Л., «Наука», 1974, с. 48—49.

¹² Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. Изд. 3, М., 1972, с. 159.

¹³ Ср.: «...существование языка во времени и существование языка в пространстве — это одно и то же явление существования языка во времени — пространстве; языковые различия в пространстве есть те же явления, что и различия во времени, рассмотренные с другой стороны.» — Степанов Ю. С. Основы общего языкознания М., 1975, с. 265.

разованию, рассматривающих словообразовательное устройство языка не только в «статике», но и в «динамике»¹⁴.

Ограничение синхронических исследований констатацией «соотнесенности» между единицами словообразовательной системы¹⁵, без указания на расстановку сил в ней в данный момент развития, делает обращение к синхронному аспекту малоэффективным.

* *
*

В связи с коммуникативной функцией языка для лингвистической науки оказывается актуальным вопрос о соотношении позиций говорящего и слушающего и о двух видах речевой деятельности, совершаемых человеком в зависимости от реализуемой позиции¹⁶.

¹⁴ Ср.: Сахарный Л. В. Указ. раб., с. 27—33.

¹⁵ Такое толкование словообразовательных отношений в синхронии дается, например, в статье: Марков В. М., Николаев Г. А. Некоторые вопросы теории русского словообразования. — В сб.: Именное словообразование русского языка. Казань, Изд-во Казанск. ун-та, 1976, с. 4—5. Возможность установления направления словообразовательной зависимости в синхронном плане ставится под сомнение также в работах: Степанова М. Д. Аспекты синхронного словообразования, с. 8. Ср. противоположное мнение: «Однако более общий вопрос, всегда ли отношения производности имеют направленность, как представляется, должен получить положительный ответ». — Земская Е. А. О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования — Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974, с. 77. См. также: Улуханов И. С. Словообразовательная мотивация и ее виды. — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. 30, вып. 1, 1971; Он же: Отношение мотивации между глаголом и существительным со значением действия. — «Вопросы языкознания», 1975, 4. Более узкое понимание синхронических отношений производности см.: Волоцкая З. М. Установление отношений производности между словами. (Опыт применения трансформационного метода). — «Вопросы языкознания», 1960, 3.

¹⁶ Ср.: «Различие в подходе к языку со стороны говорящего и слушающего, лежащее в основе разграничения... видов языковой деятельности, является одной из важнейших антиномий, определяющих развитие языка.» — Лексика современного русского литературного языка. Серия «Русский язык и советское общество». М., «Наука», 1968, с. 25—26.

Определяя «область языковой деятельности», Л. Н. Засорина так характеризует ее основные черты: «Имеющиеся представления об этой стороне языковых явлений позволяют предположить разграничение двух видов деятельности: речемыслительной и языкотворческой. Продуктом речевой деятельности является текст, сообщение, соединяющее человека с внеязыковой действительностью. Эта деятельность связана с процессами экспликации (развертывания высказывания). Продукт языкотворческой деятельности — это система языка. Такая деятельность целиком внутриязыковая. Она связана с процессом импликации (свертывания) высказывания, преобразования речевого сообщения в элементы системы. С психологической стороны речевая деятельность ближе к активным процессам говорения, а языковая — к пассивным процессам восприятия сообщения.» — Засорина Л. Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики. — В сб.: Вопросы металингвистики. Л., 1973, с. 9.

Собственно лингвистический, «структурный»¹⁷ анализ данного явления предполагает разграничение ономасиологической и семасиологической точек зрения. Отражая соответственно позицию говорящего и слушающего, ономасиологический и семасиологический аспекты противопоставляются различными исходными точками и противоположной направленностью исследования: от содержания к форме или от формы к содержанию. Такое объяснение ономасиологии и семасиологии возникло¹⁸ и распространилось¹⁹ применительно к учению о слове, но в принципе «любое языковое явление можно рассматривать либо извне, либо изнутри, исходя из его внешней формы или из его внутреннего значения» (О. Есперсон)²⁰. Следовательно, ономасиологический и семасиологический подходы могут характеризовать все те лингвистические дисциплины, объектом изучения которых являются двусторонние единицы языка, обладающие формально-смысловой структурой и способные проявлять признак мотивированности к таким дисциплинам относятся не только словообразование и лексикология (в той ее части, которая изучает «мотивированные» слова), но также морфология и синтаксис. Говоря о понятийной категории, И. И. Мещанинов, например,

¹⁷ См. схему аспектов теории словообразования в указ. работе Л. В. Сахарного (с. 41).

¹⁸ Ср.: «Мы имеем в языкознании два взаимодополняющих раздела, один из которых исходит от внешнего, от слова и задает вопрос, какое понятие со словом связано, какое значение слову принадлежит, отсюда — семасиология (*σημασιολογια* = значение), другое берет за исходный пункт понятие и устанавливает, какое обозначение, наименование имеет язык для этого понятия (наименование = *ονομασιολογια* — отсюда ономасиология)...» — A. Z a u n e r. Цитирую по: Q u a d r i В. Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschungen (eine entwicklungsgeschichtliche Darstellung). Bern, 1952, S. 52.

¹⁹ См.: J a b e r g K. Sprache als Äußerung und Sprache als Mitteilung (Grundlagen der Onomasiologie), — В кн.: Sprachwissenschaftliche Forschungen und Erlebnisse von K. Jaberg. Zürich und Leipzig, 1937, S. 146—147; D o r n s e i f F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin, 5 Aufl., 1959, S. 48—49; K r o n a s s e r H. Handbuch der Semasiologie. Kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. Heidelberg, 1952, S. 69—72; М а р у з о Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960; А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, М., 1969; К о м л е в Н. Г. Ономасиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности. — В сб.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1968, с. 82 и др. Ср. обзор трудов по ономасиологии в работах: Q u a d r i В. Указ. раб.; З а о н е г и н Е. В. Некоторые общие вопросы ономасиологии. — «Филологические науки». Научные доклады высшей школы, 1969, 6; Ш у р Г. С. О двух подходах при исследовании лексики. — Вопросы романо-германской филологии. «Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та», т. 139. Воронеж, 1972; Г о л е в П. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Томск, 1974.

²⁰ Есперсон О. Философия грамматики. Перевод с англ. М., 1958, с. 32. Ср. также: К r o n a s s e r H. Указ. раб., с. 23.

отмечал, что «ею становится такое понятие, которое выступит в языковом строе и получает в нем определенное построение. Последнее находит свое выражение в определенной лексической, морфологической и синтаксической системе»²¹. Противопоставление двух подходов в грамматике актуально и в настоящее время²².

В пределах отдельных разделов языкознания каждый аспект имеет свой объект исследования и позволяет решать задачи применительно к этому объекту. Понятие ономаσιологического аспекта, составляющего в единстве с семасиологическим подходом необходимую методологическую базу лингвистического исследования, вероятно, следует отличать от понятия ономаσιологии как науки о номинации (в противоположность, например, теории предикации), задачи которой переплетаются с задачами словообразования, лексикологии и фразеологии (в широком ее понимании).

В этом последнем случае ономаσιология имеет некоторую область исследования, общую со словообразованием, что позволяет выделить целый ряд понятий, имеющих непосредст-

²¹ Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке. — «Труды Военного ин-та иностр. языков», 1945, I, с. 14. Ср. высказывание Л. В. Щербы об аспектах изучения синтаксиса: «Здесь особенно должны давать себя чувствовать различия пассивного и активного аспектов грамматики. При пассивном аспекте приходится исходить из форм слов, исследуя их синтаксическое значение (что и составляло основное содержание синтаксиса в прежние времена). Далее, при пассивном аспекте надо изучать словосочетания и порядок слов в них, определяя их синтаксическое значение, наконец, фразовое ударение и интонацию, отыскивая синтаксическое значение у этих средств выражения... Что касается активного аспекта синтаксиса, то там исходная точка зрения совсем иная. В нем рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль. Например, как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности?» (Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность, с. 56). См. также: Brunot F. La pensée et la langue. Methode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. Paris, 1922 (на VII стр. введения данный труд характеризуется как исследование языковых, т. е. грамматических, средств выражения идей и понятий, точнее des faits de pensée); Mathesius V. Obsahovy rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém. Praha, 1961, s. 13. см. раздел «Nauka o usouvztažnění (funkční syntax); Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965 (см. с. 19—23).

²² См.: «Область грамматической семантики можно определить двояко, в зависимости от того, с какой стороны мы к ней подойдем. Отправляясь от системы сознания, ее можно определить как формальную сторону процессов содержательного мышления. Приближаясь к ней со стороны языка, мы найдем, что эту область образуют семантические функции грамматических форм и категориальные признаки лексических значений». — К а ц н е л ь с о н С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., «Наука», 1972, с. 118. Из последних работ, использующих метод исследования языковых категорий «от содержания к форме», можно назвать, например: Бондарко В. А. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка, М., 1973.

венное отношение и к теории номинации, и к теории словообразования. Такой сплав ономаσιологической и словообразовательной теории, как представляется, характерен для работ пражских лингвистов, в которых система ономаσιологических категорий была разработана на материале словообразовательной системы чешского языка²³, а затем стала использоваться при анализе «несколькословных наименований»²⁴, явления транспозиции²⁵ и др.

Советскими лингвистами наука о номинации разрабатывается относительно независимо от словообразовательной теории, равно как и от теории словосочетания и лексикологии²⁶, что, на наш взгляд, отражает осознание специфики объекта и целей ономаσιологической дисциплины.

В связи с оформлением ономаσιологии как самостоятельной науки становится необходимым четкое разграничение круга вопросов, находящихся в ведении ономаσιологии и связанных с ней лингвистических дисциплин, выявление сфер их соприкосновения, а возможно, и наложения. В языковедческой литературе эта проблема поставлена на обсуждение²⁷.

Необходимость выделения ономаσιологического и семасиологического аспектов применительно к словообразованию в советском языкознании подготавливалась предшествующей практикой лингвистических исследований. Разграничение двух исследовательских подходов обозначилось уже в работе Л. В. Щербы «Очередные проблемы языкознания»,

²³ Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.

²⁴ Kuchař J. К общей характеристике номинации. — «Travaux linguistiques de Prague». Etudes structurales dédiées au 6-e congrès des slavistes. Akademia. Prague, 1968; Он же. Základní rysy struktur pojmenování. — «Slovo a slovesnost», 1963, 2.

²⁵ Dokulil M. Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und—beziehungen. — «Travaux linguistiques de Prague», Prague, 1968.

²⁶ См., например: Капанадзе Л. А. Номинация. — В кн.: Русская разговорная речь. Отв. ред. Е. А. Земская. М., «Наука», 1973; Голев Н. Д. Указ. канд. дис.; См.: Проблемы ономаσιологии. «Научные труды Курск. гос. пед. ин-та», вып. 1. Орел, 1974; вып. 2. Курск, 1975, вып. 3, Курск, 1976.

²⁷ См.: Шкатова Л. А. Словообразование и ономаσιология. — Актуальные проблемы русского словообразования. I. «Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та», т. 143, Ташкент, 1975; Торопцев И. С. Предмет, задачи, материал и методы ономаσιологии. — Проблемы ономаσιологии, I. «Труды Курск. пед. ин-та». Орел, 1974; Он же. Исходные моменты лексической объективации. — Проблемы ономаσιологии, II. «Труды Курск. гос. пед. ин-та». Курск, 1975; Он же. О словопроизводственной модели и методике ее выделения. — Проблемы ономаσιологии, III. «Научные труды Курск. гос. пед. ин-та». Курск, 1976.

где он противопоставил два вопроса: «как можно сделать новые слова» и «как сделаны готовые слова»²⁸. Каждый из двух вопросов разветвляется в серию проблем, решение которых позволит охарактеризовать основные черты словообразовательной системы языка.

Ономастиологический подход призван выявить виды производящей семантики, характерные для каждого словообразовательного типа (модели); виды производящих единиц внутри более крупных словообразовательных категорий, объединенных по признаку семантической общности разных словообразовательных типов; словообразующие возможности слов разных частей речи и т. п. На этом пути перед исследователем стоят такие проблемы, как соотношение классифицирующего словообразовательного значения с индивидуальным лексическим значением производящего слова, явление словообразовательной синонимии и словообразовательного варьирования; закономерности «развертывания» производного (исходного) слова в словообразовательную цепочку; принципы словообразовательного взаимодействия слов разных частей речи и др.

Семасиологический подход дает ключ к решению задачи иной направленности. Отталкиваясь от изучения типических средств словообразования, от способов выражения общей и менее общей словообразовательной семантики, исследователь приходит к необходимости решать такие проблемы, как виды мотивационных связей производного слова; характер соотношения между ограниченным числом словообразовательных типов и многообразием производящих единиц (проблема соотношения словообразовательных и лексических значений); явление полисемии и омонимии в словообразовании; объединение под знаком одного словообразовательного аффикса разных видов производящих единиц с учетом не только их типовых лексических значений, но и их частеречных характеристик и др.

До последнего времени традиционно распространенными были исследования, в которых вопросы словообразования рассматривались, исходя из формы производных лексических единиц (семасиологический аспект)²⁹. Такая точка зрения, как кажется, отражает естественный ход познавательного процесса, опирающегося на внешние признаки явления и идущего через них к сущностным свойствам изучаемого

²⁸ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность, с. 51.

²⁹ Ср.: «Лингвистика в том виде, в каком она сложилась к настоящему времени, является преимущественно наукой о десигнатах словесных знаков. Формальной стороне отдается предпочтение перед содержательной.» — Никитин М. В. О понятии «языковое значение». «Учен. зап. Владимирск. гос. пед. ин-та», т. 36. Серия иностранных языков, вып. 6, Владимир, 1971, с. 5.

объекта. В нашей стране этот подход к изучению словообразовательной системы оказался весьма плодотворным³⁰.

Накопленные таким путем знания о семантической стороне языка сделали возможным анализ материала в противоположном направлении, от содержания к форме (ономазиологический аспект). О повышении в настоящее время интереса к ономазиологическому аспекту словообразования свидетельствует выдвинутый советскими лингвистами тезис о словообразовательном моделировании, «исходящем из принципа семантики»³¹, и конкретные исследования, выполненные с этих позиций. К ним относятся, прежде всего, те работы, которые ставят своей задачей анализ процесса «лексической объективации» на всех его этапах³² или в отдельных его звеньях³³.

Расширение в области словообразования, наряду с семантикологическими, ономазиологическими исследованиями и соотнесение (объединение) результатов, достигнутых с той и другой точек зрения, позволит не просто пополнить словообразовательную теорию новыми теоретическими выводами, но внести конструктивный вклад в разработку внутренней целостной модели словообразования, способной объяснить разноречивые словообразовательные факты в их отношениях и связях³⁴.

³⁰ В этой связи можно указать, например, на такие теоретически цельные работы, как: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973; Лопатин В. В., Улукханов И. С. Введение в морфемистику. Словообразование. Основные понятия и др. разделы, подготовленные этими авторами, в кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. Томск, 1972; Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971 и др.

³¹ Степанова М. Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации модели. — «Вопросы языкознания», 1975, 4, с. 55. См. также: Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969, с. 14; Он же. Проблема предмета дериватологии. — Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974; Головин В. Г. Очерк деривации имен прилагательных современного русского языка. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Самарканд, 1971, с. 9.

³² Торопцев И. С. Лексическая мотивированность (на материале русского языка). — «Учен. зап. Орловск. пед. ин-та», т. 22, Орел, 1964.

³³ Васильченко С. М. О мотивировочном признаке и его роли в выборе производящего слова в ходе суффиксального образования названий растений и животных. — «Учен. зап. Курск. пед. ин-та», вып. 41. Орел, 1968; Канделакн Т. Л. Связь между содержанием понятия и морфемной структурой технических терминов. — «Филологические науки». Научные доклады высшей школы, 1954, 3; Радзиховская В. К. К вопросу о выборе словообразовательной модели в процессе называния. — «Учен. зап. МГПИ», 1971, т. 451, ч. I и др.

³⁴ Ср. высказывание Л. В. Щербы: «... все языковые величины, которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосред-

Эффективность избранного аспекта во многом зависит от того, в какой мере конкретные приемы исследования отражают своеобразие исходных установок этого аспекта. В советском языкознании широко используются две «взаимонесключающие» методики словообразовательного анализа, сформулированные в свое время Г. О. Винокуром³⁵ и А. И. Смирницким³⁶.

Введение этих методик в языковедческую практику фактически означало противопоставление ономаσιологического и семасиологического подходов к изучаемому материалу, которые, как уже отмечалось, могут осуществляться в диахроническом и синхроническом плане. Изучение морфемного (словообразовательного) состава производных слов на основе тождества корневой части (производящей основы) слова, предложенное Г. О. Винокуром, по существу, вскрывает процесс формализации семантического признака, положенного в основу лексического значения производного слова. Напротив, анализ однотипных производных структур через отождествление их аффиксальных морфем, применяемый языковедами вслед за А. И. Смирницким, отражает процесс семантизации производной единицы.

По отношению к суффиксальным производным словам применение методики Г. О. Винокура интерпретируется как анализ слов в направлении «слева направо», а использование методики А. И. Смирницкого — как анализ «справа налево»³⁷. Объяснение первого («слева направо») и второго («справа налево») видов словообразовательного анализа производного слова как соответствующих ономаσιологическому и семасиологическому аспектам лингвистического исследования основывается на факте принадлежности русского языка к языкам флективного строя, для которых характерно скопление формальных показателей в конце («справа») слова. Вследствие этого оформление новой лексической единицы (отражающее движение познавательного процесса от конкретного, чувственного — к понятийному, общему) завершается созданием «конца слова», т. е. формальным

ственным опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания...» (Языковая система и речевая деятельность, с. 26).

³⁵ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959.

³⁶ Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 5, 1948.

³⁷ Крылов Н. Л. О некоторых параллелях между фонетическим и морфологическим анализом. — «Филологические науки». Научные доклады высшей школы, 1970, 2, с. 109.

выражением наиболее общих, квалифицирующих и категориальных, компонентов словесного значения³⁸. Процесс семантизации, происходящий в обратном порядке, идет к единичному, «лексическому» значению — от общей, категориальной формы, выделяемой путем формально-семантического отождествления аффиксов.

Этапы формализации и семантизации в принципе четко соотносятся между собой, имея своим языковым выражением одни и те же двусторонние «отрезки» производного слова (его основную и аффиксальную части)³⁹.

Обе методики находят «опору» в самом языковом материале, дающем, с одной стороны, образцы слов, словообразовательная структура которых поддается анализу с обеих точек зрения, с другой, — лексические единицы, объяснимые лишь с помощью одной из этих методик (примеры для тех и других случаев общеизвестны). Из сказанного ясно, что определение рассматриваемых методик как «взаимоисключающих» верно лишь применительно к ограниченному числу слов⁴⁰. Несоответствие результатов анализа, проводимого с помощью указанных методик, является показателем того, что исследуемые единицы характеризуются нетипичной для данного состояния языка словообразовательной структурой. Эта их особенность может быть связана с потерей продуктивности соответствующим словообразовательным типом или с индивидуальной историей рассматриваемого слова, но и в том, и в другом случае исследователь имеет дело с явлением частичной мотивированности, суть которого наиболее полно раскрывается путем соотнесения ономаσιологической и семасиологической точек зрения.

Естественно, что рассматриваемые виды аспектуальных противопоставлений не изолированы друг от друга. Ономаσιологическая и семасиологическая точки зрения, в свою очередь, возможны только в рамках диахронического или синхронического «среза» языкового материала и полностью

³⁸ Ср.: «Словообразование всегда «морфологично» в том смысле, что каким бы ни был словообразовательный акт по своей формальной сущности, он приводит к созданию однословного наименования со своей собственной морфологической структурой и, значит, завершается в морфологии.» — Кубрякова Е. С. Словообразование и его связи с другими лингвистическими дисциплинами. — Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974, с. 91. В этой цитате в связи с обсуждаемым вопросом привлекает внимание конец фразы, подчеркивающий морфологическое оформление слова как завершающий этап словообразовательного акта.

³⁹ См. об идентичности объекта ономаσιологии и семасиологии в указ. работе Г. Кронассера (с. 73—74).

⁴⁰ См.: Янценецкая М. Н. Об аспектах и методах анализа производных слов. — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1977.

покрываются этим делением, хотя относятся как будто к разным (перекрещивающимся) плоскостям.

Вопрос о «внутриязыковых» аспектах словообразования связан с решением проблемы взаимодействия словообразования с лексикой и грамматикой языка⁴¹. Основная задача при этом состоит в выявлении тех связей словообразования с другими сторонами языка, которые играют роль в организации и функционировании словообразовательных единиц.

Взаимодействие словообразования с лексикой и грамматикой языка

Рассматривая вопрос о взаимодействии словообразования с другими сторонами языка, следует, на наш взгляд, исходить из тех функций, которые оно выполняет в общей системе языка⁴².

В этом плане представляется существенным то, что словообразование, создавая лексические единицы, служит процессу номинации и уже по своему этому назначению обязано постоянно и быстро реагировать на все новые требования языкового общения, что вряд ли было бы возможно без наличия в языке достаточно устойчивых, отработанных во времени и в то же время подвижных специализированных средств.

Потребность в новом наименовании рождается в общественной среде⁴³, но путь поиска средств выражения необходимого понятия идет через лексическую систему, которая подтверждает отсутствие соответствующего лексического знака, свидетельствуя тем самым о необходимости создания новой лексической единицы. Потенциальная неполнота, от-

⁴¹ По мнению А. Бартошевича, «несмотря на богатую литературу по теории словообразования, словообразовательный ярус языка пока еще остался не вскрытым, не вполне ясным остается место словообразования в кругу других лингвистических единиц, нет достаточно всеобъемлющей и наиболее достоверной общей схемы, отражающей действие словообразовательной системы какого-нибудь языка, еще окончательно не выработаны необходимые точные и эффективные методы анализа». — Бартошевич А. К. определению системы словообразования. — «Вопросы языкознания», 1972, 2, с. 83.

⁴² Мы исходим из понимания языка как системы систем (подсистем). См.: Земская Е. А. О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка. — Проблемы современной филологии. Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, с. 142. См. также: Солнцева В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

⁴³ Ср.: «Таким образом, внешние воздействия, поступившие от окружающей среды, оказываются причиной «работы», «функционирования» такой системы языка, как словообразовательная». — Домогатская В. В. К вопросу о системе словообразования. Место словообразования отвлеченных имен существительных в общей системе словообразования. — Проблемы ономастологии. II, с. 195.

крытость⁴⁴ лексической системы, связанная, в свою очередь, с бесконечностью процесса человеческого познания, делает принципиально возможным появление в языке новых лексических единиц.

Фономорфологическая структура языка определяет те формы, в которых эта потребность реализуется. Словообразовательные средства, способствуя оформлению новообразований в соответствии с номинативными, фонетическими и морфологическими законами, тем самым вводят его в общую систему данного языка.

Уже из этой краткой характеристики следует, что словообразование имеет разносторонние внутриязыковые связи⁴⁵, принципиально различные по своим сущностным свойствам, эти связи и определяют соответствующие аспекты словообразовательной теории.

Связь словообразования с лексикой проявляется прежде всего в том, что именно в лексике выявляется «недостаток» лексического материала, необходимого для приведения лексико-семантической системы в соответствие с познанной картиной объективной действительности⁴⁶.

Выравнивание языковой модели мира⁴⁷ в соответствии с расширяющимися знаниями об объективной действительности должно, очевидно, идти по линии преобразования лексико-семантических групп (полей)⁴⁸ как отдельных

⁴⁴ Ср. определение лексической системы как «несравненно более обширной, сложной, гибкой и подвижной», чем системы фонематической и грамматической, в кн.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX в. М.—Л., 1965, с. 13. См. характеристику фрагмента действительности, не имеющего в некоем языке наименования, как «потенциального десигната» этого языка в работе: Dogoszewski W. Uwagi o semantyce (z dyskusji logiczno-lingwistycznej). — В кн.: *Studia a szkice jezykoznawcze*. Warszawa, 1962, s. 138.

⁴⁵ См.: Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования. — В кн.: В. В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., «Наука», 1975, с. 155—156; Он же. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). — Там же. Ср. также: Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., 1965, с. 3—13; Она же. Словообразование и его связи с другими лингвистическими дисциплинами; Степанова М. Д. О месте словообразования в системе языка. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., «Наука», 1969; Бартошевич А. К определению системы словообразования.

⁴⁶ Ср. у В. А. Богородицкого «о суффиксальных категориях, посредством которых классифицируется в русском языке все разнообразие предметов мира». — Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики М.—Л., 1935, с. 136.

⁴⁷ Брутян Г. А. Язык и картина мира. — «Философские науки». Научные доклады высшей школы. 1973. I. Ср. также: Васильев С. Язык, значение и картина мира. — «Изв. АН КазССР. Серия общественных наук». 1972, 4.

⁴⁸ См.: Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 128—152; Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической си-

звеньев этой модели. Говорить о конкретных словообразовательных-полевых связях в настоящее время не представляется возможным, так как ни одна лексическая система еще не дана в виде целостной «полевой» картины (что является чрезвычайно сложной задачей), хотя имеется целый ряд работ, в которых рассматриваются теоретические и практические вопросы общей и частной идеографии⁴⁹. Можно лишь отметить, что словообразование небезразлично к принципам объединения слов в семантические группы.

Словообразовательные типы ближе всего к таким объединениям слов, которые строятся на основе родо-видовых связей, отражающих десигнативную направленность⁵⁰ слов. Эти отношения могут быть обобщены до типовых. Получаемые при этом типы связей определенным образом соотносятся со словообразовательными отношениями⁵¹, которые в зависимости от способа и степени обобщения могут характеризовать слова разного количества семантических полей⁵². При наиболее абстрактных значениях («неодушевленный предмет», «признак по предмету», «носитель свойства» и т. п.) слова одного словообразовательного типа могут, на-

стеме языка, М., 1968, с. 170—174; Она же. К вопросу о лексико-семантической системе языка.— «Вопросы языкознания», 1962, 4, с. 44. Но ср. более узкое толкование понятия «лексико-семантической группы»: Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов.— В сб.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов, София, 1957.

⁴⁹ Обзор трудов по теории поля см.: Уфимцева А. А. Теория «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка.— В сб.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике, М., 1961; Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования, М., 1963; Gesselер Н. Zur Wortfelddiskussion. Untersuchungen zur Gliederung des Wortfeldes «alt — jung — neu» im heutigen Französisch. München, 1971 (см. например: Кар. III. Zur Diskussion der Wortfeldtheorie, S. 84—176. Васильев Л. М. Теория семантических полей.— «Вопросы языкознания», 1971, 5; Щур Г. С. Теория поля в лингвистике, М., «Наука», 1974; Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография, М., «Наука», 1976; Тодорова Е. Въпросът за лексиката като система в съвременното езиковедство.— «Български език», год. XXVII, 1977, кн. I.

⁵⁰ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография, с. 132.

⁵¹ Ср.: «Эти типы связей можно также представить и как обобщение, усреднение семантических связей, установленных для словообразовательных отношений». — Караулов Ю. Н. Указ. раб., с. 239.

⁵² Ср. наблюдение А. И. Моисеева, сделанное им над неличными существительными: «... в каждой тематической группе и подгруппе могут оказаться любые мотивационные типы, а каждый мотивационный тип может быть в любой группе». — Моисеев А. И. Наименование лиц по профессии (семантические основы наименований).— «Вестник ЛГУ», 14, вып. 3. История. Язык. Литература, 1967, с. 135. Негождественность «смысловых» и словообразовательных категорий в славянских языках отмечали и другие ученые. См., например: Doroszewski W. Syntaktyczne podstawy słowotwórstwa.— «Z. polskich studiów slawistycznych». Seria 2. Warszawa, 1963, s. 66.

ряду с другими единицами, формировать многие семантические поля. Если же словообразовательное значение — конкретное, оно соотносится лишь с одной лексико-семантической группой, совпадая с какой-либо одной типовой связью поля (ср. одинаковое словообразовательное оформление таких микрогрупп, как *медвежонок, зайчонок, лисенок* и др.; *поросята, телятина, курятина* и т. п. или *земляника, клубника, брусника* и т. д.).

Очевидно, что и принципы номинации, определяющие объем потенциальных производящих единиц, прикреплены к группам слов, организованным по родо-видовой модели.

Заметим, что собственно тематические объединения слов, перечисляющих составные элементы определенной денотативной ситуации (напр., *стол, стул, диван, шкаф* и т. д. — *мебель*; *рубашка, платье, пальто* и т. д. — *одежда*)⁵³, на словообразовательном уровне, как правило, не поддерживаются.

Как видим, сколько-нибудь устойчивого соответствия между лексико-семантическими группами (полями) и словообразовательными типами нет. Незамкнутость лексической системы⁵⁴ и незначительная роль формальных показателей в ее организации, отражающие бесконечность окружающего нас мира и эвристичность самого процесса познания, находятся в явном противоречии с количественной ограниченностью словообразовательных средств и типичностью их формы и содержания.

Формальная и смысловая уникальность⁵⁵ производного слова и связанные с нею особенности словообразования — вот в общем виде тот круг явлений, который охватывается лексическим аспектом словообразования. Анализу подвергаются отношения между производящими и производными словами как целостными лексическими единицами, т. е. с учетом формы и значения каждого слова во всем богатстве звуковых и смысловых оттенков. Так как в других парах

⁵³ См.: «Указание рода, или суперординаты, всегда есть указание определяющей семантической связи между входящими в данное множество элементами, т. е. между гипонимами. Соотношение же часть — целое, свойственное денотативному имени, представляет собой обозначение определенной ситуации, а перечисление элементов этой ситуации составляет тематический класс. Гипонимы равноправны по отношению к суперординате, и каждый из них самостоятелен... Когда же именем поля задана ситуация, то элементы ее неравноправны, поскольку не могут быть подставлены один на место другого и собственно любой из них не может быть заместителем целого: палец не заменит ногу, а носки рубашку.» — Караулов Ю. Н. Указ. раб., с. 132—133.

⁵⁴ Ср.: «Таким образом, открытость поля, его незавершенность, способность «генерировать» новые слова выступает как фундаментальное его свойство.» — Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография, с. 214.

⁵⁵ О фразеологичности слова см.: Панов М. В. О слове как единице языка. — Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1956, № 51, вып. 5.

слов такого вида отношения не повторяются, в центре лексического аспекта оказываются единичные виды лексико-словообразовательных связей.

Обсуждаемые в лингвистической литературе вопросы при такой постановке получают соответствующее толкование. Так, уникальные аффиксальные («остаточные») части производных слов полностью приравниваются словообразовательным суффиксам на том основании, что, участвуя в создании слова, они выполняют ту же функцию, что и суффиксы, служащие для образования целой серии производных слов⁵⁶. Невыводимость лексического значения из значения производящих компонентов⁵⁷ отождествляется с невозможностью подобрать пары словообразовательно связанных слов с одинаковым видом семантических отношений внутри них.

Но, как справедливо отмечается в работах по словообразованию, отношения двух слов без дальнейших обобщений отражают особенности лексической, а не словообразовательной системы⁵⁸. Установлено, что русское словообразование характеризуется набором словообразовательных средств, который, хотя и видоизменяется во времени, в каждый данный момент количественно ограничен и служит для создания слов по определенным моделям. Это значит, что уникальные аффиксальные отрезки по своей словообразовательной сути не совсем то же самое, что и словообразовательные суффиксы, а фразеологичность производных слов не означает отсутствия типовых словообразовательных отношений.

Своеобразную характеристику с лексической точки зрения получают синтагматические и парадигматические связи производных слов, которые устанавливаются соответственно по линии словообразовательной цепочки (*красный — краснеть...* и т. д.) и по линии слов одной словообразовательной

⁵⁶ См.: Гинзбург Е. Л. Слово как членимое единство или как комбинация морфем? — «Учен. зап. Пермск. ун-та», № 243, Вопросы грамматики, Пермь, 1972, с. 51—53; Моисеев А. И. Об унификах и прочем. — Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы республиканской конференции. Самарканд, 1972, с. 52 и др.

⁵⁷ Моисеев А. И. Мотивированность слов. (Мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке.) — Исследования по грамматике русского языка. IV. «Учен. зап. ЛГУ», № 322. Серия филологических наук, вып. 68, 1963, с. 123; Сафарова К. А. Структурная мотивировка слова (на материале аффиксальных и сложных образований современного английского языка). Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1970.

⁵⁸ См.: «Специфика характеристики лексических явлений с учетом структурно-словообразовательных признаков формы создается тем, что здесь учитывается индивидуальность проекции словообразовательных отношений, которая, естественно, стирается на уровне общего словообразовательного анализа, поскольку он принципиально (в связи с его задачами) ориентирован на общее в значении производных слов в пределах словообразовательных типов». — Степанова В. В. Признаки слова как основа классификации лексических единиц. Лекция. Л., 1976, с. 20.

модели (*краснеть — чернеть...* и т. п.)⁵⁹. Объединенные в единую схему, они образуют, как минимум, словообразовательные «квадраты»⁶⁰.

Можно предположить, что влияние лексики на словообразование происходит по линии снятия некоторых структурных (формально-семантических) ограничений, накладываемых языком на словообразовательные процессы, по линии разрушения словообразовательных стереотипов в целях сохранения в языке принципа уникальности лексической единицы, обеспечивающего богатство и неповторимость лексики, ее широкие функциональные возможности⁶¹. Чтобы это предположение подтвердилось, необходимо найти конкретные формы такого влияния.

Воздействие словообразования на лексику носит иной характер: оно создает формально-семантическую основу для возникновения деривационно отмеченных⁶², т. е. мотивировочных, межлексемных связей, охватывающих всю производную и значительную часть непроемной лексики.

Связь словообразования с морфологией усматривается 1) в определенном изоморфизме строения словообразовательной и морфологической систем в целом⁶³ или в отдельных их звеньях⁶⁴; 2) во влиянии морфологических категорий на словообразовательные. Причем имеется в виду как самая широкая зависимость словообразовательной системы от морфологической⁶⁵, так и «подчиненное» положение

⁵⁹ Подобное понимание словообразовательной парадигмы можно видеть в работе: Никитина Ф. А. Влияние аналогии на словообразование. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Киев, 1973. См. также: Яценецкая М. Н. Словообразовательная и лексическая мотивированность слова.— В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 4. Томск, 1977.

⁶⁰ Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 81—83.

⁶¹ См.: «...система — это не только гармоническое сочетание элементов одного и того же порядка, но в то же время и совокупность противоречивых элементов и отношений, отражающих диалектическую борьбу противоположностей, борьбу старого с новым, отживающего с нарождающимся». — Филин Ф. П. Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания.— «Вопросы языкознания», 1965, 2, с. 21.

⁶² По терминологии Д. Н. Шмелева, «эпидигматических». См. его статью «О третьем измерении лексики». — «Русский язык в школе», 1971, 2.

⁶³ Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). — В сб.: Русский язык. Грамматические исследования. М., «Наука», 1967; Земская Е. А. О принципах выделения языковых уровней.— В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., «Наука», 1969; Мурашов Р. З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи.— «Вопросы языкознания», 1976, 5, с. 133.

⁶⁴ См., например, о словообразовательной парадигматике в кн.: Godowska-Honowska M. Zarys klasyfikacji polskichy derywatów. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, s. 24.

⁶⁵ Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М.,

ние конкретных словообразовательных единиц по отношению к морфологическим (распределенность большинства словообразовательных аффиксов «по частям речи»⁶⁶, ограничение некоторых словообразовательных моделей собственно морфологическими характеристиками⁶⁷ и т. п.).

Изоморфизм словообразовательной и морфологической систем определяется прежде всего тем, что конструктивным признаком «нового» слова, как и «новой» формы, является аффикс⁶⁸. Если исходить из того, что единица языка (фонема, морфема, слово, предложение) создает языковой уровень⁶⁹, то следует признать, что словообразование, как и морфология, строится «на уровне морфемы». Вопрос заключается в том, чтобы при данном «условии» найти те показатели, которые бы определили специфику словообразования по сравнению с теорией словоизменения, также характеризующейся аффиксальной морфемой как главным определяющим признаком. В этой связи необходимо обратить внимание на два совершенно различных, но одинаково важных для словообразовательной теории момента.

Во-первых, словообразовательные и словоизменяемые аффиксы имеют между собой существенные различия. Словоизменяемые аффиксы в отличие от словообразовательных обладают принципиально более абстрактной семантикой (имеют значения отношений), не влияют на лексическое значение и создают базу для синтаксического функционирования слов. Словообразовательные аффиксы богаче по содержанию, влияют на лексическое значение слова и способствуют формально-семантической организации лексической системы языка. Иными словами, словообразовательные и словоизменяемые аффиксы «обращены в разные стороны», имеют разную функциональную нагрузку.

С данным их различием связан тот факт, что «традиционно выделяемые стороны языка основаны не только на едини-

1969; Хохлачева В. Н. Словообразование существительных в русском языке. (Опыт системного описания). Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук.

⁶⁶ Ковалик J. Вчення про словотвір (словотворчі частини слова). Львів, 1958.

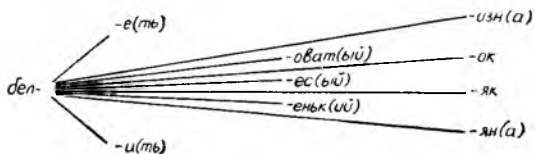
⁶⁷ Лопатин В. В., Улуханов И. С. Построение раздела «Словообразование». — «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., «Наука», 1966, с. 60.

⁶⁸ Ср.: «Для того, чтобы обосновать разделение словообразования и морфологии на два уровня, необходимо доказать, что для них характерны разные единицы, а не одна общая — морфема». — Земская Е. А. О принципах выделения языковых уровней, с. 280. См. также: Лопатин В. В., Улуханов И. С. К соотношению единиц словообразования и морфологии. — В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

⁶⁹ Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. — В кн.: Новое в лингвистике, IV. М., 1965.

цах, но и на том противопоставлении лексического и грамматического, которое может проходить «внутри одной единицы»⁷⁰. Это второй момент. Здесь уместно вспомнить, что и лексика, и словообразование, и морфология имеют в качестве предмета исследования слово⁷¹, которое в лексике рассматривается как целостная формально-семантическая единица, в морфологии — как совокупность словоформ, а словообразование изучает формально-семантическую структуру слова, определяемую и поддерживаемую теми процессами, которые происходят в словообразовательной системе языка⁷². Следовательно, словообразование имеет свой объект исследования, вследствие чего, наряду с лексикой и морфологией, представляет особую область лингвистики, характеризующуюся «срединным» положением между лексикой и морфологией⁷³.

Признаком изоморфизма между словообразованием и морфологией является также определенный параллелизм между «строгой схемой (сеткой) полного набора морфологических форм» и «схемой возможных деривационных образований»⁷⁴. Опираясь на этот параллелизм, И. С. Улуханов предлагает «словообразовательный уровень исследовать в данном аспекте принципиально так же, как и морфологический, ибо в обоих случаях исследуется сочетаемость морфем»⁷⁵. В результате такого подхода словообразовательная парадигма понимается как перечень возможных связей одной основы со словообразовательными аффиксами типа:

⁷⁰ Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст, с. 9.

⁷¹ Ср.: «...говоря о лексике, словообразовании, морфологии, мы думаем о словах. Три структурных области языка оказываются в каком-то смысле тождественными, все они суть разные аспекты словарного материала языка». — Головин Б. Н. Замечания к теории словообразования. — «Учен. зап. Горьк. гос. ун-та». Вып. 76, 1967, с. 67.

⁷² Ср.: Кубрякова Е. С. Что такое словообразование, с. 24; Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования, с. 100; Бартошевич А. К. определению системы словообразования, с. 87.

⁷³ Срединное положение словообразования мы склонны связывать не с его «междуровневым характером», а со спецификой словообразовательного аффикса как основной структурной единицы словообразования. Ср. другую точку зрения: Степанова М. Д. О месте словообразования в системе языка, с. 278—279.

⁷⁴ Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов), с. 168.

⁷⁵ Там же. См. также: Włodowska-Honowska M. Zarys klasyfi-

Действительно, внутренний механизм соединения морфем в словообразовании и в морфологии в принципе один и тот же. Разными являются условия их функционирования и факторы, с которыми связаны «порождающие возможности»⁷⁶ морфологических и словообразовательных моделей.

Морфологическая и словообразовательная парадигмы различаются, прежде всего, тем, что первая представляет собой схему соотношения форм одного слова (совокупность вариантов одного тождества), вторая — схему соотношения нескольких слов (совокупность разных тождеств). Следует также иметь в виду, что типизированность словообразовательных процессов не может быть уподоблена «автоматизму» чисто морфологических образований хотя бы уже потому, что она ограничена лексико-семантическими особенностями производящих единиц. Следовательно, словообразовательная парадигма в принципе может отражать лишь возможные, а не обязательные связи⁷⁷. Всякого рода ограничения не просто делают «неполными» число реализаций словообразовательной модели, они характеризуют такой существенный ее показатель, как продуктивность (непродуктивность) и степень этой продуктивности. Более того, за ними скрывается главное, во имя чего существуют словообразовательные модели, — наличие (или отсутствие) у носителей языка потребности в образовании тех или иных единиц словообразовательной парадигмы.

Сказанное не означает, что морфологический подход к словообразованию не имеет права на существование. Напротив, он позволяет более строго описать словообразовательную систему в целом, но при условии, что при этом учитывается специфика словообразования по сравнению с морфологией. Без изучения этой специфики «морфологическая» картина словообразования окажется неточной.

Существенно важным следует признать описание способов взаимодействия словообразовательной и морфологической систем языка, выявление взаимоналагаемых «кусков», звеньев этих систем, через которые осуществляется их связь (ср., например, явление парадигматики в морфологии и словообразовании, функционально-семантические особенности словообразовательных суффиксов в зависимости от их прикрепленности к той или иной части речи, частеречные характеристики производящих слов и их словообразующие возможности и т. п.).

В работах по словообразованию эти и подобные им вопросы обычно рассматриваются параллельно с решением дру-

sacjii polskiyh derywatów, s. 24; Медникова Э. М. К вопросу о лексико-морфологических категориях. — «Вопросы языкознания», 1971, 5, с. 58.

⁷⁶ Улуханов И. С. Указ. раб., с. 166.

⁷⁷ Там же, с. 167.

гих задач и потому достаточно полного освещения еще не получили. В связи с этим особого внимания заслуживают те исследования, которые построены с ориентацией на грамматический аспект словообразования.

Так, в работах В. Н. Хохлачевой⁷⁸ словообразование полностью отграничивается от лексики. Автор ставит задачу найти приемы, позволяющие «приблизиться к инвариантным определениям основных понятий словообразования», что, по мнению автора, «отождествляется с системным аспектом изучения данного объекта»⁷⁹. Внутреннюю диалектику словообразовательного процесса исследователь видит в преодолении несовместимости категориальных значений производящих и производных слов путем «подавления» категориальных свойств, воплощенных в производящих единицах, во имя «торжества» категориальных свойств производных слов (с. 34)⁸⁰. Вследствие этого словообразовательная система определяется «как система соотношения частей речи» (с. 40). Тожество семантического аспекта производности устанавливается как «количественное соотношение производных и производящих единиц», трактуемое через понятия «меньше» и «равно» (с. 23)⁸¹. Отсюда — вывод об отсутствии у словообразовательных аффиксов какого-либо специализированного содержания и их незначимости для определения словообразовательных единиц.

Подход к словообразовательной системе с грамматических позиций позволил В. Н. Хохлачевой обратить специальное внимание на грамматические характеристики производящих и производных слов и подчеркнуть абстрагированный характер словообразовательного значения. В этой связи о многом

⁷⁸ Хохлачева В. Н. Изменения в системе словообразования существительных. — В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., «Наука», 1964; Она же. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., «Наука», 1969; Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Н. Т. Суффиксальное словообразование существительных в восточно-славянских языках XV—XVII вв. М., «Наука», 1974 (Ответственный редактор — акад. В. И. Борковский. Редактор — канд. филол. наук В. Н. Хохлачева); Хохлачева В. Н. Словообразование существительных в русском языке. (Опыт системного описания) и другие ее работы. Наиболее четко позиция В. Н. Хохлачевой выражена в ее докторской диссертации.

⁷⁹ Хохлачева В. Н. Словообразование существительных в русском языке. (Опыт системного описания). с. 16. В дальнейшем ссылки на этот автореферат будут производиться путем указания страниц в тексте.

⁸⁰ См. также: Хохлачева В. Н. О некоторых принципах построения описательной морфологии современного русского литературного языка. — «Филологические науки». Научные доклады высшей школы. 1969, 5, с. 99.

⁸¹ Ср. также: Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Н. Т. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв., с. 7.

говорит количественное соотношение производных и производящих единиц⁸². Полное их равенство в пределах сопоставляемых частей речи свидетельствует о максимальном «сохранении» в производных словах лексико-грамматических показателей производящих единиц⁸³. «Уменьшение» же количества производных единиц по сравнению с производящими отражает исключение из производящей семантики как лексических⁸⁴, так и грамматических значений⁸⁵.

Однако дело осложняется, когда речь идет о различных отсубстантивных словообразовательных типах. Возникает вопрос, как могут проявиться грамматические характеристики существительных в производных словах и какие изменения в этих производных словах можно рассматривать как результат подавления субстантивных грамматических значений.

Специфику словообразования от существительных, на наш взгляд, следует искать в особенностях их семантики — в абстрагированном характере их значения, представленного вне указаний на связь с другими видами значений (ср. не-синтаксичность категорий рода, числа и падежа у существительных), в то время как глаголы и прилагательные по своей языковой природе не могут не содержать таких указаний (и это отражается в их грамматических показателях).

Следовательно, отсубстантивные прилагательные и глаголы в принципе не способны «сохранять» грамматические категории существительных, а дальнейшее развитие соответствующих словообразовательных типов не может рассматриваться как постепенное подавление категориальных свойств производящих единиц. Объяснение существа словообразовательных отношений, направленных от существительных, должно заключаться в определении способа трансформации

⁸² Ср.: Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов), с. 188—189.

⁸³ Ср.: «Словообразовательные поля, возникшие как результат взаимодействия сем на уровне частей речи, в семантическом плане очень близки категориальной семантике производящих основ...» — Мурысов Р. Э. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи, с. 132.

⁸⁴ Сопоставительный анализ мотивационных отношений отвлеченных существительных различного суффиксального оформления показывает, что специфика каждого их вида определяется, прежде всего, количеством лексико-семантических вариантов прилагательных, с которыми суффиксы могут сочетаться. См.: Янценецкая М. Н. Морфолого-семантические связи отвлеченных существительных (к вопросу об избирательных возможностях суффиксов отвлеченного значения). — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Доклады лингвистической конференции. Ч. I. Томск, 1971.

⁸⁵ Ср., например, сокращение количества параллельных образований от глаголов совершенного и несовершенного вида среди существительных на *-ние*. — См. соответствующие разделы в работах Хохлачевой В. Н.: Изменения в системе словообразования существительных. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени; Автореф. докт. дис., с. 26.

субстантивного значения в признаковое и процессуальное. Он может быть определен как представление признака или процесса через отношение, устанавливаемое между двумя субстанциями, одна из которых обозначена существительным, а другая намечена значением прилагательного или глагола (см. главу 11). Как видим, принцип подавления грамматических значений производящих единиц в производных нельзя считать для словообразования основным, пронизывающим все словообразовательные отношения и организующим словообразовательную систему в целом.

Справедливо возражая против отождествления в словообразовании понятий «семантический» и «лексический», В. Н. Хохлачева приходит, как кажется, к другой крайности — отождествлению понятий «семантический» и «грамматический» («частеречный»), когда понятие «семантический» определяет как «категориальный, т. е. свойственный части речи во всем объеме присущих ей внутрикатегориальных значений» (с. 33). Такая интерпретация отражает отрицание связи словообразования с лексикой. Ограничение словообразовательных процессов движениями в области грамматических показателей производящих и производных слов исключает из сферы словообразования вопросы взаимодействия словообразовательных и лексических категорий. В то же время эти последние, несомненно, также оказывают влияние на ход словообразовательных процессов, хотя бы уже потому, что способны изменять количественное соотношение производных и производящих единиц и тем самым сужать или расширять тот или иной тип словообразовательного значения.

Более эффективным является рассмотрение семантических словообразовательных категорий в пределах частеречной семантики производных слов, что согласуется со спецификой взаимодействия словообразования и морфологии, с одной стороны, и словообразования и лексики, с другой. Конечно, морфологические изменения не могут не отразиться на истории словообразовательных форм и значений, но влияние открытой лексической системы на словообразование приводит к тому, что словообразовательные модели в диахронии оказываются более подвижными, чем модели морфологические.

Как отмечалось, процессы словообразования направлены, прежде всего, на создание новой лексической единицы, отражающей новое понятие или понятие, уже известное носителям языка, но оформленное в виде словосочетания. Новых грамматических значений, как известно, при этом не возникает и не может возникнуть: процесс изменения грамматических категорий затрагивает не отдельные лексические единицы, а целые пласты лексики той или иной части речи,

включая слова производные и непроизводные. Словообразовательная модель каждый раз лишь фиксирует имеющееся в языке соотношение грамматических форм и значений, определяя место новообразования в лексико-грамматической системе языка. Категориальное, частеречное значение указывает на ту степень абстракции, которой может достигнуть словообразовательная семантика, но которой она чаще всего не достигает, «отягощенная» своим особым назначением — создавать конкретные языковые элементы — производные слова. Словообразовательные модели не могут полностью оторваться от лексики. Они обязаны учитывать не только ее типовые заявки, но также реагировать на неожиданные, иногда сиюминутные ее требования и капризы и потому далеко не всегда поднимаются до уровня частеречных обобщений. Но своеобразие словообразовательной системы, думается, в том и заключается, что словообразовательные единицы разной степени абстракции (см. словообразовательные модели) в функциональном отношении в ней уравниваются между собой.

С этих позиций исключение из описания «отдельных семантически изолированных образований, не входящих в словообразовательные типы»⁸⁶, далеко не во всех случаях может быть признано правомерным и само по себе уже свидетельствует о «недостаточности» морфологического подхода к словообразованию.

Можно сказать, что и лексическая, и морфологическая точки зрения призваны решать одну проблему — проблему соотношения уникального по значению и форме единичного слова с типизированными способами словообразования. Разным (противоположным) является направление анализа: «лексиколог» идет в своем исследовании словообразовательной системы от слова к «способу», «морфологист» — от «способа» к слову.

* *
*

В основе сближения словообразования с синтаксисом лежит общий для всех уровней языка синтагматический принцип организации языковых явлений. На этом основании отношения между элементами производного слова рассматриваются как аналогичные отношениям внутри словосочетаний и предложений⁸⁷. Еще Ф. И. Бусла-

⁸⁶ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 45.

⁸⁷ См., например, Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959; Marchand H. Synchronic analysis and word-formation. Drogoszewski W. Kategorie słowotwórcze.— В кн.: Studia i szkice językoznawcze. Warszawa, 1962; Головин Б. И. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1966 и др.

ев, высказывая идею «сокращения предложения», фактически говорил о синтаксической основе производных слов (см. его примеры: *Кто сеет, тот ожидает жатвы* = *сеятель* ожидает жатвы; *«Что сеется, то может приносить плод»* = *семя* может приносить плод)⁸⁸. Подобная синонимичность объясняется по-разному. В ней видят структурную однотипность между синтаксическими и словообразовательными единицами⁸⁹, факт генетической зависимости производного слова от предложения⁹⁰ или логико-гносеологические связи между синтаксическими и лексическими единицами⁹¹.

Тезис о параллелизме межсловных связей в предложении и межморфемных — в производном слове, разрабатываемый в польском языкознании⁹², интересен тем, что в нем заключена мысль об универсальной значимости для языка явления «грамматической предикации»⁹³. Однако отождествление словообразовательных отношений с синтаксическими лишает словообразование его языковой специфики⁹⁴. По мнению некоторых ученых⁹⁵, близость предложения и слова достигается за счет общности их логико-гносеологических истоков. Слово и предложение действительно могут передавать одно и то же внеязыковое явление, но в лексических наименованиях отражается его статический образ, предложение

⁸⁸ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка, с. 281.

⁸⁹ D o r o s z e w s k i W. Kategorie słówotwórcze, s. 221; Он же. Syntaktyczne podstawy słówotwórstwa, s. 70—71; Он же. Pierwiastki syntaktyczne treści znaczeniowej wyrazów.— «Poradnik językowy», 1963. 3—4, s. 101—103 и др.

⁹⁰ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка, с. 281—283.

⁹¹ Marchand П. Synchronic analysis and word-formation; Торопцев И. С. Лексическая мотивированность (на материале русского языка); Он же. Очерк русской ономастологии (возникновение знаменательных лексических единиц). Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Л., 1970; Он же. Исходные моменты лексической объективации и др.

⁹² Кроме указ. работ В. Доршевского см.: G r z e g o r c z y k o w a R. O logiczno-syntaktycznej strukturze czasowników denominalnych.— «Poradnik językowy», 1963, 3—4 и др. Ср.: Волоцкая З. М. Опыт описания деривативных значений. (На материале русского и польского языков). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1972, с. 15—16.

⁹³ Лосев А. Ф. Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли. — «Изв. АН СССР», т. 35. № 5, 1976. По мнению А. Ф. Лосева, «было бы колоссальным достижением науки, если бы каждое отдельное слово уже нужно было бы считать конденсированным предложением» (с. 404). Ср. критические замечания по поводу этой теории: Зинovieв В. Н. Проблемы теории словообразования в современной польской лингвистической литературе.— «Учен. зап. Горьк. гос. ун-та». Вып. 52. Серия историко-филологическая, 1961.

⁹⁴ P r o b l é m y m a r x i s t i c k é j a z y k o v é d y. Nakladatelství československé akademie věd. Praha, 1962, s. 236.

⁹⁵ См., например: K u c h a r J. К общей характеристике номинации.

же передает явление в динамике. Параллелизм синтаксических и словообразовательных категорий неоднозначен. Он представляет собой «языковое отражение диалектического взаимоотношения между понятием и суждением»: понятие обуславливает структуру суждения, суждение, в свою очередь, обуславливает появление понятия⁹⁶.

Как бы ни понимать предложение: как «актуальные отношения между самими предметами или между разными их свойствами»⁹⁷ или как отношения между смыслом сказуемого и предметом реальной действительности (денотатом подлежащего)⁹⁸ — в любом случае функционально оно не тождественно производному слову, за чем не может не стоять структурное различие сопоставляемых языковых единиц.

В советском языкознании выдвинуто положение, в соответствии с которым словосочетания рассматриваются как первичная языковая форма объективируемого идеального содержания, подготавливающая условия для завершения процесса номинации на уровне слова. При этом словосочетание, определяемое как результат синтаксической объективации, признается обязательным звеном словопроизводственного процесса (И. С. Торопцев)⁹⁹. На этом основании некоторые языковеды словообразовательный процесс интерпретируют как явление синтаксического плана¹⁰⁰.

⁹⁶ *Problémy marxistické jazykovědy*, s. 235—247.

⁹⁷ *Trávniček Fr. Syntaktické a lexikální významy a prostředky. Jejich stránka poznávací.* — В кн.: *Problémy marxistické jazykovědy*. Nakladatelství Československé akademie věd. Praha, 1962. Резюме на русск. языке, с. 197.

⁹⁸ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., «Наука», 1976, с. 373.

⁹⁹ См. указанные работы И. С. Торопцева. Ср.: «Содержание номинации является всегда конденсацией значения высказывания, его экстрактом...» — Кусца Г. К. Общей характеристике номинации, с. 125. Ср. также наблюдения над зависимостью продуктивности моделей словосложения от частоты употребления в языке словосочетаний, включающих в свой состав производящие единицы, в ст.: Szadyko St. *Ogólnosłowiański produktywny typ rzeczowników złożonych we współczesnych językach wschodniosłowiańskich.* — «Slavia orientalis». Rocznik XXV, Nr. 2. Warszawa, 1976, s. 240—241.

¹⁰⁰ См.: «Новое («производное») слово всегда семантически соотносимо с синонимичным ему словосочетанием и всегда может быть интерпретировано с помощью такого словосочетания. Поэтому гораздо естественнее рассматривать образование «нового» слова как явление синтаксического, а не морфемного плана, т. е. преобразование некоторого словосочетания в слово, и описывать это явление в понятиях синтаксиса.» — Галичева В. А., Сахарный Л. В. Экспериментальные исследования закономерностей процесса образования «нового» слова (на материале диалектного слова). — *Живое слово в русской речи Прикамья. Межвузовский сборник научных трудов.* Пермь, 1976, с. 75. См. также: Сахарный Л. В. Словообразование как синтаксический процесс. — В сб.: *Проблемы структуры слова и предложения*, вып. 1. Пермь, Изд-во Пермск. ун-та, 1974.

Нужно отметить, что предложенная постановка вопроса, отражая ономаσιологическую точку зрения («не от производного слова, а к производному слову») ¹⁰¹, не исключает семасиологического анализа языкового материала («от производного слова»). С семасиологических позиций словосочетания, синонимичные производным словам, рассматриваются как такие единицы, которые мотивируют семантику производного слова (ср. *зачетная книжка* — *зачетка*) и могут быть «развернуты» в толковании (трансформы) производных слов с учетом морфематических связей последних ¹⁰². Такой подход позволяет более дифференцированно выявить мотивационные отношения слов разной словообразовательной структуры.

Связь словообразования с синтаксисом осуществляется не только по линии «синтаксис → словообразование», она имеет и обратную направленность: словообразовательные процессы могут привести к «изменению» ¹⁰³ синтаксических функций лексических единиц (явление синтаксической деривации ¹⁰⁴ или, по другой терминологии, действие «транспозиционных типов» ¹⁰⁵). Взаимодействие синтаксиса со словообразованием в указанном аспекте осуществляется с помощью и через морфологические, а именно, частеречные категории. Роль частеречных показателей как связующего, опосредствующего звена между словообразованием и синтаксисом некоторыми лингвистами (см., например, работу М. Бродовской-Гоновской ¹⁰⁶) используется в качестве основы для построения классификационной схемы производных слов. Главным в этом случае оказывается деление всех дериватов на две группы: 1) производные единицы как резуль-

¹⁰¹ Галичева В. А., Сахарий Л. В. Экспериментальные исследования закономерностей процесса образования «нового» слова (на материале диалектного слова), с. 77. См. также: К u s h a J. К общей характеристике номинации, с. 126.

¹⁰² См.: Волоцкая З. М. Семантическая классификация и способы образования отыменных глаголов.— В кн.: Структурная типология языков М., 1966; Она же. Опыт описания системы словообразовательных значений (на материале русского и польского языков). Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1968.

¹⁰³ Слово «изменение» взято в кавычки потому, что по существу речь идет о появлении новой лексической единицы с тем же вещественным, денотативным значением, но представленным в иных десигнативных очертаниях, которые определены принадлежностью слова к части речи. Появление у лексических единиц «дополнительных» синтаксических возможностей фактически связано с изменением их лексического значения, их понятийной формы, вскрывающей «новый» (иной) характер отражения того же внеязыкового объекта.

¹⁰⁴ Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 57—70.

¹⁰⁵ Dokulil M. Tvoření slov v češtině.

¹⁰⁶ Brodowska-Hopowska M. Zarys klasyfikacji polskich derywatyw.

тат межкатегориального (межчлестеречного) словообразования, приводящего к появлению у производной единицы по сравнению с непродуцной «новых» синтаксических возможностей, что на трансформационном уровне проявляется в недопустимости чередования производящего и производного слов без ущерба для синтаксической структуры предложения; 2) производные единицы как результат внутрикатегориального (внутричлестеречного) словообразования, сохраняющего синтаксические показатели производящего слова в производном, что подтверждается их взаимозаменяемостью в составе единой синтаксической структуры. В результате дальнейшего анализа этих групп выделяются различные подгруппы «чистого» и «гибридного» характера и тем. самым синтаксические характеристики производных слов в той или иной мере связываются с их семантико-словообразовательными особенностями¹⁰⁷. Основной функцией словообразовательных аффиксов признается функция отнесения слова к определенной части речи¹⁰⁸, обуславливающей появление у него «новой» синтаксической потенции¹⁰⁹. Таким образом, процессы словообразования рассматриваются с точки зрения их влияния на понятийно-грамматическую базу слов, изменение их характеристик и синтаксических функций¹¹⁰. И хотя нельзя не отметить, что «лексическая» проблематика словообразования (лексико-семантические разряды слов и словообразовательные типы, лексическое значение производящих слов и функционирование аффикса и т. д.) не находит отражения в работах рассматриваемого типа, это не снижает значимости их выводов, так как словообразование в них рассматривается как источник влияния на грамматическую систему языка.

Авторы собственно синтаксических работ взаимодействие словообразования с синтаксисом видят в возможности преобразования одних синтаксических функций в другие «за счет замещения в их составе деривационных (словообразовательных) морфем, как в примерах: *Мальчик болен — мальчик болеет; Он грустит — ему грустно* и т. п.»¹¹¹

Небезразлично для словообразования и функционирования производных слов некоторых транспозиционных видов

¹⁰⁷ См.: Бродовская-Гоновская М. Указ. раб.

¹⁰⁸ Эта идея восходит к В. Дорошевскому. См., например: D o r o s z e w s k i W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1963, s. 295.

¹⁰⁹ См.: Бродовская-Гоновская М. Указ. раб., с. 29.

¹¹⁰ Там же, с. 32.

¹¹¹ Располов И. П., Сычева С. Н. Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия.— «Филологические науки». Научные доклады высшей школы, 1974, 3, с. 67. См. также: Прокопович Н. П. К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетаний.— В сб.: Исследования по грамматике русского языка. М., 1955.

в качестве единиц, синонимичных придаточным предложениям¹¹², и т. п.

Вообще, говоря о связях словообразования с лексикой, морфологией и синтаксисом, следует иметь в виду, что эти связи обладают взаимной направленностью, вследствие чего отражают самые различные языковые тенденции. В данной работе обращается внимание прежде всего на те формы взаимодействия словообразования с другими сторонами языка, которые в какой-то мере раскрывают устройство и действие словообразовательной системы. Здесь важно отметить, что наблюдаемая в словообразовании тенденция к созданию слов в «нарушение» действующих правил поддерживается постоянным воздействием лексики; тенденция же к максимальной типизации словообразовательных процессов, проявляемая в функционировании наиболее продуктивных словообразовательных моделей, определяется морфологической структурой языка. В синхронии обе линии развития представлены словообразовательными типами разного количественного наполнения и разной семантической регулярности. Синтаксическая система, включающая в себя определенные типы словосочетаний, через эти последние оказывает влияние на формирование межсловных мотивационных отношений, а следовательно, и на семантические характеристики словообразовательных типов.

* * *

Заключая анализ вопроса об аспектах словообразования, можно сказать, что «общезыковой» план исследования (синхронический и диахронический, ономаσιологический и семасиологический и другие противопоставленные между собой аспекты) требует четкого разграничения двух его этапов, предполагающих сначала 1) точное соблюдение задач каждого подхода и недопустимость ориентации на противоположную точку зрения в процессе анализа языковых фактов с избранной позиции, а уже затем 2) объединение результатов обоих аспектов исследования в единую теорию.

¹¹² Puzynina J. Nazwy czynności we współczesnym języku polskim (stowotwórstwo, semantyka, składnia). Warszawa, 1969, s. 182—183. Иное звучание получает идея словообразовательно-синтаксического изоморфизма в работах синтаксистов, которые видят в синтаксической деривации или «такое преобразование одного предложения в другое, когда производное предложение и по своему статусу, и по смыслу закономерно отличается от исходного» (Храковский В. С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. «Наука», 1973, с. 13), или «развертывание (распространение) некоторой минимальной по своему составу синтаксической конструкции» в пределах определенного класса синтаксических структур (Распопов И. П., Сычева С. Н. Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия, с. 66. См. также: Николаева Т. М. Что такое трансформационный анализ? — «Вопросы языкознания», 1960, 1).

При «внутриязыковом» подходе к словообразованию, напротив, необходимо постоянно учитывать выводы и наблюдения, сделанные с другой точки зрения. Главную цель лексического и грамматического аспектов словообразования, очевидно, следует видеть в нахождении тех пружин словообразовательного механизма, которые приводят в согласование лексические и грамматические требования к структуре словообразования и словообразовательным процессам.

К вопросу об источниках изучения словообразования русского литературного языка

Основным источником изучения словообразования русского литературного языка долгое время были и до сих пор остаются данные письменного литературного языка, в котором результаты словообразовательных процессов закреплены как звенья единой словообразовательной системы, в силу чего оказывается возможным описание деривационной организации лексики, классификация деривационных типов с учетом их формально-семантических и статистических показателей. Внимание к функциональной стороне словообразования привело к необходимости дополнить письменные материалы наблюдениями над устной литературной («разговорной»¹¹³) речью, в которой широко представлены «потенциальные» слова, возникающие как конкретные реализации наиболее продуктивных словообразовательных типов¹¹⁴.

Факты литературного языка используются для изучения не только литературных, но и общезыковых словообразовательных процессов. Это вызвано тем, что единственным видом тенденций внутреннего развития литературного русского языка являются общезыковые тенденции¹¹⁵, поэтому, исследуя литературное словообразование, лингвисты тем самым познают главное направление в развитии словообра-

¹¹³ Земская Е. А. Русская разговорная речь (проспект), М., 1968; Она же. О понятии «разговорная речь». — В сб.: Русская разговорная речь. Изд-во Саратовск. ун-та, 1970; Она же. О понятии «разговорная речь». — В кн.: Русская разговорная речь, М., «Наука», 1973; Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1973, 2, с. 9—10; Баранникова Л. И. О социально-исторической обусловленности развития русской разговорной речи. — В сб.: Русская разговорная речь. Изд-во Саратовск. ун-та, 1970. См. другие работы этого сборника.

¹¹⁴ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956, с. 17—18; Ханпиря Э. И. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. — В сб.: Развитие словообразования современного русского языка, М., 1966, с. 154; Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 218.

¹¹⁵ Баранникова Л. И. О специфике развития и изменения компонентов общенародного языка. — В сб.: Язык и общество, вып. 2, Саратов, 1970, с. 23—24.

зовательных категорий и словообразовательных тенденций общенационального русского языка.

С другой стороны, «показания» нелитературных форм языка нередко оказываются полезными для исследователя литературного словообразования. Здесь можно отметить, что в целях выявления формально-семантического объема словообразовательных моделей и факторов, ограничивающих их функционирование, языковеды все чаще обращаются к характеристике «окказионализмов»¹¹⁶, распространенных в устной (литературной и нелитературной) речи, в языке художественных произведений, газет и т. п.¹¹⁷. Исключенными из списка источников оказались диалектные материалы¹¹⁸. В то же время развитие диалектов, представляющих собой, наряду с литературным языком, варианты реализации общезыковой системы¹¹⁹, в значительной мере отражает общерусские тенденции. «Объединяет все говоры русского языка то общенародное, что присутствует во всех разновидностях русского языка, в том числе и в литературном языке, что делает русский язык общенациональным средством общения» (Ф. П. Филин)¹²⁰.

¹¹⁶ Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография — «Вопросы языкознания», 1957, 4; Ханпиря Э. И. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании; Он же. Окказиональные элементы в современной речи. — В кн.: Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М., «Наука», 1972; Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 227—240; Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1975, с. 5.

¹¹⁷ Ср.: «Принципиальной особенностью окказионализмов является... тот факт, что при их образовании произошло нарушение действующих в языке законов производства тех или иных единиц. С этой точки зрения нет принципиальных отличий между окказионализмами авторскими (писательскими) и окказионализмами, не претендующими на авторство, — детскими и разговорными, ибо в этих сферах преимущественно и создаются окказионализмы. Кроме того, окказионализмы широко представлены в языке газет и журналов, т. е. в периодической печати». — Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 229.

¹¹⁸ См. критическое замечание Р. И. Аванесова по поводу изучения литературного языка «в изоляции» от языка диалектного» в его кн.: Русская литературная и диалектная фонетика, М., 1974, с. 3.

¹¹⁹ Ср.: «...современный русский язык как целое, несмотря на все его многообразие, есть определенное исторически сложившееся структурное единство, в которое органически вписываются его частные разновидности, будь то отдельные частные диалектные системы или доминирующая над ними в функциональном отношении система литературного языка». — Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика, с. 3. См. также характеристику диалектов как «единство реальной формы существования так называемого общенародного языка» в статье В. В. Виноградова «О преодолении последствий культа личности в советском языкознании». — В сб.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., «Наука», 1964, с. 18.

¹²⁰ Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1973, 2, с. 10. Ср.: «Они (диалектные

В настоящее время в связи с усилением внимания к разговорной разновидности литературного языка возрастает интерес и к диалектам, особенно к тем их явлениям, которые имеют повсеместное или почти повсеместное территориальное распространение. В силу более длительной традиции изучения диалектной речи по сравнению с изучением разговорного литературного языка диалектные материалы, сделанные по ним наблюдения и выводы стали использоваться как отправная точка в процессе анализа литературной разговорной речи. Основа такого подхода заключается в том, что «эти две сферы русского национального языка представляют собой единственную область исключительно устного функционирования русской речи, что создает уникальную возможность определения возможных схождения и расхождения и их причин»¹²¹.

Естественно, прежде всего рассматриваются общие характеристики диалектной и литературной разговорной речи, которые отмечаются исследователями в области синтаксиса¹²², лексико-фразеологической и словообразовательной экспрессии¹²³ и, несомненно, имеют место и в других областях языка. Диалектные данные «такого рода могут быть использованы не только для изучения особенностей диалектной речи, но и для раскрытия закономерностей, свойственных русской разговорной речи вообще»¹²⁴. Более того, как справедливо замечает О. А. Лаптева, они представляют собой материал, «исключительно ценный для понимания внутренней структуры литературной устно-речевой сферы», поз-

системы. — М. Я.) зависят от системы того языка, в которую входят не только в генетическом плане, но и в отношении основных тенденций своего развития. Эта зависимость проявляется как при реализации внутренних закономерностей развития частных диалектных систем, так и при развитии межязыкового или междиалектного контактирования» — Баранникова Л. И. О внутреннем (диалектном) членении языка. — В сб.: Язык и общество. Саратов, 1967, с. 5.

¹²¹ Лаптева О. А. Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения. — «Вопросы языкознания», 1969, 1, с. 22. См. также: Сиротинина О. Б., Сирченко Л. И., Токарева Л. Т., Травкина Н. И. Некоторые синтаксические особенности разговорной речи. — Русская разговорная речь. Сб. научных трудов. Изд-во Саратовск. ун-та, 1970, с. 141—142.

¹²² Ср.: «Что касается устно-речевых построений, общих для литературного языка и диалектов, то их, видимо, должно оказаться немало — во всяком случае больше, чем различных. Они свидетельствуют об общности устной базы литературного языка и диалектов — и генетически, и синхронно». — Лаптева О. А. Общие устно-речевые синтаксические явления литературного языка и диалектов. — В сб.: Русская разговорная речь. Изд-во Саратовск. ун-та, 1970, с. 136.

¹²³ Ивашко Л. И., Мжельская О. С. Псковские говоры как источник изучения разговорной речи. — В сб.: Русская разговорная речь. Изд-во Саратовск. ун-та, 1970.

¹²⁴ Ивашко Л. И., Мжельская О. С. Указ. раб., с. 249.

воляющий подчеркнуть ее синтаксические¹²⁵, а также морфологические и словообразовательные типизированные единицы.

На втором этапе исследования обращается внимание на различия сопоставляемых диалектных и литературных явлений, дающие возможность определить специфику обеих систем. В этом плане представляет интерес вывод Е. В. Красильниковой о том, что в некодифицированной речи, какой является разговорная литературная речь и диалекты, употребляется меньший, чем в книжном языке, набор морфологических единиц имени и глагола. «... И со стороны имени, и со стороны глагола в кодифицированном языке приращены переходные звенья, отсутствие которых делает морфологическое противопоставление имени — глагола более контрастным и поляризованным»¹²⁶. В то же время используемые единицы в устной речи получают более широкую дистрибуцию¹²⁷.

Все это не может не отражаться на словообразовательной картине в устных сферах русского языка.

И наконец, специфические черты сопоставляемых явлений могут быть оценены с позиций противопоставленных систем для характеристики последних; эти особенности могут указывать, с одной стороны, на различного рода ограничения в противопоставленной системе, с другой — на возможные потенции ее развития.

Сопоставление литературного и диалектного словообразования тоже следовало бы проводить на материале устно-литературной и диалектной речи. Но различия в словообразовании устно-разговорной и письменной форм литературного языка в настоящее время еще далеко не выявлены, а сама необходимость такого выявления фактически только поставлена как задача, которую предстоит решить¹²⁸. Реально возможным поэтому пока оказывается сравнение диалектной речи с литературным языком в целом, без разделения его на письменную и устную разновидность, имея в виду, что при любом подходе мы имеем дело с реализацией общерусских традиций и законов.

Говоря о диалектной и литературной системах русского языка, нужно отметить, что в каждой из этих систем дейст-

¹²⁵ Лаптева О. А. Общие устно-речевые синтаксические явления литературного языка и диалектов, с. 135.

¹²⁶ Красильникова Е. В. Изучение морфологии разговорной речи как системы. — В сб.: Русская разговорная речь. Изд-во Саратовск. ун-та, 1970, с. 122.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ См.: Патралова З. С., Санджи-Горяева З. С., Курило В. Ф. Суффиксальное образование существительных в разговорной речи. — В сб.: Русская разговорная речь. Изд-во Саратовск. ун-та, 1970.

вие общеязыковых тенденций, хотя и в разной мере, ограничивается, что зависит от специфических черт литературного языка и диалектов. В литературном языке общеязыковые тенденции сдерживаются его нормативной природой и, сталкиваясь с разного рода традициями¹²⁹, предстают в нем в своеобразном виде. В диалектах, развивающихся под воздействием общерусских и собственно диалектных тенденций¹³⁰, общеязыковая линия развития не встречает того нормативного ограничения, которое особенно характерно для письменного литературного языка, но может сталкиваться с диалектными законами, предопределяющими специфическую форму реализации общерусских тенденций в условиях говора. В любом случае общеязыковые явления в диалектах получают возможность иного, чем в литературном языке, проявления своих сущностных свойств, в их прямом или преобразованном виде. Исследование особенностей функционирования общерусских категорий в диалектных системах не только позволяет уточнить типовую линию в развитии соответствующей подсистемы литературного языка, но и дает возможность судить о разнообразных потенциальных возможностях данных категорий, о тех свойствах, которые в принципе способны актуализироваться и в литературном языке, а в ряде случаев и актуализируются в стилистически ограниченных его сферах или на периферии той или иной его подсистемы в своеобразной, нетипичной для литературного языка форме.

Следовательно, данные русских говоров могут рассматриваться как дополнительный материал для получения всесторонней характеристики различных явлений литературного языка и для выявления линии развития общерусских категорий, так сказать, в «чистом виде»¹³¹.

Несомненно, при этом важно учитывать как влияние нормы на развитие литературного языка, так и воздействие собственно диалектных тенденций на общерусские внутри

¹²⁹ О языковой норме в разных ее аспектах см.: Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. — В кн.: Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959; Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1968; Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами семантики). — В сб.: Развитие современного русского языка. М., АН СССР, 1963; Филин Ф. П. О языковой норме. — В сб.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам 22—25 октября 1974 г. М., «Наука», 1976 и др.

¹³⁰ Баранникова Л. И. О специфике развития и изменения разных компонентов общенародного языка, с. 23—24.

¹³¹ Ср.: «... Изучение норм литературного языка на широком фоне диалектного многообразия способствует наиболее глубокому пониманию закономерностей литературного языка, а также — шире — истории и современного состояния русского языка в целом». — Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика, с. 3.

диалектных систем. Взаимодействие говоров и литературного языка¹³² делает еще более сложным процесс выявления общерусских языковых тенденций и связанных с ними языковых категорий. Все это требует использования различных исследовательских приемов, но методическая основа, которая условно может быть определена как принцип межсистемной дополнительности, во всех случаях остается общей.

Принцип межсистемной дополнительности имеет общую основу с сопоставительным методом. Общим у них является сопоставление фактов разных языковых систем. Особенности принципа межсистемной дополнительности касаются характера сопоставляемых языков, выбора конкретных объектов и целей исследования.

Сопоставительный метод предполагает сравнение «соответствующих явлений разных языков, независимо от их принадлежности к той или другой языковой системе, т. е. независимо от наличия или отсутствия между ними генетических связей»¹³³. Применительно к русскому литературному языку и диалектам сопоставительный метод в конечном итоге используется для создания типологической классификации диалектных систем, чему обычно предшествует работа по выяснению «сходства, общности и специфики различных лексических (и иных. — М. Я.) явлений в разных диалектах» и литературном языке, по установлению «результатов взаимовлияния лексики диалекта... литературного языка... и инодиалектного окружения»¹³⁴ и т. п.

Принцип межсистемной дополнительности используется при исследовании таких родственных языковых систем, организация и развитие которых подчиняется общим законам и тенденциям; таковыми являются современные диалекты и литературная система русского языка, представляющие разные формы существования общерусской языковой системы. При этом в поле зрения исследователя попадают не все явления «дополнительной», диалектной системы, а лишь те, в которых рассматриваемая тенденция получает своеобразное преломление и проявляется в ином по сравнению с литературным языком виде, характеризуясь иными количествен-

¹³² Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка.

Подробнее эта проблема рассматривается в названных работах Л. И. Баранниковой. См. также ее статьи: О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения. — В сб.: Язык и общество. Саратов, 1967; Просторечие как особый социальный компонент языка. — В сб.: Язык и общество, вып. 3. Саратов, 1974.

¹³³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, с. 442. См. также: Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа. Л., 1963, с. 55—61.

¹³⁴ Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, с. 28.

ными или качественными показателями¹³⁵. Так, анализ диалектного материала показал, что значение «покрываться тем, что названо мотивирующим существительным», наблюдаемое в литературном языке лишь у глаголов *потеть* и *дернеть*, в русских говорах представлено шире (см.: *ботвесть* 'покрываться ботвой' *бронеть*, *брунеть*, 'зреть', ср. *бронь*, *брунь* 'метелка овса'; *бореть* 'зарастать деревьями'; *глеветь*, *броснеть* 'плесневеть', ср. *глев* 'пленка плесени на пиве, квасе', *броснь* 'плесень', *дерванеть* 'покрываться дерном', ср. *дерван* 'дерн' и др.) и включается в более широкое словообразовательное значение «приобретать то, что названо мотивирующим существительным» (ср.: *дуреть*, *басеть* при *баса* 'красота', *жиделеть* 'становиться плохой, слякотной' при *жидель* 'размягшая от воды земля, слякоть' и др.). Этот факт свидетельствует о том, что единичные образования слов, происходящие в литературном языке «с нарушением требований» словообразовательной модели (типа *потеть*), не случайны, они потенциально присущи общезыковой словообразовательной системе и могут привести к появлению в литературном ее варианте нового (отсубстантивного) словообразовательного типа (см. III главу).

Принцип межсистемной дополнительной имеет своей целью путем использования указанного типа фактов, принадлежащих разным системам — разновидностям национального языка, выявить общерусские языковые процессы и формы их реализации в литературном языке. Как видим, акценты смещаются: не литературные данные используются для характеристики говоров, а наоборот, диалектные факты позволяют уяснить суть литературных и общерусских языковых процессов.

Таким образом, принцип межсистемной дополнительной может рассматриваться как функционально-конкретизированная разновидность сопоставительного метода, которая характеризуется специфической целью, строго ограниченными объектами исследования и, главное, исходной предпосылкой, утверждающей наличие общей линии в развитии родственных языковых систем.

Нужно отметить, что в русском языкознании диалектные материалы широко использовались и используются для выяснения истории образования русского литературного язы-

¹³⁵ Ср. описание «приема сопоставительного установления функциональной значимости» в работе: Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа, с. 61. Подобное сопоставление литературной и диалектной систем «внутри» национального (в нашем случае — общерусского) языка может также указывать на перспективу развития сопоставляемых явлений в каждой из этих систем.

ка¹³⁶. По словам Ф. П. Филина, «проблема образования восточнославянских (как и многих других) языков главным образом является историко-диалектологической проблемой»¹³⁷. Следовательно, диалектные разыскания предоставляют необходимые данные для ретроспективного исследования литературного языка.

Перспектива развития литературного языка, хотя бы в виде перечня возможных вариантов в разных его подсистемах, устанавливается прежде всего на основе изучения самого литературного языка, путем выявления материального состава и особенностей функционирования его в разные эпохи существования, включая и современное состояние. При этом основной упор производится, как уже отмечалось, на разговорную речь и просторечные явления как наиболее независимые от ограничивающих нормативных требований. Несомненный интерес в этом плане представляют и современные русские диалекты.

Вследствие устной формы существования диалектная речь более широко, чем литературный язык, отражает процесс создания слов с отклонениями от типовых словообразовательных моделей, делая последние менее «морфологичными», менее строгими по семантике и форме. Она характеризуется весьма активным проявлением в конкретных актах общения лексических мотивировочных связей, определяемых местом производного слова в словообразовательной цепочке и шире — словообразовательном гнезде. Диалекты дают интересный материал по фоно-морфологическому варьированию производных слов и т. д. Эти и другие, подобные им, диалектные явления могут быть рассмотрены с учетом специфики развития конкретных говоров как реализация общеязыковых словообразовательных потенций, в определенной мере распространяющихся и на литературный язык. Установление «границ» распределения соответствующих явлений в литературном языке и говорах поможет охарактеризовать их место и особенности функционирования в каждой из изучаемых систем общерусского языка.

¹³⁶ См.: Обнорский С. П. К истории языка. — «Русская речь», М., 1927; Шахматов А. А. Очерки современного русского литературного языка. М., 1941; Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., «Наука», 1972 и др.

¹³⁷ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк, с. 4.

Глава первая

СЛОВА НЕТИПОВОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

1. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ СЛОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ТИПИЧНОСТИ И ЕДИНИЧНОСТИ

С первых шагов развития словообразовательной теории в качестве основной особенности словообразовательной системы постулируется типизированный характер словообразовательных процессов, позволяющий создавать слова по ограниченному числу образцов.

В конечном итоге словообразовательная система языка зависит от набора функционирующих словообразовательных моделей, степени их продуктивности и особенностей взаимодействия между собой. Но главным и определяющим является сам принцип действия словообразовательных моделей. Как известно, словообразовательная модель представляет собой такую схему построения слов, по образцу которой создается серия новых слов¹. Эта черта характеризует любую словообразовательную модель, независимо от степени ее продуктивности, от случаев неприятия некоторых из новообразований языком-узусом и т. п. Следствием этой особенности словообразовательной модели является наличие в языковой системе словообразовательных типов, которые объединяют слова с одинаковой семантической и формальной словообразовательной структурой². Под словообразовательным типом принято понимать схему строения производных слов, характеризующих общностью формально-семантического отношения к производящим словам, что выражается в тождественности аффикса и в общности лексико-граммати-

¹ О типизированности как характерном признаке словообразовательной системы см.: Marchand H. The categories and types of present-day english word-formation. Munich, 1969, p. 9.

² Термин «структура» в работе используется в значении «состав и внутренняя организация единого целого, рассматриваемого со стороны его целостности». — Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., «Наука», 1970, с. 49.

ческих свойств производящих единиц³. В отличие от модели тип характеризует только «готовые» слова, именно поэтому термин «словообразовательный тип» употребляется также и для обозначения объединения слов, обладающих одинаковой словообразовательной структурой (формально-семантической схемой построения)⁴, что, несмотря на высказываемые возражения⁵, представляется правомерным. Объединяя слова одной формально-семантической схемы построения, словообразовательные типы фактически классифицируют производные единицы по их морфемно-семантическим признакам и связям с производящими словами.

Существующие в языке словообразовательные типы образуют его морфемно-семантическую систему, которая охватывает значительную часть лексики, так как почти все слова языка вступают в деривационные отношения в качестве исходных и мотивируемых (производных) единиц⁶.

Внутри этой системы словообразовательные типы взаимодействуют, устанавливают дополнительные связи, которые могут привести к созданию новых формально-семантических типов, способных даже вызвать к жизни соответствующие словообразовательные модели.

Существуют разные виды взаимодействия словообразовательных типов, но все они сводятся к тому, что отдельные производные слова — или единичные, или образуя более

³ см.: Ковалик І. І. Вчення про словотвір (словотворчі частини слов). Львів, 1958, с. 13; Он же. Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами. Ч. І. Вид. Львівського університету, 1958, с. 8—9. Земская Е. А. Изменения в системе словообразования прилагательных. — В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964, с. 279; Она же. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 182; Лопатин В. В., Улуханов И. С. Построение раздела «Словообразование». — В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, с. 59; Он же. Словообразовательный тип и способы словообразования. — «Русский язык в национальной школе», 1969, 6, с. 4; Он же. Словообразование. Основные понятия. — В кн.: Грамматика современного литературного языка. М., 1970, с. 39 и др.

⁴ См., например: «Всякий ряд слов, характеризуемый семантическим единством, а также единством способа словообразования, называется словообразовательным типом». — Грамматика русского языка, I. М., 1953, с. 44. Ср. также: «Словообразовательный тип — это объединение производных слов, характеризуемых общностью трех элементов...» — Земская Е. А. Изменения в системе словообразования прилагательных, с. 279. (Разрядка в цитатах моя. — М. Я.).

⁵ См., например: Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975, с. 44—45, 46.

⁶ Здесь уместно вспомнить слова В. Дорошевского о том, что «без упорядоченного словообразования нет упорядоченной семантики». См.: Doroszewski W. Kategorie słowotwórcze. — В кн.: *Studia i szkice językowe*. Warszawa, 1969, s. 210.

или менее многочисленные группы — приобретают дополнительные⁷, а иногда и совсем новые мотивационные связи, выпадая в этом последнем случае по своим семантическим или формальным признакам из того словообразовательного типа, в который они до тех пор входили. Естественно, на этом пути возможны различные семантические и формальные уподобления, что в синхронном аспекте приводит к сосуществованию производных слов, неодинаковых по степени грамматичности их словообразовательных структур, представленных в широком диапазоне — от наиболее типичных до единичных.

Довольно широкое распространение фактов возникновения у производных слов новых мотивационных связей говорит о принципиальной, т. е. допускаемой самой словообразовательной системой, возможности нарушения тех однозначных словообразовательных отношений, которые лежат в основе действия словообразовательных моделей. При такой ситуации слова нетипичной словообразовательной структуры могут быть рассмотрены не только как отклонения от первичных связей производного слова. В определенной их части можно видеть также отражение упорядочивающей роли словообразовательных типов, втягивающих в свою сферу единичные слова, которые по каким-либо признакам могут быть восприняты как производные. И наконец, в ряде случаев слова уникальной словообразовательной структуры могут представлять собой непосредственный результат словообразовательного акта.

Производных слов, характеризующихся нетипичными семантическими или формальными словообразовательными показателями, не так уж мало в русском языке. Они требуют своего объяснения. Изъятие таких лексических единиц из словообразовательной системы не представляется правомерным, поэтому мы считаем необходимым включать их в словообразовательные исследования. Крайнее проявление нетипизированности словообразовательной структуры можно наблюдать в словах с уникальным корнем (производящей основой) или аффиксом, описанию которых и посвящается данный раздел книги.

Анализ слов, словообразовательная структура которых обладает какими-либо уникальными признаками, позволил разбить их на несколько групп. Деление проводилось с учетом того, какая часть слова, основная или аффиксальная, обладает признаком уникальности, а также, какую сторону

⁷ И. С. Улуханов называет их «сопровождающими мотивациями». См.: Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики. — «Учен. зап. Пермск. ун-та. Вопросы грамматики», 1972, № 243, с. 75.

лексической единицы, семантическую или формальную, характеризует данный признак. Возможные комбинации этих показателей образуют четыре группы, каждая из которых в русском языке получает конкретное наполнение.

1. Первую группу составляют слова с единичными по форме „производящими“ основами (корня -м и):⁸ *кал-ин-а, брусн-ик-а, ис-требить, раз-орить; с-набдить; перепон-к-а; прозрач-н-ый; не-уклюжий, не-лепый* и др.; см. также в разговорной речи: *от-чеккрыжить* 'отрезать', *при-шебуришиться* 'приодеться', *в-рюхаться* 'ввалиться'⁹, *от-чихвостить* 'сильно отругать за что-либо' (БАС); в диалектах: *из-галяться* 'издеваться', *о-чуняться* 'опомниться, прийти в себя'. *о-щуравить* 'обругать', *от-чебуриуть* 'отслужить, отработать', *рас-курочить* 'разломать' (см. ТС и ТСД) и т. п.¹⁰

Подобные слова (их основы) достаточно определенно расчленяются на две части¹¹ (в примерах они изображены через дефис), долженствующие отражать их словообразовательную структуру. Выделение «производящей» части является следствием функциональной повторяемости аффикса¹² (ср. с приведенными выше словами — *слород-ин-а, черн-ик-а, из-мельчить, раз-грабить* и др.), позволяющей установить различные формально-семантические вариации единого аффиксального тождества, что уже само по себе является свидетельством относительной автономности аффикса как единицы языка¹³.

Форма корня (основы) не может быть соотнесена с другими формальными ее вариантами (их нет в языке); она связана одним-единственным аффиксом и потому уникальна. Этим рассматриваемое явление отличается от формального варьирования корня (ср. *Дания — датский, иней — инде-*

⁸ В лингвистической литературе такие корни называют «уни-радикалами». См.: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 61.

⁹ Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Об актуализации морфемной членности слова в речи (употребление префиксальных глаголов в устной речи). — В сб.: Развитие современного русского языка, 1972. М., «Наука», 1975, с. 122—123.

¹⁰ Такие структуры отмечаются и в других славянских языках. Ср. в польских говорах: *apel-yk* 'apetyt', *deput-ak* 'deputat' и др. — Сепко W. Teoria etymologii ludowej. Warszawa, 1972, s. 91.

¹¹ Они отражают 4 и 5 ступени членности по шкале М. В. Панова. См. в кн.: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 214—215.

¹² Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 5, 1948; Левковская К. А. Теория слова, принципы ее описания и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, с. 260.

¹³ Соколов О. М. Некоторые вопросы морфемного варьирования. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968, с. 59.

веть). Но уникальная форма не мешает корню выражать определенное содержание, эквиваленты которому могут быть найдены в языке. Данное содержание выявляется на фоне других слов того же словообразовательного типа, у которых мотивировочные связи хорошо «просматриваются». Так, значения слов *черника* 'черная ягода', *голубика* 'голубая ягода', мотивировочный признак которых выражает цвет, дают возможность понимать *бруснику* как 'красную ягoду'¹⁴. Значение же 'красный', отмечаемое в русском языке у ряда синонимичных слов, широко известно носителям русского языка.

Но смысловое содержание уникальных корней (основ), в силу их абсолютной связанности, может быть определено со значительной долей приблизительности и обобщенности. Немалую роль в этом играет также неединственность принципов номинации, характеризующих те или иные лексические разряды, и отсутствие в большинстве случаев прямого соответствия между тематическими и словообразовательными рядами слов. Если обратиться к словарям, то можно увидеть, что в основе наименований различных разновидностей ягод лежит несколько видов признаков: цвет, плотность (*косяника*) и некоторые другие (ср. *земляника*, диал. *кислица*)¹⁵. Все они указывают на качественные характеристики ягод. Следовательно, обобщенное значение качественного признака (в целом наборе его разновидностей) и представляет собой содержание уникального по форме корня (основы). Субъективно же может быть избран один из возможных (известных у слов данного тематического ряда) признаков, который принимается за мотивировочный.

Иными словами, определение значения уникальной основы в то же самое время есть поиск мотивировочного признака «производного» слова в пределах одного или нескольких синонимичных словообразовательных рядов. Объективные данные позволяют определить мотивировочный признак довольно обобщенно, индивидуальное восприятие слова позволяет приписать «производящей» основе более конкретное содержание.

¹⁴ Интересно, что данные русских говоров «подтверждают» восприятие корня *брусн-* как обозначающего признак красного. Ср. арх.: *брусвяный* — красный, багряный...; *брусвянить* — красить в красный цвет, *брусвянеть* — краснеть, багроветь (Даль).

¹⁵ См. толкования слов — наименований разных видов ягод, данные в МАС. См. также: Арьянова В. Г. О способах номинации растений в среднеобских говорах. — В сб.: Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Т. 2. Секция гуманитарных наук. Томск, 1968, с. 382. О номинации растений в говорах см.: Еремينا В. И. Опыт диалектологического изучения флоры Псковской области. — В сб.: Псковские говоры. I. Псков, 1962; Гришина И. П. Из диалектной лексики флоры Рязанской области. — Уч. зап. Рязанск. пед. ин-та, т. 25. Рязань 1959.

Определеннее, строже может быть истолковано значение уникальной по форме основы в приставочных образованиях. Это связано с тем, что в основной своей массе приставки обладают более конкретным, чем у суффиксов, содержанием, и потому их деривационные связи, создающие ряды однопрефиксальных образований, с большей очевидностью свидетельствуют о тождественности (синонимичности) значений соединяемых с ними основ. В принципе присоединение одной и той же приставки к разным производящим основам по закону валентности возможно лишь при наличии общего с ней значения у каждой из этих основ¹⁶. Это «общее» значение и может быть принято за значение формально единичной основы. Например, сопоставление пар *доконать* — *добить*, *изнурить* — *измучить*, *разорить* — *разрушить*¹⁷ позволяет семантически приравнять основы *бить* и *-конать*, *мучить* и *-нурить*, *рушить* и *-орить*.

На этом принципе основано употребление префиксальных глаголов с «неизвестными» корнями в разговорной речи: *вружаться* (ср. *влететь*, *ввалиться*), *пришебурииться* (ср. *принарядиться*, *прифрантиться*), *втюхриться* (ср. *вставить*)¹⁸, *запендрить* (ср. *забросить*), *затюкать* (ср. *затолкать*), *отчихвостить* (ср. *отругать*, *отчитать*) и др.

Неслучайно значение уникальной основы нередко уточняется через серийное употребление однопрефиксальных глаголов. См. примеры употребления в одном предложении глаголов *пересолить*, *переборщить*, *переперчить* и *пережучить*; *отчихать* и *отчекрывать*; *нахлюпать*, *налить* и *нагвоздать* и др., приведенные в указанной статье Л. А. Капаназе и Е. В. Красильниковой¹⁹.

Тем не менее и в префиксальных, и в суффиксальных образованиях рассматриваемой группы в одинаковой мере отсутствует формальная закрепленность мотивировочных (пусть самых общих) связей между «производящим» и «производным» словом, так как производящей единицы (в единстве ее формы и содержания), по существу, нет. Слова такого типа близки к явлению, называемому супплетивным словообразованием (*врач* — *лечить*, *прачка* — *стирать*), которое «словообразованием» не является. Единичные «производящие» основы (корни) объективно обладают лишь тем

¹⁶ «Основы с тождественными значениями обнаруживают признаки сходной сочетаемости с аффиксами (особенно с приставками)». — Соколов О. М. Некоторые вопросы морфемного варьирования, с. 61. Фактически на том же принципе основана методика синонимического ряда (типа *втюриться*, *влопаться*, *втрескаться* — *влюбиться*), используемая А. Н. Тихоновым. См. Членимость и производность слова. — В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. II. Ташкент, 1976, с. 6.

¹⁷ Эти примеры приводятся в указ. раб. О. М. Соколова, с. 62.

¹⁸ Капаназе Л. А., Красильникова Е. В. Об актуализации морфемной членности слова в речи, с. 122.

¹⁹ Там же, с. 127.

обобщенным значением, которое может быть выведено из аффиксальной (по природе своей достаточно абстрактной) семантики на основе межморфемной семантической валентности. Конкретное значение (мотивировочный признак) определяется в значительной мере субъективно.

Таким образом, формальная уникальность корня (основы) предопределяет обобщенный характер его (ее) значения.

К данной группе примыкают, не сливаясь с ней, слова со связанными корнями, употребляющимися в сочетании с несколькими префиксами или суффиксами типа: *обуть* — *разуть*, *замызгать* — *обмызгать*, *занять* — *отнять* — *принять* — *снять*, *добавить* — *прибавить* — *убавить*, *ввергнуть* — *отвергнуть* — *подвергнуть* — *свергнуть*, *чваниться* — *чванливый* — *чванство*, *закупорить* — *закупорка* — *раскупорить*, диал. *закубрить* — *раскубрить* (ТС) и т. п. Благодаря дистрибуции аффиксов членимость этих слов — в отличие от лексических единиц первой группы — признается бесспорной (первая ступень членимости)²⁰.

Но хотя различия в степени членимости отражают внутреннее движение словообразовательной системы²¹, с точки зрения активного словопроизводства и живых мотивационных связей, отмечаемых в синхронии, слова со связанными, но повторяющимися корнями не отличаются от слов анализируемой группы, так как ни те, ни другие не имеют действительных производящих единиц.

2. Ко второй группе относятся слова с корнями (производящими основами), уникальными по содержанию, как *при-собач-и(ть)*, *об-мишур-и(ть)*, *раз-дракон-и(ть)*, *руч-а(ть)ся*, *с-нарядить*, *ц-лепет-ну(ть)*, *при-вить*, *черни-л(а)*, *на-катить* 'напоить чем-либо в большом количестве' (БАС), диал. *об-шерст-и(ть)* 'обмануть' (ДМ), *на-лупить-ся* 'наестся' (ДС) и т. п. Уникальный по содержанию корень (основа) обычно возникает на грани предела семантического варьирования, приведшего к нарушению его семантического тождества с другими корневыми морфемами или основными образованиями того же звукового оформления. Отмечая семантическую специфику корней в таких словах, как *съежить* —

²⁰ Ср.: «...первую ступень членимости имеют две группы слов: а) слова со свободными корнями, входящие в двойные ряды соотношений; б) слова со связанными корнями, входящие в двойные ряды соотношений». — Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 53. О понятии «связанной членимости» см. также: Янко-Триницкая Н. А. Членимость основы русского языка. — «Иzv. АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, вып. 6, с. 535.

²¹ Ср.: «Это усиление разграниченности морфем в составе слова — важнейший процесс, характеризующий существенные сдвиги в словообразовательной системе». — См.: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 215.

ся, сморозить, огорошить, воплотить, обличить, ругаться и др., О. М. Соколов связывает ее с развитием полисемии и омонимии корня в условиях различного суффиксального окружения²² В аффиксальной («деривационной») связанности видит причину данного явления и О. П. Ермакова, которая, указывая на изолированные значения в корнях таких слов, как *водворить, наводнить, коренастый, навьючить, разглагольствовать, мастерить* и др., предупреждает о необходимости разграничения при их анализе многозначных корней и корней-омонимов²³.

Иными словами, при передаче необходимого мотивировочного признака язык прибегает к форме корней (основ), слабо или вообще не приспособленных для выражения соответствующего значения.

Однако само формальное тождество способствует установлению своеобразных связей между семантически разорванными корневыми морфемами²⁴. Эта связь основана не на тождестве значения (в том числе и метафорического) формально одинаковых корней, характерном для обычного словообразования — ср. *зверь* 'дикий (человек)' — *звереть* 'становиться диким (о человеке)', прост. *нюхать* 'выведывать' — *пронюхать* (выведать). Нельзя ее усмотреть и в тождестве каких-либо единичных их признаков, лежащих в основе метафорической мотивации²⁵, при которой более или менее образное значение производного слова возникает на базе какого-либо компонента (компонентов) производящей единицы, ср., например: *сова* 'хищная ночная птица, днем обычно неподвижная, дремлющая' — *советь* 'дремать, находиться в сонном состоянии'; *столб* 'бревno, деревянный брус, укрепленные неподвижно в вертикальном положении' — *остолбенеть* 'удивления; неподвижным от сильного потрясения, удивления'; *вуаль* 'тонкая прозрачная ткань, закрывающая лицо' — *завуалировать* 'закрывать

²² Соколов О. М. Некоторые вопросы морфемного варьирования, с. 56.

²³ Ермакова О. П. О корнях с деривационно связанным значением. — В сб.: Развитие современного русского языка. 1972. «Наука». 1975, с. 199—200. Аффиксально-связанные корни могут появиться в результате

вторичной мотивации, см. в польском языке: *retuszować* → *ratuszować* (под влиянием *ratusz* и др.— Ciepkowski W. Указ. раб., с. 94.

²⁴ Ср.: Журавлев А. П. Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Саратов, 1974; см также материалы сб.: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976.

²⁵ Термин «метафорическая мотивация» введен В. В. Лопатиным. Однако В. В. Лопатин метафорическое словообразование трактует более широко, включая в данное явление и те случаи, которые в нашей работе условно называются «немотивированным словообразованием» (см. ниже). — Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании. — В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ташкент, 1975.

дымкой, легким туманом»; *гриб*—*грибок* 'сооружение на детских площадках, имеющее форму гриба', и т. п. Нет в ней и семантической связи, возникающей на основе какого-либо вида смежности, ср.: *претить* 'вызывать чувство отвращения' и *запретить* 'не разрешить делать что-либо' — как следствие исходного смысла (*претить* в значении «запрещать» устарело и вышло из употребления).

Отношения между формально исходным и производным словами строятся на основе ассоциативного уподобления семантики производного слова некоторой смысловой ситуации, «участником» которой является формально исходное слово. Например, 'поразить, озадачить силой слов, каким-либо сообщением' (*огорошить*) может быть представлено как связанное сложными ассоциативными узлами с мыслью о 'вызывающем удивление напоре, силе, с которой сыплется горох' (ср. возможность употребления выражения *сыпать горохом* об очень быстрой речи) или 'неожиданно сказать что-либо глупое, вздорное, нарушающее принятые правила общения' (*сморозить*) может быть ассоциировано со смыслом 'неожиданный мороз испортил что-либо, разрушив обычный вид и свойства предмета' (ср., например, цветы, растения после заморозков или отмороженные уши); см. также данное В. В. Лопатиным толкование слова *плакучий* через сравнение «дерева со свисающими ветвями и плачущего человека»²⁶. Применительно к данным случаям трудно говорить о семантической мотивации образований *огорошить*, *сморозить*, *плакучий* единицами *горох*, *мороз* (или *морозить*), *плакать*. Фактически происходит сопоставление не самих формально соотносимых слов (их значений), а смысловых ситуаций, имеющих между собой нечто общее, что лишь опосредствованно связано со значением сопоставляемых единиц.

Вероятно, немалую роль играет эмоционально-экспрессивная окраска «исходного» слова, переходящая и в производную единицу, но без сохранения хоть сколько-нибудь ощутимой семантической связи между ними. Ср., например: *собака*, употребляемое в просторечии или как бранное слово, или как выражение одобрения, и прост. *присобачить* 'прикрепить, приделать что-либо к чему-либо' (МАС). Имеет значение и тот эмоционально окрашенный общий фон, который создается широким кругом словосочетаний со словом *собака* в основе: (*устал*) как *собака*, (как) *собака на сене*, (много) как *собак*, каждой *собаке* (надо знать), ни одна *собака* (не узнает), вешать *собак* (на кого-либо), *собаку съесть* (в каком-либо деле) и многие другие²⁷.

²⁶ Там же, с. 54. В. В. Лопатин слово *плакучий* рассматривает как пример метафорической мотивации.

²⁷ МАС, т. 4, с. 235—236.

Подобные примеры отражают такое семантически немотивированное словообразование, при котором происходит высшая степень фразеологизации производного слова, нарушающей принципы двусторонней (формально-семантической) словообразовательной мотивированности. Вследствие этого становится сомнительной характеристика данного явления как принадлежащего морфологическому словообразованию в принятом его понимании (очевидно, границы последнего должны быть соответственно расширены). Специфика семантически немотивированного словообразования заключается в семантическом отторжении производного слова от производящего; их семантическая связь растворяется в значении производного слова, в то время как обычно при словообразовательном процессе устанавливается более или менее определенная зависимость производного слова от производящего.

Семантически немотивированные образования принципиально отличаются от случаев метафорической мотивации тем, что первые включают в свой состав семантически изолированные корневые морфемы, т. е. омонимичные к формально исходным единицам, в то время как при метафорической мотивации наблюдается частичное совпадение семантики исходной единицы и производящей основы (корня) производного слова, в чем отражается семантическое варьирование производящей (корневой) морфемы.

В силу ассоциативности, лежащей в основе семантически немотивированного словообразования, «производящая» основа у большинства слов данной группы обладает образным смыслом. Но в ней можно также отметить такие слова, у которых образность связанного значения «производящей» основы (корня) в значительной мере утеряна (ср. *рука — ручаться, наряд — снарядить, чернить — чернила*). Подобные пары появляются в результате семантического расхождения мотивационно связанных слов²⁸ при условии, что семантический разрыв не приводит к интеграции морфем в основе производного слова и его опрощению²⁹.

²⁸ У слова *чернила* эти связи отражают второй этап его словообразовательной жизни, так как первоначально оно возникло как результат семантического калькирования, ср. греч. *melanion* (КЭС). Последующая его судьба мало чем отличается от истории слов *ручаться, снарядить* и т. п.

²⁹ Проблема поглощения (абсорбции) одной морфемы другой была поставлена в работах Н. В. Крушевского и В. А. Богородицкого. См.: Крушевский Н. В. О морфологической абсорбции.— «Русский филологический вестник», 1880. Отд. отт., с. 21—30; Он же. Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 86—147; Богородицкий В. А. Лингвистические заметки. О морфологической абсорбции.— «Русский филологический вестник», 1881, т. 6, № 3, с. 58—92; Он же. Очерки по языковедению и русскому языку. М., изд. 4-е, 1939, с. 193—195. В современной лингвистике большое внимание этому вопросу уделяет Н. М. Шанский. См., например: Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с. 187—209

При целенаправленном подходе к таким словам носители языка могут, как кажется, путем отождествления формы «производящей» основы с относительно свободно функционирующими корневыми или основными единицами «восстановить» непрямые семантические связи с формально исходным словом (основой), хотя этимологически они, вероятно, будут не всегда правильными. Эта особенность проявляется и в процессе речевого общения — в случаях констатирующей лексической мотивации, и в поэтическом языке³⁰.

Граница между полисемией и омонимией в словообразовании не всегда имеет четкие очертания³¹. В языке существуют разные виды производных слов, отражающие многоступенчатость процесса перехода полисемичных корней в омонимичные.

В крайних точках проявления словообразовательной омонимии, когда по разным причинам она осознается слабо или совсем не осознается (например, в случаях нарушения полного звукового тождества — ср. *мишура* — *обмишурить* — *обмишулить*, или подавления его более сильными паронимазическими связями³², поддержанными общекатегориальной близостью слов — ср. *кость* — *скостить* и сходный по звучанию глагол *скостить*), производные слова с абсолютно связанными по значению корнями смыкаются с образованиями, в состав которых входят корни, уникальные по форме (ср. *скостить*, *обмишулить* и *разорить*, *отчекрыжить*).

К рассматриваемой группе примыкают слова, корни которых повторяют свое значение в другом аффиксальном окружении (ср. *безбожный* и *по-божески*, *обличать* и *уличать* и т. п.). В этом случае исследователь также имеет дело со словами, корни которых имеют абсолютно связанное значение.

3. Третья группа объединяет слова с единичными по форме словообразовательными аффиксами,

и др. См. также: Ольшанский О. Е. Опрошение в результате семантического преобразования слова. — «Русский язык в школе», 1974, 6; 1975, 6.

³⁰ См. сопоставительный анализ семантических связей с корнем *-род-*, отражающих разную степень смысловой отдаленности последних друг от друга, в поэзии А. А. Фета и Н. А. Некрасова в работе: Хижняк Л. Г. О роли внутренней формы в строении словесного поэтического образа. (На материале поэзии второй половины XIX века). — В сб.: Исследования языка художественных произведений (Материалы XVII зональной конференции кафедр русского языка Среднего и Нижнего Поволжья, посвященной памяти проф. В. А. Малаховского, 20—22 мая 1974 г.). Куйбышев, 1975, с. 100—101.

³¹ Ср.: Тихонов А. П. Сynchronия и диахрония в словообразовании. — Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972, с. 368—369.

³² О паронимии и паронимии см.: Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. М., 1974, с. 5—20, 38—43.

типа *стекл-ярус, поп-адь(я), пас-тух, корол-ев(а), почт-амт*. Основа этих слов имеет необходимое со словообразовательной точки зрения количество составных частей (производящая основа плюс словообразовательный аффикс), с каждой из которых связан определенный смысл.

Смысловое содержание словообразовательных аффиксов вследствие их формальной уникальности может быть выведено лишь из внутрисловного семантического контекста и потому является очень конкретным (*стекл-ярус* — украшение из стекла). Через эту конкретную семантику аффикс может быть соотнесен с существующими в языке более абстрактными суффиксальными значениями (ср. аналогии, приводимые обычно названным выше словом: *лед-ник, ват-ник, мед-як; поэт-есс-а, актр-ис-а, княг-ин-я* и т. п.) и со значениями обшкатегориальными (например, исходя из смыслового содержания слова *стеклярус*, аффиксу *-арус* можно приписать обобщенную семантику «предмета»). Классифицирующая значимость аффикса может быть определена также благодаря формальному его окружению (*стеклярус-, стеклярус-а* и т. д.), указывающему на частеречную принадлежность слова и связанные с этим семантические характеристики.

Но все это — косвенные показатели классифицирующей семантики уникального аффикса. Невозможность включения его в определенное формально-семантическое тождество не позволяет приписать ему достоверную языковую значимость. Обладая четким конкретным значением, уникальные «аффиксальные части» имеют лишь приблизительный категориальный смысл, в то время как типовые словообразовательные аффиксы обладают четко определяемым классифицирующим значением.

Как видим, семантические показатели уникальных по форме корней (см. 1-ю группу) и аффиксов прямо противоположны: единичные корни лишены конкретности, «вещности», обычно присущей относительно свободным (повторяющимся) корневым морфемам; у единичных аффиксов, напротив, собственно словообразовательная, классифицирующая семантика уступает место не характерной для словообразовательных морфем конкретности.

Данные особенности уникальных частей производного слова связаны с семантическими свойствами сочетающихся с ними полноценных морфем. Нетиповая форма аффикса лишает производное слово возможности вступать в системные отношения с другими словами на основе словообразовательных признаков.

4. Четвертую группу образуют производные слова, у которых аффикс обладает типовой, повторяющейся формой и уникальным значением. Единицы такого рода

находятся на периферии словообразовательного типа и потому редко анализируются исследователями русского словообразования. К ним относятся такие слова, как *заводиловка-а, нача-л-о, страши-лиц-е, свети-льн-я, пошл-ятин-а, кож-ур-а* и т. п. Особенность этих слов заключается в том, что они выпадают из системы лексико-словообразовательных значений того словообразовательного типа, в состав которого входят по формальным признакам аффикса. Производящие основы таких слов по своим лексико-грамматическим признакам, значимым в словообразовательном отношении, не имеют специфики по сравнению с другими единицами словообразовательного типа. Семантическая изолированность указанных производных слов может быть объяснена лишь абсолютно связанным значением словообразовательного аффикса.

Так, существительные с суффиксом *-ловк(а)* мотивируются глаголами (с основой на *-а-* и *-и-*) и обозначают место (учреждение, организацию), где происходит действие, названное производящей основой, см.: *ожидаловка, забегаловка*. Слово *заводиловка* имеет значение лица³³, которое приносится суффиксом *-ловк(а)*.

Существительные с суффиксом *-л-* также мотивируются глаголами и обозначают предмет, который или с помощью которого (лицо, орудие) совершается действие, названное производящей основой, см.: *громилла, воротилла, запеваля, меняля; точило, мыло, пугало, опахало* и др.³⁴ Слово *начало* (от *начать*) имеет отвлеченную семантику, которая может быть связана лишь со значением суффикса *-л(о)*.

Суффиксы *-лиц(е)*, *-льн(я)*, *-ятин(а)*, *-ур(а)* в словах *страшилище, светильня, пошлятина, кожура* также имеют единичную, ограниченную рамками одного слова семантику, ибо *страшилище* и *светильня* обозначают не место действия, как другие слова с данными суффиксами (ср. *жилище, стойбище, убежище, хранилище; читальня, красильня, курильня, спальня* и др.), а имеют соответственно значения: «тот, кто (то, что) совершает действие» и «средство действия»; а слово *пошлятина*, лишенное вещественного значения, характерного для слов ряда *кислятина, тухлятина, дохлятина, сырятина, постытина*, обладает отвлеченным смыслом, привносимым суффиксом *-ятин(а)*³⁵. Суффиксальное значение подобия, отмечаемое в слове *кожура*³⁶, противопоставляется собирательной и отвлеченной семантике суффикса *-ур(а)* в словах *адвокатура, регистратура, прокуратура, цензура* и т. п.

³³ АГ-70, с. 55; Уш., т. 1.

³⁴ АГ-70, с. 55—56.

³⁵ МАС, т. 3.

³⁶ АГ-70, с. 126.

Формальное тождество уникальных по значению суффиксов подсказывает, какими классифицирующими семантическими признаками они могут обладать. Естественно, эти признаки носят самый общий характер («предметность», «процессуальность» и т. п.). Заметим, что в случаях затруднительного установления омонимичности аффикса слова данной группы сближаются с лексическими единицами типа *стеклярус*.

Абсолютно связанное аффиксальное значение следует отличать от функционально конкретизированной семантики аффикса, отражающей аффиксальную полисемию. Вторая представляет собой вариант классифицирующего значения словообразовательного аффикса, возникший под воздействием определенного вида производящей семантики (см. главу III). Это можно наблюдать, например, у слов *дернеть*, *потеть*, где суффикс *-е(ть)*, сохраняя свое общее значение становления, накопления (признака), конкретизирует его под влиянием конкретно-вещественного смысла производящей основы до варианта «покрываться (чем)».

Явление относительной связанности суффикса, на наш взгляд, отражают слова *молчальник* и *висельник*, в которых суффикс *-льник* функционирует в значении лица, конкретизирующем идею «производящего предмета» (ср. *паяльник*, *морозильник*, *будильник* и др.). Специфика исходного глагола заключена в его непереходности, выдвигающей на первый план субъект действия (в переходных глаголах, от которых образована основная масса слов на *-льник*, подчеркивается объект и средство воздействия на него: *паять* что чем, *морозить* что с помощью чего и т. д.).

В отличие от рассмотренных слов в примерах, составляющих четвертую группу, нет «объективных причин» для изменения суффиксального значения: производящие основы таких слов не отличаются по своим словообразовательным характеристикам от соответствующих единиц всего словообразовательного ряда, объединяемого данным суффиксом. Следовательно, применительно к этим словам речь может идти не о закономерном функционировании словообразовательного аффикса, а о проявлении лексической фразеологизации, которая в условиях хорошо членимого производного слова приводит к развитию омонимичного аффиксального значения³⁷. Такие слова трудно отнести к какому-либо сло-

³⁷ При нарушении четкой членимости слова в таких случаях происходит опрошение основы слова. См. об этом в указ. работах Н. М. Шанского и О. Е. Ольшанского. См. также: Лукьянова Н. А. Нарушение семантической соотносительности между производными и производящими основами.— В сб.: Актуальные вопросы лексикологии. Новосибирск, 1969.

вообразовательному типу, это словообразовательно изолированные образования.

Появлению фразеологизированных производных образований способствует семантическая конкретность словообразовательных типов и его аффиксов (см. словообразовательные значения тех рядов слов, на фоне которых возникли уникальные значения аффиксов: это значения становления признака, места действия («учреждение, организация», «помещение»), производителя и средства действия, «вещества» и т. п.). Словообразовательные ряды с более абстрактной словообразовательной семантикой способны объединять лексические единицы различной степени фразеологичности, оставляя за суффиксом роль выразителя этого абстрактного значения (ср. значение активного процесса у суффикса *-и(ть)*, значение одушевленного и неодушевленного предмета у суффикса *-ник* и др).

* *
*

Заключая описание предложенной классификации, представляется необходимым выделить ту черту, которая объединяет все четыре группы в одно явление. Эта общая черта состоит в том, что слова, образующие данные группы, имеют такие формально-семантические особенности, которые создают уникальность их словообразовательной структуры, противопоставляя тем самым основной массе производных слов, обладающих типовыми словообразовательными характеристиками.

Анализ слов с уникальной словообразовательной структурой приводит к разноречивым, нередко взаимоисключающим выводам и вызывает много споров среди исследователей. Такое положение в значительной мере объясняется большой специфичностью словообразовательных показателей рассматриваемых лексических единиц. Но немалую роль играет тот факт, что эти лексические единицы подвергаются анализу поодиночке, без единого подхода, нередко с прямо противоположных точек зрения.

В данной работе делается попытка охарактеризовать слова нетиповой словообразовательной структуры со строго выдержанных позиций. В этом плане проведенная классификация может рассматриваться как необходимый подготовительный этап такого анализа.

II. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЛОВ ЕДИНИЧНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Основные этапы процессов номинации и семантизации в их отношении к словообразованию

В процессе анализа слов с нетиповой словообразовательной структурой внимание исследователя поочередно привлекается то к форме, то к семантике их составных частей (производящей основы и аффикса). Как можно было видеть, уникальность словообразовательной структуры таких единиц в одних случаях создается за счет семантической специфики словообразовательных компонентов слова, в других — за счет их формальных особенностей. Естественно, поэтому, предположить, что одни виды этих образований более поддаются описанию с семасиологических позиций, предопределяющих анализ от формы к значению, другие — с ономасиологических, направляющих исследование от значения к форме. Но если учесть, что семантические и формальные показатели данных единиц находятся в отношениях «словообразовательного дискомфорта», то можно ожидать серьезного расхождения в результатах анализа, проведенного с той и другой точек зрения. Наблюдения и выводы, сделанные с ономасиологических и семасиологических позиций, как кажется, требуют обязательного сопоставления и объединения, с тем чтобы рассматриваемым лексическим единицам найти соответствующее место в словообразовательной системе языка и определить механизм их появления и функционирования.

Этапы ономасиологического и семасиологического исследования отражают последовательные моменты процессов номинации и семантизации, поэтому эти последние необходимо кратко охарактеризовать³⁸.

Как утверждает в специальных работах³⁹, новые лексические единицы возникают на основе описаний развернутого и «свернутого» характера. «Описательные сочетания слов» возникают «для добывания новых знаний о действи-

³⁸ Краткость описания вызвана тем, что подробное изучение всех ступеней процесса номинации практически только начинается. Получение серьезных и более или менее исчерпывающих выводов возможно, как кажется, лишь в результате объединения усилий лингвистов и представителей других наук или, по крайней мере, в результате использования психолого-лингвистических наблюдений и экспериментов.

³⁹ Например, Торопцев И. С. Лексическая мотивированность (на материале русского языка). — «Учен. зап. Орловск. гос. пед. ин-та», т. 22, Орел, 1964; Он же. Очерк русской ономасиологии (возникновение знаменательных лексических единиц). Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Л., 1970; см. также другие его работы.

тельности»⁴⁰, которые затем могут быть закреплены в языке в форме лексических единиц. Процесс непосредственного создания нового слова условно может быть разделен на два момента⁴¹. Первым из них является выбор мотивировочного признака из ряда возможных⁴², предполагающий рассмотрение предмета или явления в определенном ракурсе⁴³. Для появившегося в результате такого рассмотрения «субъективного смысла замысла высказывания»⁴⁴ отыскивается подходящая языковая форма, ибо «целью лексической объективации является специфическая материализация идеального»⁴⁵. Обычный способ нахождения языковой формы для возникшего смысла заключается в выявлении близкого по значению слова, фонетический облик которого и используется для выражения нового смысла. В этом плане представляет интерес следующее рассуждение Н. В. Крушевского: «Что сделал бы тот, кому известно слово *весло*? Он, вероятно, сказал бы: вещь, сделанная из дерева, длинная, одна половина тонкая и круглая, другая — пошире, плоская; служит для плавания. Мы выбираем последнее качество, кажущееся нам в данное время более важным, берем уже существующее слово, обозначающее что-нибудь родст-

⁴⁰ Горюнов И. С. Очерк русской ономастологии (возникновение знаменательных лексических единиц), с. 12.

⁴¹ В зависимости от целей исследования может быть выделено разное их количество: Ср.: Горюнов И. С. О словопроизводственной модели и методике ее выделения.— «Научные труды Курск. гос. пед. ин-та. Проблемы ономастологии», III. Курск, 1976, с. 19—20; Голев Н. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Томск, 1974, с. 92—96. В настоящей работе концентрируется внимание на тех моментах номинативного процесса, с которыми связано формирование каждой из двух составных частей производного слова.

⁴² Ср.: «Итак, слово как единство звучания и значения соотносимо с объективными предметами и явлениями не в плоскости предмет — слово (денотат — слово), а в плоскости познанный признак предмета или явления — значение слова».— Коляганский Г. В. Семантика слова в логическом аспекте.— В сб.: Язык и мышление. М., «Наука», 1967, с. 194.

⁴³ См.: «С точки зрения теории отражения значение слова представляет собой субъективный образ предметов и явлений, закрепляющий какое-либо познанное их качество, свойство».— Там же, с. 195. Ср. еще: «Большой интерес представляет вопрос об участии в актах номинации субъективных установок говорящего. Можно предположить, что от установки в значительной мере зависит то, под каким углом зрения, в каком аспекте говорящий рассматривает подлежащий номинации предмет и, следовательно, какие признаки он в нем выделяет».— Голев Н. Д. Указ. дис., с. 44. См. также: Гак В. Г. О семантической относительности языковых единиц.— В сб.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М., 1974, с. 24—25; Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., «Наука», 1976, с. 244.

⁴⁴ Рябова Т. В. Механизм порождения речи по данным афазии.— В сб.: Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967, с. 87.

⁴⁵ Горюнов И. С. Указ. автореф., с. 12.

венное этому качеству, и из него делаем название нашему предмету»⁴⁶. Формально-семантическая зависимость вновь появляющегося слова от ранее существовавшего, как известно, лежит в основе морфологического словообразования. Однако принципиально, в силу знакового характера языковых единиц, избираемая форма может не обязательно указывать на связь между тем значением, которое выражалось этой формой, и мотивирующим смыслом. Может быть использована форма слов, фактически не приспособленных для выражения выделенного мотивировочного признака. В этом случае появляются слова типа *сморозить*, отражающие в своеобразном виде столкновение двух противоположных тенденций — к мотивированности и немотивированности языкового знака.

Сказанное означает, впрочем, также, что синтаксическое описание, создающее новое идеальное содержание, далеко не всегда содержит намек на его возможное лексическое оформление. Об этом говорит и тот факт, что не для каждого производного слова легко подобрать описательную конструкцию, которая включала бы в свой состав формально мотивирующее слово (см.: *плотник, огорошить, бескостный* и т. п.).

Второй момент состоит в подведении нового смысла под обобщенную семантическую категорию, способную подчеркнуть специфику данного смысла по сравнению с семантикой производящей единицы, конкретное значение которой он дублирует. Следовательно, назначение словообразовательного аффикса в акте номинации сводится, с одной стороны, к выражению смысловой специфики нового лексического образования, с другой — к установлению семантических связей этого образования со словами той же обобщенно-семантической (словообразовательной) группы. Через обобщенный семантический признак словообразовательный аффикс вводит новообразование в определенную часть речи. Последнее закрепляется с помощью собственно грамматических формообразовательных средств, присущих каждой части речи.

Разводя исходное и производное слово по разным семантическим классам, суффикс тем самым подчеркивает формально-семантическую уникальность обеих лингвистических единиц. Однако «неповторимость» новообразования может быть выражена в языке и более непосредственным способом, минуя ступень семантической категоризации нового содержания. В этом случае суффикс имеет единичную форму, не наблюдаемую в других образованиях (как в слове *стеклярус*). Созданное таким путем слово выражает новое идеальное содержание «не хуже» тех единиц, в состав которых входят типовые аффиксы, т. е. полностью справляется со своей но-

⁴⁶ Крушевский Н. В. Очерк науки о языке, с. 129.

минативной ролью. Что же касается внутрисистемных морфемно-семантических (словообразовательных) связей таких слов и их функционирования в речи, то здесь нельзя не отметить их определенной ущербности по сравнению со словами типовой словообразовательной структуры. Слабо или вовсе не объединяясь в формально закрепленные парадигматические ряды слов, они лишены способности устанавливать соответствующие виды связей в системе языка, вследствие чего ограничиваются их функциональные возможности.

Таким образом, в результате процесса номинации формируется новая лексическая единица и устанавливаются ее системные связи по линии однокорневых слов.

Воспроизведение слова, несомненно, отличается от процесса его создания, и прежде всего автоматизмом соотнесения нужного содержания с соответствующей формой. Однако исследователи отмечают, что основные моменты номинации «прокручиваются» в сознании человека и при воспроизведении уже известного слова, но только все это происходит в сокращенном, «свернутом» виде⁴⁷. Вследствие этого ономаσιологический анализ существующих в языке производных слов, очевидно, тоже должен «отражать» основные моменты процесса называния.

Но идет ли речь о создании слова или его воспроизведении, каждый раз при этом обсуждается лишь одна сторона языкового феномена, по существу связанная с деятельностью говорящего — того участника речевого общения, который должен избираемое им идеальное содержание соотнести с определенной языковой формой, т. е. формализовать его, объективировать в соответствии с требованиями языка. Анализ производных слов как таких единиц, которые воспринимаются носителями языка, несомненно, должен привести к появлению новых акцентов в морфемно-семантическом описании первых. Оказавшись в положении слушающего, носитель языка фактически проводит работу по декодированию языковых единиц, опираясь на практическое владение законами и правилами языка. Следовательно, семантизация имеет направленность, обратную процессу номинации, конечный продукт которого в плане декодирования лексических единиц рассматривается в качестве исходного материала.

Тем не менее мы вправе ожидать, что при деноминации носитель языка будет иметь дело с теми же составными частями производного слова, которые актуализируются во вре-

⁴⁷ См., например: *Problémy marxistické jazykovědy*. Nakladatelství Československé akademie věd. Praha, 1962, s. 236. Интересным в этом плане представляется следующее рассуждение Н. В. Крушевского: «...мы не можем сказать, что слово *волчий* имеет такую форму только потому, что оно постоянно воспроизводится; оно производится по образцу своих структурных, а не материальных родичей». — Крушевский Н. В. Очерк науки о языке, с. 123.

мя номинации. В соответствии с этим в процессе семантизации слова можно также выделить два основных момента.

Первый шаг по деноминации производного слова заключается в соотношении воспринятой звуковой оболочки с лексическими единицами какой-либо частеречной и менее обобщенной семантической группы, что позволило бы приписать ей это обобщенное, классифицирующее значение. Данный шаг производится путем формально-семантического отождествления формообразующих и словообразовательных аффиксов. Формальная повторяемость аффиксов — необходимое условие такого отождествления, позволяющее установить одновременно с этим и семантическую общность воспринимаемого и известных в языке слов. Степень абстрактности общего семантического признака у разных групп производных слов может варьироваться, но высшим пределом для нее являются частеречные значения предметности, процессуальности и т. д. Поэтому в отдельных словах (см., напр., *начало*) формальное тождество словообразовательных аффиксов (суффиксов) не означает их семантического тождества, а лишь прикрепляет воспринимаемое слово через его словообразовательную форму к той или иной части речи. Но нельзя не заметить, что в этом случае выявленные семантические показатели производного слова имеют несколько общий характер.

Уточнение обобщенно-семантической характеристики происходит в результате определения конкретного значения производящей основы, что составляет второй момент процесса семантизации. Этот шаг основан на формальном отождествлении производящей основы воспринимаемого слова с известными лексическими единицами. При этом отождествление производящей основы не только связывает данное слово с другим или другими словами, существующими в языке, что позволяет уточнить видовые признаки его значения, но также служит средством формального отграничения воспринимаемого слова от группы одноаффиксальных. Второе является необходимым условием для первого. Более того, для установления отдельности воспринимаемого слова достаточно одного формального отграничения, поэтому принципиально возможны случаи с уникальной формой выражения производящей основы (ср. *брусника*).

Но способствуя восприятию суффиксального образования как самостоятельного слова, уникальная производящая основа тем не менее не определяет его места в ряду однокоренных слов. Вследствие этого данное образование лишается ряда системных характеристик, что ограничивает его функциональные возможности (ср. неспособность таких слов «восстанавливать» внутреннюю форму в художественном и бытовом контексте).

Следовательно, в результате процесса семантизации является идеальное содержание, выраженное производным словом, и устанавливаются системные связи слова по линии словообразовательных типов.

В завершение представляется необходимым обратить внимание на то, что в каждом процессе (номинации и деноминации) можно выделить такие моменты, в которых, с одной стороны, — прежде всего с помощью формальных средств — утверждается связь аффиксального слова со словообразовательной системой языка, а с другой, — главным образом через семантическую специфику — подчеркивается его отдельность. Это не значит, что формальные признаки не участвуют в процессе индивидуализации слова, а семантические показатели не используются в установлении его системных связей. И то и другое проявляется в полной мере, об этом говорилось выше. Здесь же мы хотели бы только расставить акценты, свойственные каждому процессу в отдельности.

Но так как носители языка имеют дело со словом в двух его ипостасях (одновременно как результат и формализации, и семантизации), в их сознании оно семасиологические и семантические характеристики слова образуют единый сплав. И то, что в одном случае служит целям дифференциации слова, и следовательно, его индивидуализации, в другом — используется как способ идентификации слова, его типизации. При этом семантическая специфика одного аспекта совмещается с формальной типичностью другого. В этом и заключается сущность разной направленности рассматриваемых процессов.

В качестве краткого итога проведенного анализа предлагается перечень основных этапов процессов номинации и семантизации с указанием на их роль в создании индивидуализирующих и типизирующих признаков аффиксального слова.

Основные этапы процесса номинации

0. Подготовка идеального содержания ⁴⁸.

1. Нахождение мотивировочного признака и формы его выражения, способной внести (новое) слово в языковую систему.

2. Отыскание классифицирующего значения, подчеркивающего специфику производного слова по сравнению с исходным, и формы его выражения.

3. Создание (восстановление) целостной лексической единицы.

⁴⁸ «Нулевой» этап фактически создает исходную базу, необходимую для развертывания последующих этапов процесса, в силу чего не является непосредственным объектом словообразовательного анализа в его традиционном понимании.

Основные этапы процесса семантизации

0. Восприятие формальной стороны слова.

1. Выявление словообразовательного аффикса (его формы), связывающего данное слово с другими лексическими единицами языковой системы, и выражаемого им классифицирующего значения.

2. Выделение производящей основы и связанного с ней конкретизирующего значения, ограничивающего данное слово от подобных ему по словообразовательному аффиксу лексических единиц.

3. Восстановление (создание) целостной семантики слова.

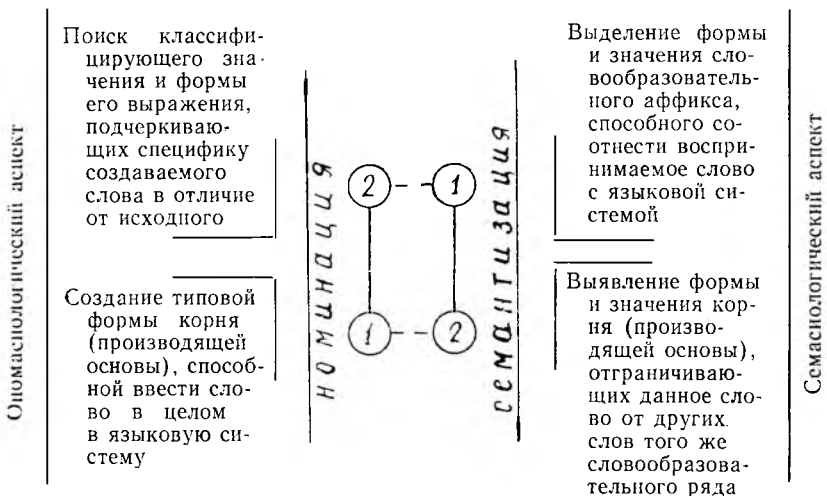
Анализ выделенных групп слов

Сопоставление этапов номинации и семантизации показывает, что в основных своих моментах эти процессы непосредственно соотносятся друг с другом, различаясь общей своей направленностью.

Ономастологическое и семасиологическое исследование производных слов отражает основные этапы этих процессов. Словообразовательный анализ самым непосредственным образом связан с первым и вторым этапом каждого процесса.

Схематическое изображение взаимной соотнесенности этих этапов с учетом их разнонаправленной последовательности может быть представлено следующим образом:

Схема 1

Объективную базу поэтапной соотнесенности процессов номинации и семантизации образуют составные части производного слова — аффикс и основа (корень) (на схеме —

соответственно верхний и нижний ряд). Но, как отмечалось, каждый шаг номинации и семантизации имеет свое внутреннее (осуществляемое по отношению к другому шагу того же процесса) назначение, определение которого представлено в схеме слева и справа от цифр, обозначающих этапы номинации и деноминации в их последовательности (направление каждого процесса в схеме показано стрелкой).

Различная сущность процессов номинации и семантизации требует строгого разграничения двух исследовательских подходов — ономаσιологического и семасиологического. Последнее вряд ли возможно без четко разработанных методик ономаσιологического и семасиологического анализа производных слов. В советском языкознании такие методики, по существу, были предложены в свое время Г. О. Винокуром и А. И. Смирницким⁴⁹.

Методика Г. О. Винокура исходит из отождествления корневой части производного слова с какой-либо другой лексемой, в результате чего выявляется та часть анализируемого слова, с которой связано выражение видового, мотивировочного признака, легшего в основу данного наименования (ср. с первым этапом номинации). Формальное тождество корневой части с основой свободно функционирующей лексической единицы — непереносимое условие вхождения слова в морфемно-семантическую систему языка. Словообразовательная морфема выделяется по принципу остаточного вычленения, что отвечает минимальному ономаσιологическому требованию к аффиксу как различителю исходного и производного слова⁵⁰. Нахождением аффикса завершается второй этап ономаσιологического исследования слова (ср. второй этап процесса номинации).

Методика А. И. Смирницкого требует первоначального отождествления аффиксальной морфемы производного слова с такими же морфемами, входящими в состав других лексических единиц; отправным моментом данной процедуры является формальное тождество сопоставляемых аффиксов. В результате этого данное образование сопоставляется с группой слов аналогичной морфемно-семантической структуры (ср. первый этап семантизации). Корневая часть, выявленная путем остаточного вычленения, отграничивает ана-

⁴⁹ В лингвистической литературе эти виды анализа интерпретируются соответственно как анализ «по принципу производности» и «по принципу членности» или еще короче — анализ «слева направо» и «справа налево». См., например: Крылов Н. А. О некоторых параллелях между фонетическим и морфологическим анализом. — «Филологические науки» Научные доклады высшей школы. 1970, 2.

⁵⁰ Ср. справедливое замечание Н. А. Крылова: «Когда мы анализируем значение служебной морфемы или определяем ее границы в слове по принципу производности, нас, как это ни странно, служебная морфема интересует меньше всего». См. указ. раб., с. 112.

лизируемое слово от остальных единиц с тем же аффиксом формально и семантически (ср. характеристику второго этапа процесса семантизации). Таким образом, можно сказать, что методика Г. О. Винокура отражает ономаσιологическую точку зрения, а методика А. М. Смирницкого — семасиологическую:

Акцентируя внимание исследователя на разных признаках производного слова, каждая методика тем не менее позволяет выделить одни и те же части производных слов, подтверждая тем самым состоятельность одна другой⁵¹.

Тождественность выводов, получаемых в результате использования обеих методик, говорит не только о правомерности и достаточности каждой из них, но прежде всего свидетельствует о соответствии словообразовательной структуры производного слова требованиям словообразовательной системы. Следовательно, какой бы методикой ни пользовался исследователь, анализируя слова с прозрачной словообразовательной структурой, типа *чернеть*, *злить*, *утюжить*, *белильщик*, *пулеметчик*, *подоконник*, *городской*, *безмерный* и т. п., в любом случае он получит одну и ту же характеристику каждого производного слова. (имеются в виду словообразовательный состав слова, его внутренняя форма, словообразовательное значение, фоно-морфологический и другие показатели).

Но разность подходов сразу скажется, если в словах нарушены какие-либо словообразовательные правила. Тогда применение различных методик приведет к неодинаковым суждениям относительно словообразовательной структуры анализируемых слов, что само по себе уже явится показателем их некоторой словообразовательной неполноценности, независимо от причины возникновения последней.

Обратимся к анализу слов нетиповой словообразовательной структуры, классификация которых (1-я—4-я группы) дана в 1-м разделе данной главы. Порядок их рассмотрения определяется не классификационной нумерацией, произведенной по принципу исчерпывающей характеристики каждой словообразовательно значимой части слова (сначала все о корне, потом все об аффиксе), а последовательностью шагов номинации и деноминации, отраженной в схеме ономаσιологического и семасиологического аспектов исследования производных слов. Сразу же отметим, что слова 2-й и 3-й классификационных групп «поддаются» ономаσιологическому описанию, а слова 1-й и 4-й групп — семасиологическому.

Производные лексические единицы, производящая основа (корень) которых имеет абсолютно связанное

⁵¹ Ср.: Ревзина О. Т. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969, с. 3.

значение (2-я классификационная группа: *огорошить, сморозить, улепетнуть* и т. п.), вполне отвечают требованиям процесса формализации идеального содержания. Уникальное значение основы отражает мотивировочный признак предмета или явления, а повторяющаяся форма связывает новое слово с лексической системой языка. Словообразовательный аффикс, присоединяемый к производящей основе, вводит ее уникальную семантику в определенный разряд обобщенных, словообразовательных значений.

Возможность формального отождествления производящей основы с единицами языка, функционирующими в качестве самостоятельных лексем, делает правомерным применение к данным словам методики Г. О. Винокура с той оговоркой, что уподобление корней (основ) происходит не полное, а частичное, только по форме.

Во всяком случае, с ономаσιологической точки зрения такие образования являются полноценными производными словами.

«Ущербность» данных единиц (невозможность семантического отождествления их корня) проявляется при семасиологическом подходе. Как отмечалось, в процессе семантизации важно связать типовой аффикс с корнем конкретизированного по сравнению с аффиксом значения. Отождествление омонимичных корней, каковыми являются производящие основы рассматриваемых слов, не способствует выявлению необходимого видового признака, а напротив, затрудняет его определение.

Ономаσιологически закономерны также производные слова с единичным по форме аффиксом (3-я классификационная группа: *пастух, стеклярус* и т. п.). Указывая на формально-семантические различия между исходным и производным словом, такой аффикс выполняет роль «строительного» элемента наравне с типовыми словообразовательными морфемами. На этом основании некоторые ученые делают вывод о том, что формальный показатель производности в принципе может быть «как угодно разнообразным»⁵². С ономаσιологических позиций этот вывод не вызывает возражений, так как главная цель ономаσιологического познания состоит в том, чтобы интересующее носителя языка идеальное содержание соотнести с соответствующей ему (сложной) формой. Данная процедура сводится к нахожде-

⁵² Моисеев А. И. Об унификасах и прочем.— Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы республиканской конференции. Самарканд, 1972, с. 52. См. также: Крылов Н. А. Типы основ в современном русском языке.— «Филологические науки». Научные доклады высшей школы, 1963, 2; Гинзбург Е. Л. Слово как членимое единство или как комбинация морфем? — «Учен. зап. Пермск. ун-та. Вопросы грамматики», № 243, Пермь, 1972.

нию формы для выражения мотивировочного признака, что на уровне анализа означает возможность отождествления производящей основы слова с определенной лексемой языка (метод Г. О. Винокура в его чистом виде), и к обозначению специфического, по сравнению с мотивирующим словом, значения⁵³. Последнее, действительно, может быть произведено с помощью любого звукового отрезка, соотношенного с данным значением. Формальная прикрепленность производного слова к определенному месту в ряду однокоренных слов уже указывает на способ его образования и на словообразовательную функцию «остаточного компонента» (основа минус производящий корень).

Однако при рассмотрении подобных образований в семасиологическом плане, предполагающем наличие в качестве исходной единицы типовой словообразовательной формы, полностью проявляется их ущербность. Уникальные по форме аффиксы (унификсы) не способны ввести производное слово в систему одноаффиксальных лексических единиц⁵⁴. Носители языка при восприятии таких слов вынуждены пропускать, хотя и необязательный, но важный в процессе восприятия речи момент ориентации на формальный показатель обобщенной семантики и сразу же переходить к отождествлению корня с последующим поиском аффиксального значения или же должны, что кажется более естественным, вообще минуя ступень установления мотивировочных связей, соотносить в целом звуковую форму производного слова непосредственно с его лексическим значением. Следовательно, являясь «нормальным» строительным материалом, они плохо выполняют свои структурные функции, связанные с внутрисистемными отношениями языковых единиц. И в этом смысле проводимое Е. А. Земской отграничение унификсов от типовых словообразовательных средств языка⁵⁵ имеет

⁵³ Ср. ход рассуждений А. И. Монсеева, анализирующего слово *пастух*: «...это безусловно производное слово, так как оно, во-первых, семантически отчетливо мотивировано другим словом: *пастух* — тот, кто пасет (скот, стадо, животных и т. д.), а, во-вторых, в сопоставлении со своим производящим оно отчетливо членится на морфологические, значимые части (морфемы): *пас-тух*, ср. *пас-ти*. На этой основе, далее, вторая, некорневая, часть слова *пастух* должна быть признана словообразовательным аффиксом, именно суффиксом со значением действующего лица». — Моисеев А. И. Указ. раб., с. 52.

⁵⁴ Очевидно, с этим связана категоричность следующего утверждения: «Единственные в своем роде элементы слова не относятся к системе словообразования». — Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, М., 1961, с. 47.

⁵⁵ Земская Е. А. Унификсы. (Об одном виде морфем русского языка). — «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, Вопросы филологии», № 341, М., 1969; Она же. Современный русский язык. Словообразование, с. 57. О неспособности уникальных морфем оформлять серии производных слов см. также: Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1976, S. 39.

объективное основание. При этом унификсы, на наш взгляд, следует считать словообразовательными морфемами, обладающими, в отличие от типовых суффиксов, некоторыми особенностями, связанными с их функционированием в словообразовательной системе языка.

Следовательно, создаваемая в процессе номинации возможность многообразного оформления служебной морфемы в значительной мере сдерживается системным характером словообразовательных связей. Она реализуется лишь в некоторых случаях, исчисляемых единицами, в то время как в принципе, в массе своей, словообразовательные форманты имеют далеко не оригинальный звуковой облик. Диапазон их формального разнообразия регулируется количеством словообразовательных типов и фоно-морфологических их подтипов. В противном случае словообразовательная система русского языка имела бы неузнаваемый для современных его носителей вид.

Образования с уникальным по значению аффиксом (4-я классификационная группа: *страшилище, начало* и т. п.) с семасиологической точки зрения не вызывают серьезных сомнений, так как типовая форма служебной морфемы позволяет определить, хотя и приблизительное — при невозможности их семантического отождествления, место производного слова в словообразовательной системе языка. В основе этой процедуры лежит принцип отождествления аффиксов (ср. с методикой А. И. Смирницкого), который применительно к рассматриваемым образованиям может быть использован лишь относительно звуковой формы их служебных морфем. Вычленимая при этом производящая основа может быть отождествлена с одной из лексем языка и по форме, и по содержанию (ср. *страши-лиц-е* — *страши-ть*), благодаря чему производное слово приобретает в целом индивидуализированное (лексическое) значение.

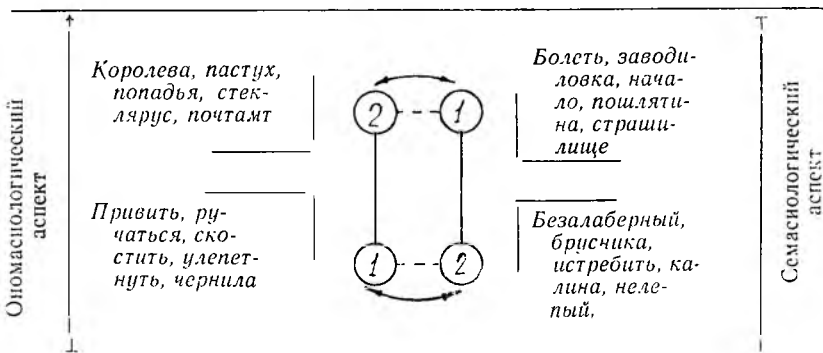
Ономасиологическая интерпретация таких слов вызывает определенные трудности, так как «повторяющаяся» форма аффикса провоцирует не свойственное ему значение.

Правомерны с семасиологической точки зрения также лексические единицы с уникальным по форме корнем (основой) (1-я классификационная группа: *брусника, неуклюжий, раскучить, отчебучить* и др.). Типовой по значению и форме аффикс соотносит такие слова с обобщенно-семантическими (словообразовательными) образованиями, что делает возможным использование приема отождествления аффикса, предложенного А. И. Смирницким; корень же слова (независимо от единичности или повторяемости его формы) в той или иной мере конкретизирует выявляемое указанным путем обобщенное значение.

Однако попытки ономаσιологического объяснения подобных образований оказываются безуспешными, так как формальная уникальность корня лишает слово его связей по гнездовой линии, а это, как говорилось, является одним из важных моментов процесса номинации.

Следовательно, каждая группа слов характеризуется такой словообразовательной недостаточностью, которая может быть преодолена (объяснена) лишь на каком-либо одном этапе исследования с ономаσιологической или семасиологической точки зрения. Если слова с уникальными признаками сгруппировать вокруг тех этапов, на которых их уникальность может быть признана закономерной, и эти группировки отметить на имеющейся схеме ономаσιологического и семасиологического аспектов анализа, то получится следующая картина (см. схему 2). Дуги на схеме показывают отсутствие резкой грани между соответствующими группами слов.

Схема 2

III. К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ АНАЛИЗА МНОГОМОРФЕМНЫХ СЛОВ

Как можно видеть из проведенного анализа, метод отождествления корня в том виде, в каком был предложен Г. О. Винокуром, применим лишь к одной из 4-х групп слов уникальной словообразовательной структуры, а именно, к лексическим единицам с «типовым» корнем и формально единичным аффиксом (на схеме 2 см. 2-й этап ономаσιологического анализа).

В то же время слова с уникальным по содержанию корнем (1-й этап ономаσιологического аспекта) по форме также могут быть отождествлены со свободной лексемой, что способствует вычленению корня. Омонимия производящей основы (корня) не является совершенно «немой» в семантическом отношении. Опираясь на частеречную принадлежность омонимичного слова, можно получить представление

о возможных общекатегориальных характеристиках этой основы. Например, слово *налимониться*, исходя из омонимичных связей его корня (ср. *лимон*), может быть интерпретировано как «набраться (наесться, напиться) чего-либо без меры»; ср. иное толкование (через процессуальную семантику) слова внешне аналогичной структуры: *наесться* (от *есть*) — «съесть сколько надо».

В связи со сказанным представляется правомерным более расширительное толкование принципа отождествления корня за счет выделения в качестве самостоятельного момента отождествление по форме, которое затем, если позволяет языковой материал, дополняется отождествлением по значению. По завершению первого момента мы получаем частичное (формальное) отождествление корня, второй же момент заканчивается полным (формально-семантическим) его отождествлением (*королева* — *король*). По отношению к некоторым словам возможно использование лишь приема частичного отождествления (*налимониться* — *лимон*). Правильность выделения корня путем частичного отождествления в таких словах может быть проверена посредством полного, формально-семантического отождествления аффикса.

То же самое следует сказать и о принципе отождествления по словообразовательному аффиксу. С помощью приема полного отождествления аффикса можно проанализировать только слова с уникальными по форме корнями (2-й этап семасиологического аспекта). Выделение в самостоятельный прием момента отождествления аффикса по форме позволит данную методику использовать также в целях изучения словообразовательной структуры слов с уникальным по смыслу аффиксом (1-й этап семасиологического анализа).

Следует заметить, что в словообразовании частичное отождествление, но только по семантике, применяется по отношению к словам с формально уникальным аффиксом, когда необходимо установить степень членности слова: например, высокая (вторая) степень членности слова *пастух* устанавливается на основании семантического отождествления отрезка *-тух* с суффиксами *-тель* и *-щик*⁵⁶.

Как кажется, возможно также и одностороннее семантическое отождествление корня, хотя проводить его, несомненно, труднее, чем такое же отождествление аффикса. Трудности здесь возникают прежде всего вследствие специфики корневого значения, которое в отличие от суффиксальной семантики, характеризующейся преобладанием сигнификативного начала, в значительной мере определяется свойствами конкретных денотатов. Кроме того, сказывается недо-

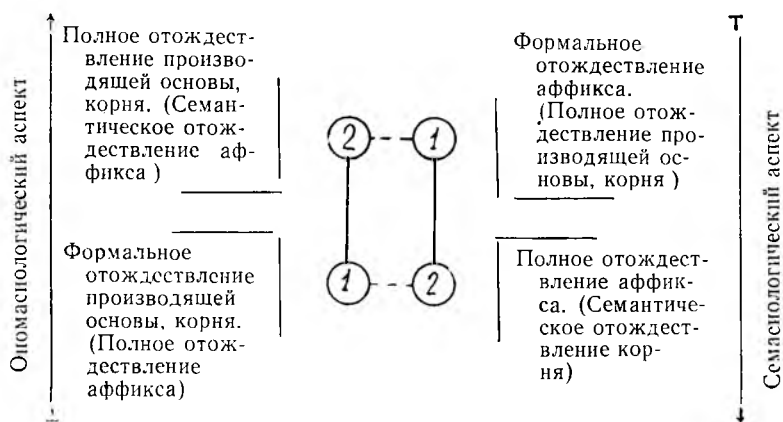
⁵⁶ Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, с. 214.

статочная изученность принципов номинации применительно к тематическим классам слов различной степени обобщения, вплоть до самых конкретных.

Однако первостепенным представляется фонетическое отождествление единиц языка, поскольку функционирование разного рода смыслов возможно только через языковые формы.

Сочетание приемов полного и частичного отождествления корня и аффикса позволяет дать наиболее исчерпывающее объяснение нетиповым словообразовательным структурам. В зависимости от исходной точки зрения одни приемы оказываются основными, другие — дополнительными. Если на схеме ономаσιологического и семасиологического анализа на месте перечня слов каждой группы обозначить те приемы, с помощью которых их внутренняя структура вскрывается наиболее полно, то мы будем иметь следующее соотнесение основных и дополнительных (на схеме 3 даются в скобках) видов отождествления.

Схема 3

Предложенная схема отражает принципиально возможные сочетания методов исследования рассматриваемых групп лексики. Но использование приема дополнительного отождествления не во всех случаях дает положительные результаты. Иными словами, не всегда основной прием изучения морфемно-семантической структуры слова можно дополнить приемом частичного или полного отождествления. Здесь уместно сравнить легкость семантического уподобления единичного аффикса *-ев(а)* в слове *королева* типовым суффиксам *-ис(а)*, *-есс(а)* (*актриса*, *поэтесса*), что связано с четкими границами данного смысла («женщина, занимающаяся...»), и затруднения, возникающие в силу большой обобщенности словообразовательного значения («любой

предмет по...») при семантическом отождествлении аффикса *-арус*, выделяемого в слове *стеклярус*, например, с суффиксом *-ник* (*ватник, ледник*) или *-ак* (*медяк*). Последнее свидетельствует о нерезультативности (или малой результативности) использования приема семантического отождествления по отношению к этому аффиксу.

Другой пример. Вычленяемый в слове *малина* корень (*мал-*) плохо поддается семантическому определению, так как в других образованиях того же словообразовательного типа (*калина, крушина, рябина*) значение корней также не имеет четких границ. Это последнее препятствует выявлению перечня возможных мотивировочных признаков, определяющих семантические рамки, в которых следует искать корень, тождественный анализируемому. Слово *брусника*, наоборот, входит в такой ряд слов (*черника, голубика, костяника, клубника*), производящие основы которых, благодаря четко определяемым значениям, отражают принципы номинации, действующие в кругу названий некустарниковых ягод, и тем самым устанавливают те пределы, в которых может быть произведено семантическое уподобление корня *брусн-*. В лингвистической литературе с указанными различиями связывается разная степень членимости слова⁵⁷.

Неодинаковую членимость могут также иметь слова с уникальным по значению корнем. Так, в словах *налимониться, присобачить, огорошить* корни *-лимон-, собач-, горош-* выделяются довольно свободно, чему в значительной степени способствует возможность отождествления словообразовательных аффиксов, ср.: *на-душ-и(ть)ся, на-мыл-и(ть)ся, на-груз-и(ть)ся; при-гвозд-и(ть), при-губ-и(ть), при-земл-и(ть), при-карман-и(ть); об-ветр-и(ть), об-лап-и(ть), об-лес-и(ть), о-границ-и(ть), о-зелен-и(ть), о-злоб-и(ть), о-золот-и(ть), о-кайм-и(ть), о-немеч-и(ть)* и др. В тех же случаях, когда отождествление словообразовательного аффикса по каким-либо причинам затруднено, ставится под сомнение сама возможность формального отождествления (т. е. выделение) корня, см., например: *кривда(?)* и аффиксальные параллели *прав-да, враж-да*⁵⁸. Очевидно, к аналогичным выводам можно прийти также, рассматривая в этом плане слова с уникальным значением аффикса типа *начало*.

Заметим, что при исследовании слов типового строения совмещение двух методик производится постоянно, но уже с несколько иным назначением, а именно: в целях выявления

⁵⁷ Там же, с. 214—216. См. также: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 44—47.

⁵⁸ См. анализ этих слов в работе: Ольшанский О. Е. Опрошение суффиксальных существительных в результате семантического преобразования слова.— «Русский язык в школе», 1974, 6, с. 81.

возможных фонетических вариантов производящей основы (корня) и аффикса анализируемого слова. Но в данном раз- деле речь идет о словах «недостаточной» словообразователь- ной структуры.

Что же дает анализ слов нетиповой словообразовательной структуры для изучения словообразовательной системы языка?

С точки зрения непосредственного словопроизводства рассмотренные слова представляют собой довольно пеструю картину. Одни из них отражают процессы живого слово- образования (например, большая часть слов 1-й ономастоло- гической группы), другие, напротив, показывают путь раз- рушения словообразовательных типов (некоторые слова 2-й семасиологической группы), и все они, стимулируя появле- ние дополнительных видов корней и аффиксов, участвуют в формировании базы для образования слов новых слово- образовательных структур.

Для перспективной характеристики словообразования несомненный интерес представляют два наблюдения: 1) над случаями «семантически немотивированного» словообразова- ния, о чем подробнее было сказано выше, и 2) над способ- ностью слов уникальной словообразовательной структуры изменять базу словообразования. Второе представляется особенно полезным для уяснения тенденций развития слово- образовательной системы языка, поэтому мы к нему вернемся ниже (см. главу IV).

Факты аффиксальной омонимии нередко представляют собой крайний (предельный) результат развития полисемии словообразовательных типов, отражающей семантическое из- менение аффиксов под дифференцирующим влиянием кон- кретных мотивировочных (производящих) значений. Изуче- ние этого явления связано с семасиологическим направле- нием в словообразовании и невозможно без решения проб- лемы значения словообразовательного аффикса.

Условием же появления аффиксальной синонимии может быть сближение словообразовательных типов под знаком одной словообразовательной категории, что, в свою очередь, связано с объединяющим действием общих принципов но- минации. Ономастологический аспект, необходимый для ре- шения данного круга задач, включает в себя также характе- ристику словообразующих возможностей каждой части речи и их способности выражать определенные виды мотивиро- вочных признаков.

Развитие полисемии словообразовательных аффиксов за- трагивает непосредственно структуру словообразовательного

типа — основной ячейки словообразовательной системы, поэтому представляется необходимым на этом вопросе остановиться специально. В данной работе семантическое функционирование словообразовательных морфем рассматривается на примере суффиксов.

Но прежде чем перейти к описанию словообразовательных типов и их суффиксов, необходимо выяснить те общеязыковые условия, в которых протекают словообразовательные процессы и которые существенным образом влияют на формирование семантической стороны словообразовательной системы. В конкретной постановке эта проблема приобретает форму вопроса о роли частеречной принадлежности слов в словообразовании.

Глава вторая

ЧАСТИ РЕЧИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

І. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. (ДВА ВИДА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

Основным моментом словообразовательного процесса является выражение лексического понятия в характерной для данного языка словесной форме. В русском языке слово существует в форме тех лексических и грамматических характеристик, которые классифицируют его как единицу определенной части речи. «Части речи как лексико-грамматические объединения слов представляют собой естественные, данные самой природой языка рамки, в которых осуществляется словопроизводство»¹. Если учесть, что морфологическое образование слова обычно происходит путем трансформации одной лексической единицы в другую, то окажется существенным, к одной или разным частям речи относится производимое и производное (создаваемое) слово. Когда процесс словообразования происходит внутри одной части речи, «грамматические» модификации исходного слова могут касаться лишь его лексико-грамматических особенностей (ср. неодушевленное существительное *пулемет* — одушевленное *пулеметчик*; глагол несовершенного вида *делать* — совершенного вида *переделать*) и даже могут происходить в рамках имеющихся лексико-грамматических характеристик (*добрый* — *предобрый*, *стол* — *столик* и др.). Словообразовательные отношения между словами разных частей речи отражают становление и общекатегориальных, и частных, лексико-грамматических, показателей новой лексической единицы.

Таким образом, специфика словообразовательного процесса зависит не только от лексико-грамматических особен-

¹ Земская Е. А. Изменения в системе словообразования прилагательных. — В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., «Наука», 1964, с. 277. См. также: Лопатин В. В., Улуханов И. С. Построение раздела «Словообразование». — В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, с. 70. См. также: Ковалик І. І. Вчення про словотвір (словотворчі частини слова). Львів, 1958, с. 10—14 и др.

ностей создаваемого слова, но и от соответствующих характеристик модифицируемого слова, от наличия или отсутствия в его семантике таких компонентов, которые бы способствовали ее преобразованию в необходимое новое значение. В указанном аспекте оказывается значимым деление слов всех частей речи на две большие группы: 1. Слова-номинации, представляющие явления окружающего нас мира «в пространстве»², в статике, отвлеченно от связанных с ними явлений. К ним относятся существительные³. Особенность их значения генетически объясняется их синтаксической функцией в предложении — представлять предмет сообщения. 2. Слова, определяющие явления действительности через их динамику, во времени, в их связях с другими явлениями. Это глаголы, прилагательные и наречия. С исторической точки зрения их семантическая специфика — результат функционирования в предложении в качестве предикатов и определенных⁴.

Функциональное различие между словами первой и второй групп синхронически отражает их особенности в семантике, которая может быть определена соответственно как идентифицирующая⁵ и характеризующая, что среди прочего прежде всего связано с представлением в языке определенного явления или как относительно самостоятельного, отвлеченного от тех конкретных условий и признаков, вне которых оно в действительности не существует, или в его связях самого различного порядка.

«Ярче и выразительнее всего контраст между именами существительными и глаголами»⁶. Основное противопоставление между существительными и глаголами сводится к тому, что существительные выражают понятие предмета — носителя признака⁷, наиболее отчетливо проявляющееся в названиях конкретных предметов, а глагол обозначает процесс,

² Ср.: «Все существующее в пространстве — предмет, все существующее во времени — действие». — Аксаков К. С. Цитирую по кн.: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 51.

³ «В отличие от всех других частей речи существительное обозначает не признаки. Только существительное может употребляться для названия предметов, т. е. того, что обладает признаками...» — Панов М. В. Русский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. 1. Индоевропейские языки. М., «Наука», 1966, с. 73.

⁴ Ср.: «Семантическое согласование значения слова и его синтаксической функции основано на различении пространственных и временных параметров... Серия понятий — предмет — пространственная ориентация — физическое действие — физические свойства предмета — оказывается противопоставленной ряду: событие — время — психический акт — свойство события и суждение о событии». — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., «Наука», 1976, с. 147.

⁵ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл, с. 326.

⁶ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, с. 48.

⁷ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2, 1941, с. 33.

наиболее наглядно представляемый словами со значением физического действия⁸. Остальные разряды существительных и глаголов, а также слов других частей речи занимают промежуточное положение между двумя указанными группами, находясь от них в разной степени «отдаленности».

Относительные прилагательные и наречия ближе всего стоят к именам существительным, которые способны выполнить их синтаксические функции⁹. Как известно, относительные прилагательные обозначают признаки, устанавливаемые через отношения между предметами, а обстоятельственные наречия характеризуют процесс путем указания на его (обстоятельственные) связи с предметами. Семантика относительных прилагательных и обстоятельственных наречий, таким образом, непосредственно «соприкасается» со значением существительных.

Качественные прилагательные находятся на периферии этих отношений, сближаясь по квалифицирующим своим свойствам с глаголами¹⁰.

Если обратиться к отдельным семантическим разрядам существительных, то следует отметить неоднородность слов с точки зрения выполняемых ими функций. Имена отвлеченные и характеризующего лица (в противоположность названиям конкретных неодушевленных предметов и именам собственным) в большей мере приспособлены к предикцированию¹¹, что говорит о квалифицирующих особенностях их семантики.

Особенности в характере отображения внеязыковой действительности, отражаемые в классификации всех слов на части речи, возможность или невозможность обобщения на этой почве тех или иных групп слов по особенностям этого отображения (отвлеченно от их связей или с указанием на них) оказываются небезразличными к разному рода семантическим связям¹², в том числе и словообразовательным.

Указанные сходства и различия между словами первой и второй групп, проявляясь на словообразовательном уровне,

⁸ Ср. мнение В. Н. Мигирина о том, что «основой обобщения у существительных являются конкретные предметы ...у глаголов — действия» в его кн.: Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973, с. 58.

⁹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове, с. 49.

¹⁰ По мнению Н. Д. Арутюновой, прилагательные составляют «семантический эталон предикатов». См.: Коммуникативная функция и значение слова. — Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов четвертой лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте» (7—8 мая 1974 г.). Новосибирск, 1974, с. 9.

¹¹ Там же.

¹² Например, о связи синтагматичной глагольной семантики с синтаксисом см.: Růžická R. Zur Syntax und Semantik der Verben des modernen Russischen. — В кн.: E. D a u m, W. S c h e n k. Die russischen Verben. Leipzig, 1974.

определяют характер семантических отношений между базовыми словами и их дериватами.

Данная специализация лексических единиц приводит к семантическому сближению некоторых групп слов разных частей речи, например, конкретных существительных и относительных прилагательных, качественных прилагательных и существительных лица, глаголов и существительных действий и производителя действия и т. п. Этот факт не может не отразиться на словообразовательных отношениях, так как существенной для них является категориальная семантика, наиболее характерная для той или иной части речи (значение конкретного предмета, качественного признака, активного действия)¹³; исходное значение в принципе может быть выражено словами разных частей речи, для одной из которых это значение оказывается основным, сущностным, для другой — нехарактерным, периферийным. Так, значение качества, мотивирующее глагольную семантику пассивного процесса, как правило, выражается прилагательным (*синий — синеть, глупый — глупеть*), но в единичных случаях может быть представлено в форме существительного (*зверь — звереть, сирота — сиротеть*), что не нарушает целостности словообразовательного типа. «Частеречная категоризация, когда она вступает в противоречие с лексическим значением (например, при опредмечивании действия или качества), во многих случаях отступает на второй план»¹⁴.

В словах первой группы, в силу данной выше характеристики, отсутствуют указания на их связи с другими языковыми значениями (на формальном уровне это подтверждается несинтаксичностью субстантивных морфологических категорий рода, числа и падежа); отсюда, кстати, те трудности, которые связаны с выделением компонентов субстантивной семантики, значимых на собственно языковом уровне. Вследствие этого существительные далеко не всегда способны стать семантическим ядром новообразования и нередко формируют какой-либо частный его смысловой компонент, не дающий достаточно полного представления о новом значении (ср. *стол — столовая, скот — скотник, лес — лесной, мотыга — мотыжить* и т. п.). Основным способом формирования нового значения на основе имеющегося в языке субстантивного лексического понятия являются разнообразные виды сопоставления (противопоставления, пространственного и другого

¹³ Ср.: «...значимость мотивирующего слова и представляющего его мотиватора в механизме словообразования определяется не столько отношением к той или иной части речи, в традиционном смысле этого термина, сколько его обобщенной лексической семантикой (действие, признак, предмет)». — Манучарян Р. С. К типологии словообразовательных значений. — «Изв. АН СССР», т. 33, 1974, 6, с. 523.

¹⁴ Там же.

соположения, сопоставления по признаку принадлежности и т. п.) какого-либо известного значения со значением данного конкретного существительного. Это предопределяет часто очень обобщенный характер словообразовательного значения («предмет по предмету», «признак по предмету», «действие, связанное с предметом»).

Частные компоненты субстантивной семантики могут стать деривационно значимыми тоже только в результате сравнения двух значений, отражающего сопоставление двух явлений по какому-либо одному общему показателю, что наблюдается обычно в случаях метафорического словообразования.

Конкретные деривационные отношения между существительными и словами других частей речи носят идиоматический¹⁵ характер. И чем строже, полнее представляет лексическая единица лексико-морфологические характеристики имени существительного, тем больше оснований ожидать фразеологичности лексической семантики у мотивированного ею слова. Выведение каких-либо частных закономерностей сочетания производящей основы и аффикса здесь оказывается невозможным, в данном случае можно говорить лишь о самых общих требованиях семантической сочетаемости словообразующих компонентов.

Названная выше особенность в семантике слов второй группы является условием, определяющим ее непосредственную деривационную трансформируемость, под чем подразумевается относительная легкость преобразования одного языкового значения в другое путем языковой реализации тех связей, которые в той или иной мере отражены в лексической семантике (и закреплены в соответствующих морфологических и лексико-морфологических категориях).

Следовательно, существенно важным является то, к какой группе принадлежит мотивирующее слово и насколько полно отражены в нем характерные признаки, препятствующие или способствующие деривационному преобразованию его семантики. Но это также означает, что не менее важным представляются языковые контуры, в рамках которых создается новое лексическое понятие, т. е. (синхронически) то, к какой части речи принадлежит производное слово и какими лексико-грамматическими особенностями оно обладает.

Природа деривационной трансформируемости у слов разных частей речи различна, что отражается на характере устанавливаемых ими словообразовательных отношений.

¹⁵ Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). — Русский язык. Грамматические исследования. М., «Наука», 1967, с. 179.

Но независимо от этого все слова второй группы в одинаковой мере способны к семантическому преобразованию в субстантивное значение, так как способ отражения внеязыковых явлений в субстантивной семантике предполагает «лишь» абстрагирование каких-либо более или менее сложных явлений или отдельных их частей, представленных на языковом уровне соответственно в виде целых лексических понятий или в виде семантических компонентов слова. Вообще существительные могут создаваться на базе всех других частей речи, так как «любой признак может быть сам понят как субстанция»¹⁶.

Отношения между словами внутри групп определяются охарактеризованными выше особенностями каждой из них. Кроме того, имеет значение степень соотносительности избираемой производящей семантики создаваемому значению, что зависит от меж- и внутрикатегориального характера семантического преобразования. Чем больше общих семантических показателей у мотивирующей и мотивируемой единиц, тем строже и типичнее их отношения; чем меньше общих семантических черт, тем в них меньше определенности и больше разнообразия.

Деривационные отношения между словами, обладающими свойством трансформируемости (вторая группа), носит как правило, регулярный характер (это отношения типов: прилагательное→глагол; глагол→прилагательное; прилагательное→наречие; глагол→существительное). Преобразования в способе языкового выражения объективных явлений, лежащие в основе мутационных изменений, в этих случаях не встречают того сопротивления материала, которое наблюдается в отношениях между конкретными существительными (выступающими в качестве мотивирующих единиц) и словами других частей речи. Все это приводит к тому, что деривационные (семантические) отношения рассматриваемого типа могут быть представлены в виде некоторых правил семантической мотивации.

Естественно, что словообразовательные отношения между словами одной части речи более регулярны, нежели между словами разных частей речи (см.: глагол несов. вида→приставочный глагол сов. вида, прилагательное→прилагательное с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-еньк/-оньк-*; существительное→уменьшительное существительное и другие противопоставления с так называемыми модифицирующими отношениями), так что нередко бывает трудно провести границу между слово- и формообразованием (см. дискуссионные в этом плане вопросы видообразования, степеней сравнения прилагательных и т. п.).

¹⁶ П а н о в М. В. Русский язык, с. 74.

Но и здесь лексические единицы первой группы ведут себя своеобразно, вступая между собой в деривационные отношения не только модификационного, но и мутационного вида (ср. *стол* — *стол**ик* и *стол* — *стол**яр*).

II. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В КАЧЕСТВЕ МОТИВИРУЮЩИХ ЕДИНИЦ

Отсутствие свойства деривационной трансформируемости у имени существительного предопределяет наличие некоторых общих черт в словообразовательной характеристике производных разных частей речи, мотивируемых существительными. Прежде всего следует отметить общность их словообразовательных значений, среди которых наиболее типичны значения отношения к предмету, лицу, животному, действию, свойству, выраженным существительными. Конкретная специфика словообразующей функции существительного зависит от особенностей создаваемого значения и тех лексико-грамматических показателей, с помощью которых оно включается в систему данного языка. Иными словами, категориальные (частеречные) различия производных уточняют общий характер отсубстантивных словообразовательных связей в пределах конкретных словообразовательных типов и подтипов.

1. Среди суффиксальных существительных, мотивируемых существительными, выделяются две противопоставленные подгруппы: 1) слова с модификационными значениями и 2) слова с общим значением «носитель предметного признака» (признака, выражающегося в отношении к явлению, лицу, предмету).

Явление словообразовательной модификации возможно только тогда, когда существительные мотивируют слова той же части речи, т. е. тоже существительные. Лексико-грамматическая однородность мотивирующих и мотивируемых слов создает условия для реализации модифицирующей семантики суффикса, которая добавляет к значению мотивирующего слова какие-либо дополнительные смысловые и эмоционально-экспрессивные оттенки.

Существительные со значением носителя предметного признака образуют довольно разнообразные семантические группы, что в определенной мере зависит от наличия большого количества суффиксов, создающих условия для более или менее дифференцированного выражения тех отношений, которые существуют между предметами окружающей нас действительности (см. существительные со значением отно-

шения к материалу — *ватин*; к характеризующему действию предмета — *клоунада*; к его занятию — *художество*; со значением места предмета — *овсище*, *пепелище*; количества предметов — *соломина*; со значением вместилища для кого-чего — *пекарня*, *овчарня* и др.), и для отражения разного рода обобщений предметов и их признаков (*начальство*, *кокетство*; *дарвинизм*, *патриотизм*; *клиентура*, *диктатура*; *шпионаж* и т. п.). Однако наличие у всех этих суффиксов общей семантики («предмет по...») приводит к постоянному взаимоналожению сфер их словообразовательного влияния, вследствие чего установить достаточно четкую их семантическую дифференциацию не удается. В то же время можно говорить об определенной привязанности разных суффиксов к тем или иным лексико-семантическим группам производящих слов, которая приводит к тому, что количество «добавочных значений» у словообразовательных типов оказывается исчисляемым¹⁷, а сами добавочные значения в неодинаковой мере тяготеют к разным суффиксам.

2. Имена существительные мотивируют абсолютное большинство производных прилагательных¹⁸.

Функционирование существительных в роли идентифицирующих и квалифицирующих членов предложения в конечном итоге определило такие их семантические особенности, которые позволило им формировать и относительные, и качественные значения прилагательных. И все же существительные со значением конкретных предметов более приспособлены к созданию относительных прилагательных (включая и притяжательные), в которых признак предмета выражается через отношение к другому предмету, названному производящим словом. Ср.: *братов*, *сестрин*, *рыбачий*, *лошадиный*, *соловьиный*, *хлебный*, *водный*, *тыквенный*, *малярный*, *ягодный*, *воздушный*, *оружейный*, *кофейный*, *ледяной*, *нефтяной*, *травяной*, *слоновий*, *подростковый*, *тканевый*, *преподавательский*, *городской*, *морской* и др.

Существительные со значением действия также мотивируют обычно относительные прилагательные (*сварочный*, *сборочный*, *передаточный* и т. п.).

Некоторые из подобных образований развивают качественные значения (*ювелирный*, *кустарный* и др.). «По мере того, как связь прилагательного относительного с его первообразным существительным становится в сознании более и более отдаленною, увеличивается его отвлеченность, без-

¹⁷ Милославский И. Г. О регулярном приращении значения при словообразовании.— «Вопросы языкознания», 1975, 6.

¹⁸ «От имен существительных зависит состав и пополнение таких грамматических разрядов, как имена притяжательные, относительные и качественно-относительные». — Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове, с. 50.

относительность, качественность, ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его безотносительности» (Потебня) ¹⁹.

Существительные квалифицирующей семантики — с отвлеченным значением свойства или с характеризующим значением лица — более склонны мотивировать качественные прилагательные (*контрастный, каверзный, лицемерный, эмоциональный, умный, вредный, честный, мужественный, болезненный, голодный, разумный, полезный* и т. п.). Некоторые суффиксы прилагательных, напр., *-(л)ив-*, закрепляются за такого рода производящими единицами (*талантливый, правдивый, ленивый, фальшивый, сонливый, конфузливый, расцетливый, уродливый, плаксивый, неряшливый* и т. п.) ²⁰.

Существительные со значением конкретного предмета и качественные прилагательные как группы слов, диаметрально противоположные по лексико-семантическим показателям, в прямые словообразовательные отношения при отсутствии четких требований суффиксальной семантики, по видимому, вступать не могут. Обобщенное значение адъективного суффикса обеспечивает лишь отражение в прилагательном разных видов отношений между предметами, определяемых возможными экстралингвистическими ситуациями. «Прямой» переход конкретной субстантивной семантики в качественную возможен только при наличии достаточно ограниченного суффиксального значения: см., например, значение «характеризующийся внешним интенсивным признаком» у прилагательных с суфф. *-аст-* (*ушастый, глазастый*), «обладающий внешним признаком» у прилагательных с суфф. *-чат-* (*узорчатый, бугорчатый*), «обладающий чем-либо в большей степени» у прилагательных с суфф. *-овит-* (*плодовитый, ядовитый*) и др. ²¹

3. Более специфичны деривационные отношения между существительными и глаголами.

Номинативность, идентифицирующий характер значения существительного предопределяет своеобразие его «трансформации» в глагол, при котором существительное (речь идет о конкретных существительных) не способно самостоятельно, лишь своим содержанием «организовать» значение конкретного действия, вообще — процессуального признака. Значение процесса, выражаемого глагольным суффиксом, может быть приписано субстантивному значению только с помощью дополнительной семантики, способствующей отражению в слове конкретной внеязыковой ситуации. Иными

¹⁹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 3. М., 1968, с. 414.

²⁰ АГ-70, с. 198.

²¹ АГ-70, с. 195—198.

словами, словообразовательная мотивация в этих случаях указывает лишь на самое общее отношение действия к предмету, никак его не уточняя. Мотивирующее существительное, характеризуя какой-либо элемент внеязыкового процессуального явления, лишь в некоторой степени способствует конкретизации общего словообразовательного значения, для «восстановления» которого во всем объеме необходимо знание соотносимой с ним конкретной внеязыковой ситуации. В соответствии с этим базовое существительное вливается в глагольную семантику всем своим лексическим значением, без дифференциации его элементов, выражая какой-либо ее составной компонент (ср. *бетон* — *бетонировать*, *асфальт* — *асфальтировать*, *борона* — *боронить* и т. п.). Вследствие сказанного лексическая семантика производного глагола, по существу, не может быть признана полностью мотивированной: ее нельзя определить, зная только значение исходного существительного и суффикса. Напротив, сами мотивационные связи в их конкретном виде могут быть установлены, лишь исходя из лексического значения производного слова²². Немотивированность значительной части производной семантики обуславливает высокую степень фразеологичности отсубстантивных глаголов²³. Тем не менее словообразовательная прикрепленность производных глаголов к существительным позволяет первым занять определенное место в словообразовательной системе языка. Остановимся более подробно на вопросе о роли субстантивного значения в создании процессуальной семантики.

По семантическим характеристикам отсубстантивные глаголы современного русского языка представляют богатую картину, которая не находит прямого словообразовательного выражения: ни суффиксы, ни лексико-грамматические ряды производящих единиц не имеют однозначного соответствия с разными видами глагольных значений. Тем не менее можно говорить о том, что деривационные отношения производных глаголов разных семантических групп характеризуются определенной словообразовательной спецификой, которая определяется прежде всего характером отношений между производящими и производными единицами по способу отражения внеязыковых явлений. В этом плане целесообразно разделение всех глаголов по виду выражаемого ими про-

²² Моисеев А. И. Мотивированность слова. (Мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке). — Исследование по грамматике русского языка. IV. «Учен. зап. ЛГУ», № 322, Серия филологических наук, вып. 68, с. 123.

²³ Очевидно, с этим связан и тот сложный характер семантического соотношения между глаголом и предложением, о котором идет речь в работе: Karolak S. O znaczeniach czasowników odmiennech. — «Semantyka i słownik». Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972.

цесса, по крайней мере, на две группы: 1) глаголы, выражающие активное действие (*лопатить, асфальтировать, грунтовать* и др.) и 2) глаголы, выражающие неактивные процессы — состояние, проявление или становление признака (*сиротеть, злоствовать* и т. п.)²⁴. На словообразовательном уровне указанное разграничение проявляется уже в том, что глаголы первой группы чаще мотивируются существительными со значением конкретного предмета, глаголы второй группы — существительными квалифицирующей семантики: со значением свойства, действия и пр.

На базе конкретного субстантивного значения формируется какой-либо глагольный компонент, свидетельствующий, хотя и опосредованно, о семантике действия, т. е. указывающий на агенса, пациенс, орудие, средство, результат действия и т. п. в составе глагольного значения. Набор подобных смысловых элементов зависит от принадлежности производного глагола к одной из семантических (тематических) групп²⁵.

Составные компоненты глагольного значения при всем их многообразии могут быть сведены к таким обобщенным семантическим единицам, как результат действия, его (прямой или косвенный) объект, его пространственная, количественная и качественная характеристики. Каждый из указанных компонентов может быть заложен в глагольной семантике как составной ее элемент или как направленность, т. е. способность глагольного значения реализовать соответствующие семантические возможности в лексической сочетаемости глагола (реализация внешней валентности) и в формально-семантических трансформациях глагола (реализация внутренней валентности, ср., например, включение в семантику некоторых глаголов семы результативности при префиксации или семы объекта вследствие присоединения постфикса *-ся*). В процессе отыменного образования глагола тот или иной компонент глагольной семантики формируется за счет значения производящего существительного. В этом проявляется словообразовательная функция мотивирующего имени. Конкретная семантика существительного, отражая соответствующую внеязыковую ситуацию, способствует опре-

²⁴ См.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М.—Л., 1938, с. 97; Daneš Fr. Pokus o strukturni analýzu slovesných významu.— «Slovo a slovesnost», 1971, 3.

²⁵ Ср.: «...необходимо строго различать отношение, которое обозначает данный глагол, и индивидуальное содержание, которое он имеет. Отношение, которое выражается данным глаголом, принадлежит множеству глаголов, а индивидуальная семантика данного глагола принадлежит только ему». — Ломтев Т. П. Правила выбора глаголов при построении предложений, выражающих трехместные отношения.— Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции. Вып. II. Часть I. Новосибирск, 1969, с. 33.

делению роли субстантивной семантики в формировании глагольного значения, выявлению ее места в значении процесса (см. примеры выше).

О правомерности такого подхода к субстантивно-глагольным деривационным отношениям говорят те наблюдения и замечания, которые имеются в работах, посвященных исследованию различных групп отыменных глаголов. Так, В. П. Даниленко отмечает случаи, когда имя, от основы которого образован соответствующий глагол, является объектом, результатом или средством действия;²⁶ Р. И. Бахтурина выделяет, хотя также не дифференцируя их, существительные со значением субъекта, результата, орудия и объекта действия²⁷; З. М. Волоцкая называет мотивирующие существительные со значением продукта и результата действия, орудия действия²⁸.

Указание на собственно процессуальное значение и некоторые конкретизирующие его признаки заключено в глагольном суффиксе, выражающем ту смысловую сферу, в которой находит себе место субстантивная семантика, и в этом смысле суффикс в определенной мере ограничивает «перечень» возможных субстантивных мест. Во всяком случае можно говорить о преобладании или недопустимости (нехарактерности) той или иной словообразовательной функции существительного при создании глагола определенного деривативного типа. Так, суффикс *-е-*, формирующий глаголы пассивного процесса, соединяется с существительными, указывающими на объект или результат (но не агенса) действия: *потеть, дернеть* — покрываться чем; *звереть, сиротеть* — становиться кем.

Суффикс *-нича-*, создающий непереходные глаголы активного, но замыкающегося на субъекте процесса, чаще всего присоединяется к существительным, выполняющим функцию субъекта (агенса) действия. Отсюда преобладание среди мотивирующих слов одушевленных существительных (со значением лиц и животных): *лентяйничать, сапожничать, двурушничать, шалопайничать, бродяжничать, смутьянничать, кокетничать, жульничать, мошенничать* и др. Следует отметить, что глаголы на *-ничать*, как правило, обозначают не какое-либо одно конкретное действие, а сумму процессов, характеризующих в совокупности действующий субъект. Это

²⁶ Даниленко В. П. О словообразовании глаголов на *-ничать* в русском языке советского периода.— В сб.: Развитие современного русского языка. М., АН СССР, 1963, с. 104.

²⁷ Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суфф. *-Ø-//и-(ть)*.— В сб. Развитие словообразования современного русского языка. М., «Наука», 1966, с. 103.

²⁸ Волоцкая З. М. Опыт описания деривативных значений (на материале русского и польского языков). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1972, с. 169—173.

непосредственным образом связано с семантическими особенностями мотивирующих единиц. Как уже отмечалось, обозначения лиц в отличие от названий конкретных предметов в той или иной мере приспособлены к предцированию, к выполнению классифицирующей функции, что и проявляется на уровне производного глагола.

Суффикс *-(е)ствова-*, образуя тоже непереходные глаголы, выражает процесс реализации какого-либо явления (деятельности, свойства, квалифицирующей совокупности действия), поэтому естественно, что производящее существительное выполняет по отношению к этому процессу функцию объекта (*злоставать, любопытствовать, торжествовать, милосердствовать* — проявлять, реализовывать злобу, любопытство и т. д.). В тех случаях, когда реализуемые явления, в свою очередь, характеризуются по лицу, которое вызывает их к жизни, глаголы на *-ствовать*, соотносясь непосредственно с существительными лица, могут выражать значение, подобное основному значению глаголов на *-ничать*, и тогда мотивирующее существительное «заполняет» место агенса действия: *профессорствовать, учительствовать, тиранствовать, губернаторствовать, опекунствовать* — выполнять работу профессора, учителя и т. д. Это сближает глаголы на *-ничать* и на *-ствовать*, тем не менее разные суффиксы создают у них разные основы для семантического обобщения: у глаголов на *-ничать* основное значение — «заниматься тем, что характерно для агенса действия (лица или животного)», и как следствие этого — способность выражать те или иные его свойства; у глаголов на *-ствовать* семантическую основу составляет значение «проявлять какое-либо состояние, свойство, деятельность», а значение «действия, поступки, занятия агенса» вытекает из особенностей мотивирующей семантики и является для данных глаголов дополнительным.

Квалифицирующая, качественно характеризующая особенность семантики глаголов на *-ничать* и *-ствовать* (проявление свойства), которая на грамматическом уровне реализуется в непереходности глагола, допускает также их мотивационную соотнесенность с прилагательными как базовыми единицами.

Суффиксы, способные формировать как непереходные, так и переходные глаголы, имеют более отвлеченные значения, поэтому их связи с мотивирующими существительными носят менее ограниченный характер. Так, существительные, мотивирующие глаголы на *-ить-*, могут выражать субъект действия (*рыбачить, партизанить, сторожить, шоферить, бригадирить*), объект действия (*каламбурить, зудить*), орудие действия (*утюжить, лопатить, багрить, боронить*), место действия (*базарить*), средство, материал действия (*крахмалить, маслить, мылить, смолить*), результат действия (*потрошить*,

шелушить; злбить, печалить, страшить). Подобное же многообразие связей с базовыми существительными наблюдается у глаголов с суффиксом *-ова-* и его вариантами: *парашютировать* (реализована функция инструмента действия), *витаминировать* (средство, материал действия), *парализовать* (объект действия), *квартировать* (место действия), *дневать* (время действия), *пилотировать* (действие агенса).

Несомненно, разные семантические группы глаголов, обладая неодинаковым набором семантических компонентов, мотивируются существительными в различном их функциональном применении.

Во всех случаях существительные формируют какой-либо компонент глагольной семантики в соответствии с той функцией, которую выполняет предмет, выраженный мотивирующим словом, по отношению к процессу, называемому производным глаголом.

Особенностью отсубстантивного образования глаголов является создание у некоторых из них метафорического значения, что на синхронном уровне проявляется в возможности толкования глагольной семантики через сопоставление с действиями, связанными с предметами, явлениями, которые названы производящими существительными: *попугайничать, клоунничать, монашествовать* (вести себя как попугай, клоун, монах), *пузырить* — делать что-либо похожим на пузырь (как пузырь) и т. п.

Словообразовательная метафора — один из способов приспособления субстантивной семантики к выражению процессуального значения.

4. Заключая анализ отсубстантивных словообразовательных отношений, представляется небезытересным отметить два момента.

А. Своеобразие словообразующих возможностей существительных отражается на мотивационных связях производных слов последующих словообразовательных ступеней. В этом плане обращает на себя внимание два вида словообразовательных цепочек. Первый вид: конкретное имя существительное → относительное прилагательное → отадъективное производное (например, *лес — лесной — лесник*), в которых отадъективное производное слово семантически может быть связано с исходным существительным, хотя формально мотивируется относительным прилагательным²⁹. Такая черес-

²⁹ Ср.: Ермакова О. П. О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова.— Актуальные проблемы русского словообразования. I. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972.

69; Улукханов И. С. Значения словообразовательных аффиксов и часть речи мотивирующих слов.— «Филологические науки». Научные док-

ступенчатая мотивация оказывается возможной благодаря тому, что основной лексико-грамматический показатель относительных прилагательных (выражение признака через отношение к чему-либо) лежит в русле словообразующих возможностей конкретных существительных, создающих словообразовательные значения отношения. По существу конкретные существительные и относительные прилагательные указывают на один и тот же денотат³⁰ и, следовательно, имеют одно и то же вещественное значение, в равной мере участвующее в создании производной семантики, независимо от того, чем оно выражено — существительным или относительным прилагательным. При этом вновь возникает семантика отношения (см.: *лесник* 'лицо, имеющее отношение к лесу, лесным делам и проблемам'), которая в определенной мере дублирует относительное значение прилагательного и потому может быть сведена к словообразовательному значению, создаваемому исходным существительным. Относительные прилагательные, которые образуют опосредствующее звено в установлении чересступенчатых словообразовательных отношений, обычно представляют собой синтаксические дериваты (см. приведенный выше пример), но могут таковыми и не быть: *пыль*→*пыльный*→*пыльник* 'верхняя одежда для пыльной погоды, предохраняющая от пыли'³¹.

Второй вид отсубстантивной словообразовательной цепочки характеризуется тем, что исходное существительное обладает квалифицирующим значением (лица), на основе которого возникает значение отвлеченного существительного, а последнее, в свою очередь, используется в качестве мотивирующей единицы для производного глагола (*иезуит* — *иезуитство* — *иезуитствовать*). В этих условиях глагольная семантика может соотноситься непосредственно с качественной стороной существительных лица, а устанавливаемые при этом отношения могут быть охарактеризованы как отношения непосредственной деривационной трансформируемости.

Б. Особенности существительных как мотивирующих единиц в определенной мере предопределяют методику исследования отсубстантивных производных. При неметафорическом словопроизводстве, когда базовая семантика входит в производное значение как часть целого, более рациональным

лады высшей школы. М., 1974, 4, с. 65. На возможность подобных словообразовательных связей в свое время указывал В. Дорошевский. См.: Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1963, s. 296.

³⁰ На этом основании относительные прилагательные рассматриваются как синтаксические дериваты производящих существительных. См.: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 187—188.

³¹ О синтаксических и лексических дериватах-прилагательных см.: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 187—191.

оказывается трансформационный анализ производных слов³². Имя существительное, благодаря номинативному характеру своего значения, не способно в одной и той же форме образовывать с глаголом словосочетания разных типов. Ср.: *покрывать, заливать асфальтом; жить, быть, находиться в доме* и т. п., где каждая из именных форм (*асфальтом* и *в доме*) образует один тип словосочетания, варьируемый за счет близких по семантике глаголов. Напротив, как уже говорилось, существительное само помогает глаголу индивидуализировать тот или иной его семантический компонент и потому выступает в своем полном лексическом значении. В силу этого классификация глагольно-именных словосочетаний на основе лексического значения существительных представляется затруднительной. Их именная типизация возможна лишь по той роли, которую существительные выполняют при глаголе, указывая на производителя, орудие действия и т. д. Но в этом случае мы будем иметь фактически классификацию именных мест при глаголе (а следовательно, и его семантических компонентов), составление же схемы глагольно-именных словосочетаний на основе собственно лексических значений существительных невозможно, во всяком случае с деривационной точки зрения оно мало целесообразно. Все это характеризует имя существительное как такую производящую единицу, которая сама по себе, только в рамках своего лексического значения (без учета его связей с глаголом), не может выступать в роли объединяющего начала, способствующего типизации отыменных глагольных значений. Единственно, что обеспечивает имя в производном глаголе — это конкретизацию одного компонента в семантике глагольной основы (*асфальт — асфальтировать* 'покрывать асфальтом') и отсутствие соответствующего именного места (в нашем примере — со значением материала, средства действия) при глаголе.

Структурно-семантическим образцом для создающихся отыменных дериватов фактически служат схемы внешних валентных связей глаголов разных тематических групп. Поэтому в принципе семантика суффиксов отыменных глаголов должна содержать в себе указание на такие лексико-грамматические особенности глагола, как наличие — отсутствие объекта действия, связанная с этим активность — пассивность производителя действия и т. п. Конкретные исследования отыменных глаголов подтверждают это мнение: глагольным суффиксам трудно приписать какие-либо конкретные значения, не связанные с той или иной его грамматической

³² О преимуществе трансформационного метода при рассмотрении отсубстантивных глаголов см.: Grzegorzczukowa R. Czasowniki odmiennne we współczesnym języku polskim. Wrocław, 1969, s. 13.

формой. Классификация отыменных глаголов, проводимая с учетом базовых именных значений³³, не находит прямого соответствия с суффиксальными глагольными типами, а выделение групп глаголов с учетом собственно глагольных особенностей, так или иначе связанных с семантикой суффикса, по существу, не учитывает лексические типы мотивирующих имен³⁴.

Исходя из сказанного, выявление субстантивного компонента в глагольной семантике целесообразно проводить путем замены отыменного глагола его функциональным эквивалентом³⁵, в котором этот компонент лишь потенциально заложен в виде глагольной валентности и реализуется на уровне лексических связей глагола через зависимое от него слово: *асфальтировать — покрывать асфальтом*.

Если обратиться к существующим классификациям отыменных глаголов по их соотношению с производящими существительными, например, к классификации З. М. Волоцкой³⁶, то в соответствии с принятой нами точкой зрения следует ориентироваться на такие группы существительных, общий семантический признак которых прямо проявляется в глагольной дериватеме (в семантике глаголов соответствующего деривативного класса). Таковыми являются, например, существительные, обозначающие лицо («кто»), мотивирующие глаголы с деривативным значением «функционализировать как кто»; существительные со значением орудия действия («чем»), мотивирующие глаголы со значением «обрабатывать чем» и т. д. В перифразах конкретных глаголов мотивирующие существительные находятся в соответствующих связях с глагольным словом перифразы: *лопатить — обрабатывать лопатой* (орудие действия), *слесарничать — выполнять работу слесаря* (агенса действия), *сигнализировать — подавать сигнал* (объект действия), *клеить — ставить клеймо* (результат действия) и т. п. Как видим, существительные вписываются в глагольные перифразы в силу учета такой особенности их семантики, как способность отражать функции называемого предмета при действии. В дериватив-

³³ Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-Ø-/-и-(ть)*.

³⁴ Богуславский А. С. Образования типа *белеться* и отыменные глаголы. — «Вопросы языкознания», 1962, 1, с. 77—81.

³⁵ «Функциональная эквивалентность лексем проявляется в их общей значимости в условиях одного и того же контекста» — Кузнецова Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов. (К вопросу о природе лексико-семантических групп). Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1974, с. 20.

³⁶ Волоцкая З. М. Опыт описания деривативных значений (на материале русского и польского языков).

ном отношении это последнее является единственно существенной характеристикой имени, мотивирующего глагол. Конкретное значение существительного в данном случае учитывается в той мере, в какой оно обеспечивает существительному соответствующее приглагольное место в перифразе.

III. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С МОТИВИРУЮЩИМИ ЕДИНИЦАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ СВОЙСТВОМ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕРИВАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМИРУЕМОСТИ

Отношения типа «глагол — существительное»

Возможности глагола как производящей единицы заложены в синтагматическом характере проявления его семантики, так как «само понятие глагольного действия раскрывается в терминах синтагматических отношений субъекта и объекта (семантических в противоположность синтаксическим) действий»³⁷. В полной мере лексическое значение глагола выражается через его лексические связи³⁸. Как показывают исследования последних лет³⁹, эти связи поддаются определенному обобщению и характеризуются более или менее ус-

³⁷ Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., «Наука», 1969, с. 173.

³⁸ См., например, установление семантики глагола с учетом его лексических связей в работе: Daum E., Schenk W. Die russischen Verben. Leipzig, 1974.

³⁹ См. обзор работ по теории глагольной валентности: Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Veb bibliographisches Institut. Leipzig, 1969 (см. раздел «Einführung in die Valenztheorie»); Филичева Н. И. Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных лингвистов. — «Вопросы языкознания», 1967, 2; Прокуденко Н. А. Вопрос о синтаксической сочетаемости в работах советских лингвистов. — В сб.: Теоретические и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка. Барнаул, 1974. См. также: Билимович Н. П. О некоторых моделях синтаксической сочетаемости глаголов перемещения в художественном стиле современного русского языка. — Труды Самарканд. ун-та, т. 169, 1969; Клепичкая Н. А. О сочетаемости глаголов перемещения. — Учен. зап. Кавказ. гос. пед. ин-та, т. 20, 1969; Фоменко Ю. В. Деструктивные глаголы в русском языке. — Труды Новосиб. гос. пед. ин-та. Вопросы лексикологии русского языка. Вып. 27. Новосибирск, 1971; см. также другие работы этого автора; Васильев Л. В. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971; Прокуденко Н. А. О характере сочетаемости глаголов, обозначающих удивление, с зависимым именем. — В сб.: Проблемы русского языка и его методики. Красноярск, 1972 и др.

тойчивой зависимостью от семантической принадлежности глагола. Наиболее показательными в этом отношении являются приглагольные позиции существительных⁴⁰. Реализуя какой-либо компонент глагольной семантики, представленный в ней обобщенно, в виде направленности (на субъект, объект, место, орудие действия и т. п.), они «сохраняют» с глаголом тот тип отношений, который предопределяется данной направленностью. Это говорит о языковой значимости соответствующих компонентов глагольного значения. Выделенные на уровне дистрибутивной модели глагола, они накладывают отпечаток и на его словообразовательные связи, обуславливая у отглагольных существительных возможное количество значений и сами их виды. Сказанное означает, что в прямые словообразовательные отношения с глагольной семантикой могут быть поставлены не только те значения отглагольных существительных, которые обозначают действие в целом (ср. *остановка, прокладка чего-либо*), но и те, что соотносятся с одним из компонентов глагольной семантики (*прокладка* 'то, что прокладывают', *остановка* 'там, где останавливаются...')⁴¹. Такое совмещение оказывается возможным благодаря обобщенно-предметному значению суффикса (в наших примерах суффикса *-к-*). Значения второго рода могут быть единичными в отглагольных существительных: *выбивалка* 'то, чем выбивают', *наставник* 'тот, кто наставляет', *мечтатель* 'тот, кто мечтает', *вкладыш* 'то, что вкладывают', *проигрыш* 'то, что проиграно', *курильня* 'там, где курят', *красильня* 'там, где красят', *царапина* (результат действия) и др.; это только подтверждает правомерность прямого соотношения отглагольных существительных предметного значения с семантическими компонентами базовых глаголов. Набор таких компонентов постоянен и типичен для определенных глагольных групп. Именно поэтому лексические связи глагола почти не меняются с изменением его грамматической формы. Но у разных тематических групп количество обязательных и факультатив-

⁴⁰ Ср.: «Связь между управлением и семантикой имеет особенно интимный характер. Что же касается согласования и примыкания, то эти связи всегда реализуются в одной и той же модели и поэтому не могут быть использованы для разбиения словаря на класты». — Фоменко Ю. В. Глаголы психического воздействия в русском языке. — «Труды Новосиб. гос. пед. ин-та. Вопросы теории русского языка». Вып. 119. Новосибирск, 1975, с. 6.

⁴¹ Ср.: В подсистеме существительных, мотивированных глаголами, основное семантико-словообразовательное противопоставление — существительные с общим значением «носитель процессуального признака» с существительными с общим значением «процесс. признак, отвлеченный от его носителя». — Лопатин В. В. К типологии словообразовательных значений имени существительного. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1971, с. 277.

ных приглагольных мест⁴², необходимых для реализации лексического значения глагола, различно. Так, значение глаголов физического воздействия заключает в себе указание на субъект, объект, объект — результат, орудие и место действия, например: *роет — кто; что; чем; где*. Глаголы перемещения включают в свою семантику такие компоненты, как субъект, объект, место, направление и средство или способ действия, см.: *тащит — кто, что; кого, что; где, куда; как*. У глаголов собственно движения, которые не связаны со значением прямого объекта, данный компонент отсутствует (*едет — кто, что; где, куда; на чем, но нет кого, что*) и т. д. В процессе словообразования подобные компоненты легко становятся основой производных субстантивных значений. Об этом свидетельствуют имеющиеся описания отглагольных имен литературного языка, в которых типовые значения существительных выделяются, хотя и с разной степенью полноты и точности, но фактически всегда через соотнесение имен с мотивирующими их глаголами. Так, Е. А. Земская называет два вида отглагольных дериватов: синтаксические — со значением отвлеченного действия (*рисование, носка* и т. п.), и лексические, среди которых в самостоятельную группу объединяются существительные, обозначающие «место, где совершается действие», а в группе имен со значением производителем действия отмечено «чисто инструментальное (орудийное) значение» существительных с суффиксом *-лк(а)*, типа *велялка, сеялка*⁴³.

Анализ существительных, мотивируемых глаголами движения, проведенный А. М. Хамидуллиной⁴⁴, позволил исследователю выделить шесть видов отглагольных значений: значение факта действия, единичного акта действия, места, результата, орудия и производителя действия. Показательно, что все типы, кроме первого, прямо соотносимы с соответствующими семантическими компонентами глаголов движения. Им следовало бы противопоставить значение факта действия как соответствующее лексическому значению глагола в целом и не связанное с изменением его денотативной семантики.

⁴² Об обязательной и факультативной валентности см.: Степанова М. Д. О внешней и внутренней валентности слова.— *Иностранные языки в школе*, 1967, 3, с. 13—14.

⁴³ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 246, 262—263. Ср. также классификацию отглагольных существительных в английском и немецком языках в работах: Marchand H. *The categories and types of present-day English word-formation*. Munich, 1969, p. 214; Fleischer W. *Wordbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, 1976, S. 317—318.

⁴⁴ Хамидуллина А. М. Смысловые изменения при трансформации глаголов движения в существительные.— *Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов*. Новосибирск, 1971, с. 288.

Еще определенной проводит связь отглагольных имен с глагольными компонентами Т. Д. Сергеева⁴⁵, исследующая лексико-грамматическую структуру глаголов движения. В указанной работе выделяются отглагольные имена со значением действия, производителя действия и предмета; последние подразделяются на существительные орудия и объекта действия. Заметим, что существительные с предметным значением мотивируются в основном переходными глаголами, обладающими направленностью на объект, а через него и на результат действия. Значение качественного результата, не подержанное направленностью на объект (т. е. переходностью, внешней валентностью глагола), не создает предметной семантики. Вызывает интерес наблюдение автора над сближением наименований действия и производителя действия по способности сохранять объектную направленность и обстоятельственные характеристики процесса, когда «имя деятеля сосредоточивает в своем семантическом объеме и название субъекта действия, и название самого действия, совершаемого субъектом» (с. 164); ср.: *нести передовые идеи — носитель передовых идей; вести машину — водитель машины; бежать/бегут на средние дистанции* (с. 115); *наводить мосты — наводчик мостов; объезжать/объездчик лошадей* (с. 163). Отмеченная особенность отражает активный характер действия, предопределяющий зависимость условия и степени его реализации от воли субъекта. Последний фактически создает ту денотативную ситуацию, которая выражается глаголом. Названный отглагольным существительным субъект действия сохраняет указанные свои свойства.

В подобном же соотношении, как кажется, находятся прилагательные и образованные от них существительные (см. *мудрый — мудрец*), так как прилагательное в силу частеречной специфики указывает на носителя признака, а в отадъективном имени значение носителя признака выдвинуто на первый план.

Естественно, что глаголы реализуют не все свои словообразующие потенции. Какие из компонентов окажутся актуализированными на уровне существительного, зависит от потребностей общения. Это наглядно подтверждается фактом параллельного существования в литературном языке и диалектах таких существительных, которые мотивируются одним общерусским глаголом, но соотносятся с разными его семантическими компонентами. Например: *связка* — 1. Лит. То, что связано (объект действия), 2. Том. То, чем связывают сноп (орудие действия) (ТС); *драка* — 1. Калинин. Род гребня, ис-

⁴⁵ Сергеева Т. Д. Лексико-грамматические связи глаголов движения (на внутриглагольном и межкатегориальном уровне). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Томск, 1977, стр. см. в тексте.

пользуемого при обработке льна, конопля (орудие действия) (СРНГ), 2. Волог. Участок из-под леса, кустарника, расчищенный под пашню, луг или огород (результат действия) (СРНГ), 3. Яросл. Мелкий кустарник (субъект действия) (СРНГ), 4. Смол. Неровная поверхность земли, снега во время оттепели и заморозков (субъект действия) (СРНГ) и т. п.

Картина взаимоотношения между производящим глаголом и производным существительным усложняется, когда в процессе словообразования происходит конкретизация мотивирующей семантики, не поддерживаемая на словообразовательном уровне. Это явление особенно характерно для диалектной системы языка. Оно может быть проиллюстрировано на примере некоторых групп отглагольных существительных, отмеченных в томских говорах⁴⁶.

Анализ существительных, мотивированных глаголами физического воздействия, позволяет выделить среди них следующие семантические группы:

1) существительные со значением действия: *бойка* (сбивание масла), *варка*, *гребь* (по глаголу *гресть* 'сгребать сено'), *жнитво* (процесс уборки урожая);

2) производителя действия: *бидух*, *боец*, *бойщик* (тот, кто бьет шишки), *жнюха* (жница), *забойщик*, *забойник* (тот, кто забивает скот), *катальник* (тот, кто катает валенки), *плетень* (стебель корнеплодных культур, ползучих, вьющихся растений, который плетется вокруг других стеблей и расгений);

3) орудия, приспособления, при помощи которого совершается действие: *било*, *биток*, *битчик*, *битко* (бьющая часть цепа), *бойка*, *избойка*, *сбойка* (приспособление для сбивания масла), *боек* (то, чем сбивают шишки с кедровых деревьев), *вяз*, *вязок*, *вязь*, *вязка* (гибкий прут, связывающий противоположные столбики у саней), *вязка*, *связка* (то, чем связывают снопы), *гибало* (приспособление для изгибания полозьев, дуг, ободов), *отбивалка* (мотыга);

4) места действия: *бойка* (помещение, где бьют скот), *выруб* (вырубленное место в лесу), *отбой*, *отбойка*, *отбойник* (приспособление, на котором отбивают косы);

5) предмета, испытавшего на себе действие (объекта — результата действия): *болтушка* (мука, замешанная с водой, обычно для корма скоту), *варка*, *варево* (1) все, что сварено, (2) блюдо из рыбных потрохов), *валеж* (сваленный лес), *выворотень* (вывороченное дерево), *вязанка* (лен, связаный в небольшой сноп), *гребь* (скошенная трава на поле), *катанки* (катаные сапоги, валенки), *набоина* (набитая

⁴⁶ См.: ТС, ТСД, ДМ.

поверх чего-либо доска), *прибоина*, *прибойка* (бортовая часть лодки, прибитая сверху), *прогон* (ряд, который *прогнали* 'скосили', скошенный ряд), *плетуха* (плетенный из прутьев короб), *плетушок* (плетеный забор), *связка* (1) упряжка лошадей, 2) конный обоз), *связь* (две избы, соединенные крытым помещением—сенами);

б) побочного результата действия: *жниво* (остатки стеблей на сжатом поле), *отбойка* (отходы зерна после обработки его на мельнице), *сбойна* (жмых).

Несколько иную картину дают имена, мотивированные беспрефиксными глаголами движения. Они имеют значения: 1) действия: *езда*; 2) производителя действия: *ходок* (ходок), *лазун*, *лазака*, *лазальщик* (тот, кто лазит на кедров для сбивания шишек); 3) места действия: *лазья* (ход в подполье); 4) средства действия: *лазки* (приспособление для влезания на дерево), *ходок* (легкая телега для езды).

Прежде всего отметим, что существительные, мотивируемые глаголами разных тематических групп, имеют не совпадающие между собой в качественном и количественном отношении типы значений. Дериваты глаголов физического воздействия имеют значение опредмеченного результата действия (см. 5-ю и 6-ю группы), в то время как у глаголов движения нет именных пар со значением объекта действия. Налицо зависимость семантической классификации существительных от значения мотивирующих глаголов.

Однако с собственно лексической точки зрения эта зависимость неодинакова. Если существительные *варка*, *гребь*, *жнитво*, *жнюха*, *выруб*, *варево*, *езда* и др. по объему своего значения полностью соответствуют мотивирующей семеме, то во многих других именных дериватах (*бойка*, *боец*, *плетень*, *било*, *вязок*, *грабки*, *болтушка*, *валез*, *выворотень*, *вязанка*, *связка* и т. п.) происходит сужение мотивирующей семантики. Так, *бойка* — это сбивание масла, а не любых веществ; *боец* — только тот, кто бьет (сбивает) кедровые шишки; *выворотень* — не все, что выворочено, а лишь вывороченное дерево; *связка* — связанные (запряженные в одну упряжку) лошади, а не любые предметы (в широком смысле слова); *плетень* — не все, что плетется, а только стебель корнеплодных культур и т. д.

Следует отметить, что конкретизация производного значения может происходить как за счет сужения непосредственно мотивирующей глагольной семантики (см., например, *выворотень*), так и за счет обогащения (сужения) других глагольных компонентов, переходящих в именное значение. Например: *боец* 'тот, кто бьет (сбивает) кедровые шишки' (значение субъекта действия 'тот, кто...', легшее в основу значения слова *боец*, уточняется путем указания на конкретный вид объекта — кедровые шишки); *бой-*

ка 'то, чем сбивают масло' (здесь с помощью объекта — масло уточняется средство действия 'то, чем...') и т. п. Чаще же происходит сужение и основного и дополнительного компонентов: *вязок* (типичное значение 'то, чем связывают') — гибкий прут, связывающий противоположные столбики (копылья полозьев) саней; *отбойник* ('то, с помощью чего отбивают') — специальное приспособление, на котором отбивают косы; *прибоина* ('то, что прибито') — бортовая часть лодки, прибитая сверху; *лазья* ('там, где лазят') — специально устроенный ход, через который попадают в подполье, и т. п.

Сравнение отглагольных имен разных говоров показывает, что сужение мотивирующей семантики в производной является нормой диалектного словообразования и полностью определяется внеязыковыми условиями. Ср.: *вязка* 'то, чем связывают' — 1. Арх., Калуж., Саратов., Свердлов., Том. Всякая веревка, шнурок для связывания чего-либо (СРНГ, ТС, УС). 2. Арх., Волог., Иркут., Ленингр., Моск., Новг., Перм., Псков., Том., Тюмен. Жгут, скрученный из соломы или травы для связывания снопов (СРНГ, ТС, УС, ИС). 3. Влад., Ворон., Тверск., Иванов., Казан., Калуж., Костр., Курск., Перм., Свердлов., Тобол., Тобол., Том., Тул., Якут. Прут, соединяющий копылья полозьев саней (СРНГ, ТС, УС). 4. Свердлов. Шнурок для обуви (УС). 5. Арх. Веревки (СРНГ); *загородка* 'то, что загорожено' — 1. Арх., Волог., Ленингр., Перм., Твер., Яросл. Огороженное место для скота (СРНГ, КЯС). 2. Волог., Олон., Твер., Яросл. Огород (СРНГ, КЯС). 3. Новосибир., Олон., Ср. Урал., Тул. Небольшой огороженный садик перед домом (СРНГ, УС). 4. Костр. Часть избы, где находится печь, готовится пища (СРНГ) и т. п.

Процесс сужения объема мотивирующей семантики индивидуален в каждом конкретном случае, тем не менее по соотношению с глагольными компонентами все «уточненные» значения отглагольных дериватов укладываются в типовые схемы.

Как следует из предыдущего изложения, рассматриваемые обобщенные значения выделяются прежде всего, исходя из специфики мотивирующих глаголов. В тех случаях, когда эти значения поддерживаются суффиксом, они выступают как словообразовательные (см. главу III). Таковыми являются, например, значения орудия действия в словах *мыло*, *кадило*, *черпало* и т. п. и места действия в словах *парильня*, *гладильня*, *красильня* и др., выражаемые одновременно производящими единицами и суффиксами *-л(о)* и *-льн(я)*.

Многокомпонентный состав глагольной семантики позволяет одному и тому же глаголу давать несколько типичных именных значений. Это создает условия для семантической

специализации отглагольных суффиксов (со значением лица, орудия, предмета — объекта и т. п.). Однако в языке эти условия в полной мере не используются, поэтому типовые производящие значения далеко не всегда могут быть интерпретированы как словообразовательные.

Неполное использование семантических возможностей глагола как производящей единицы, соотношенность именных дериватов с его факультативными связями и виды конкретизации мотивирующей семантики — все это в большой мере объясняется экстралингвистическими причинами. Отсюда — идиоматичность как характерная черта глагольно-именной деривации.

Отношения типа «прилагательное — глагол»

Имя прилагательное и глагол относятся к квалифицирующим частям речи, характеризующим предметы через их признаки. Эта общность адвербиальной и глагольной семантики способствует установлению между прилагательными и глаголами деривационных отношений непосредственной трансформируемости. Однако следует учитывать, что качественная и процессуальная признаковость — существенно различные явления. Характер перехода семантики качественной в процессуальную зависит как от способности качественного признака преобразовываться в признак процессуальный, развертывающийся во времени, так и от особенностей процессуального значения, в определенной мере выраженного глагольным суффиксом.

Характеристика подобных словообразовательных отношений требует выявления тех компонентов признаковой семантики, которые в соединении с соответствующим аффиксом создают процессуальное значение. Применительно к такому материалу наиболее целесообразно, как кажется, использование метода компонентного анализа, который позволяет выявить семантические элементы, создающие основу для непосредственной деривационной трансформируемости мотивирующих единиц в мотивируемые.

Непременным условием компонентного анализа является учет всех значений производящего и производного слов и сопоставление последних на уровне каждого значения в отдельности, т. е. на уровне лекс. Выделяемые при этом компоненты должны обладать той степенью обобщения, которая необходима для формирования словообразовательного или лексико-словообразовательного значения, и потому они, как правило, не совпадают полностью с теми компонентами, которые могут быть выделены у данных слов с лексикологической точки зрения. Что касается частеречного аспекта, то

здесь можно наблюдать определенную соотнесенность некоторых лексико-грамматических значений со словообразующими.

1. Семантическая соотносительность глаголов на *-еть* и мотивирующих прилагательных

В лингвистической литературе⁴⁷ отмечается два вида словообразовательных отношений между глаголами на *-еть* и мотивирующими их прилагательными, характеризующихся высокой степенью регулярности: «признак — становление признака» и «признак — выявление признака»⁴⁸. Каждое из этих отношений оказывается возможным, благодаря наличию в мотивирующей семантике определенных характеристик, которые делают возможным ее преобразование в соответствующее глагольное значение.

Анализ словообразовательных отношений первого вида («признак — становление признака») позволил выделить несколько таких семантических показателей.

1. Прежде всего, следует отметить, что семантику инхоативных глаголов мотивируют конкретные значения прилагательного. Переносные семантические варианты, носящие ярко метафорический характер, в глагольные значения, как правило, не трансформируются. Например: *грязная (улица), грязные (руки)*⁴⁹ — *грязнеть*, но *грязная (бледность)* не имеет глагольного соответствия; *зеленая (волна), зеленое (лицо), зеленое (дерево)* — *зеленеть*, но *зеленый (юнец); мутный (пруд), мутное (стекло), мутные (глаза)* — *мутнеть*, но *мутная (тишина)* и т. п.

2. Установление семантических отношений между прилагательным и глаголом возможно только в том случае, если мотивирующее прилагательное в его конкретном значении обозначает признак, объективно присущий предмету и в нем

⁴⁷ См., например Улукханов И. С. Глаголы на *-еть* в современном русском языке (о продуктивности и регулярности словообразовательного типа). — В сб.: Развитие словообразования современного русского языка. М., «Наука», 1966.

⁴⁸ О нерегулярных видах соотношения между глаголами на *-еть* и мотивирующими прилагательными см.: Янценецкая М. Н. Семантическая соотносительность глаголов на *-еть* и мотивирующих прилагательных. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. II. Новосибирск. 1973. См. также главу III настоящей работы.

⁴⁹ Здесь и дальше прилагательные и глаголы, приводимые в качестве примеров, берутся в одном из своих значений. Данное в скобках существительное позволяет определить, какое значение прилагательного или глагола имеется в виду; при этом количество существительных соответствует количеству значений прилагательного или глагола, при котором эти существительные стоят.

⁵⁰ Ср.: «С точки зрения отношения признаков, называемых производящей основой, к предметам, обозначаемым в приглагольных позициях, 1 и 2

самом возникающий⁵⁰. Опосредствованное выражение признака препятствует возникновению соответствующего глагольного лексико-семантического варианта. Так, не образуют противопоставлений такие лексы прилагательных, как *грязная (работа)* 'связанная с тем, что пачкает, загрязняет'; *грязное (ведро)* 'предназначенное для мусора, для отбросов'; *светлая (лампочка)* 'излучающая яркий свет'; *трезвое (поведение)* 'свойственное трезвому человеку' и др.

Показательны в рассматриваемом плане значения прилагательных, характеризующих внутренние признаки живых существ (чаще людей) через какие-нибудь внешние черты (лица улыбку, лицо и т. п.). Например: *доброе, жадное, злое, светлое, суровое, угрюмое, умное (лицо)* — (лицо) доброго, жадного и т. д. человека (неслучайно их толкование в словарях начинается со слова «выражающий»); см. также *черствое (выражение лица), веселая (улыбка), пошлая (ушмешка), храбрый (вид), смелые (глаза)* и некоторые другие. По данным литературных словарей, глаголы на *-еть* не обладают значениями, соотносимыми с вышперечисленными именными вариантами⁵¹.

По той же причине не образуют глагольно-именных оппозиций лексы прилагательных, обозначающие такие признаки, которые приписываются предмету в зависимости от субъективного восприятия его в определенном коллективе или отдельными лицами: *глупая (затея), глупые (цветы); дурной (почерк), дурные (манеры), дурной (поступок), дурная (примета); скучный (разговор); смелая (поза)* и др. Интересно в этом отношении сравнение омонимов *худое (лицо) и худая (слава)*, первое из которых, выражая признак, объективно присущий предмету, мотивирует глагол *худеть*, а второй, в силу особенностей его семантики, нет. Заметим, что «субъективный» характер значения нередко совмещается с метафоричностью употребления лекс прилагательных, как, например, *грязная (история), дешевый (успех), теплый цвет, угрюмый (бор)* и др.

3. В пределах установленных ограничений рассматриваемое глагольное значение наблюдается при условии, если мотивирующее прилагательное обозначает признак, способный

типы (глаголы типа *белить* и *белеть*.— М. Я.) объединяются тем, что в обоих типах обозначаются признаки, **возникающие в предметах**.— Богуславский А. С. Образования типа *белеться* и отыменные глаголы, с. 78.

⁵¹ Устойчивая связь между внутренним миром и внешними признаками человека приводит к тому, что внешние проявления признака воспринимаются как существующие относительно самостоятельно, и в этих случаях обозначающие их прилагательные тоже могут находиться в отношениях семантической соотносительности с глаголами на *-еть*, например, *скучное (лицо)* — *скуичеть*, см. пример, приведенный в Словаре русского языка. (М., 1961), т. 4: «Под его взглядом лица скуичнеют» (Крымов).

к количественным изменениям (см. приведенные выше примеры глагольно-именных противопоставлений). Именно благодаря данной особенности мотивирующей семантики глаголы способны выражать значение как относительного, так и абсолютного становления признака. Именные лексы, выражающие устойчивый признак, не дают соотношения с глаголами указанной семантики⁵². Подобные замечания, касающиеся отдельных прилагательных, высказывались в соответствующей литературе⁵³, сопоставление же лексико-семантических вариантов структурно соотносимых глаголов и прилагательных выявляет последовательное соблюдение указанного требования при установлении между ними отношений семантической мотивации. Устойчивостью признака обусловлено отсутствие глагольной пары, например, в следующих случаях: *белая (раса), белая (горница); бурый (конь); зеленый (корм), зеленые (щи); слабое (лекарство), слабый (чай); сивый (конь); теплые (носки); холодное (копчение), холодный (сапожник); черный (ход), черный (народ), черная (сила)* и др.

К ним относятся и прилагательные с собственно пространственным значением, как, например, *левый (берег), правая (сторона)* и т. п.

4. Однако значение признака, способного развиваться внутри предмета или вместе с предметом, лишь тогда переходит в инхоативное значение, когда развитие этого признака отражает естественное течение внеязыкового процесса. В противном случае значение становления данного признака в языке оказывается невозможным. Не дают такого значения, например, лексы *зеленое (яблоко), юный (музыкант), свежее (мясо)*, так как яблоко, созревая, напротив, наливается соком и краснеет; мальчик вырастает и перестает быть юным и т. д.

5. В лингвистической литературе отмечалось, что прилагательные с формально выраженной степенью признака редко выступают в качестве производящих основ⁵⁴. Наш анализ

⁵² Данная особенность качественных прилагательных (обозначение признака, который в отношении интенсивности мыслится как переменный) может играть роль при установлении в языке разного рода лексических противопоставлений. Способностью качественного признака к количественным изменениям объясняется, например, естественность образования качественными прилагательными антонимических противопоставлений в работе: Максимов Л. Ю. Антонимия как один из показателей качественности прилагательных. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1955, с. 4—5.

⁵³ См., например, Улуханов И. С. Глаголы на *-еть* в современном русском языке (о продуктивности и регулярности словообразовательного типа), с. 137.

⁵⁴ Бакина М. А. Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования. — В сб.: Развитие словообразования со-

показал, что лексы прилагательных с формально не выраженной степенью качества, если она является подчеркнуто высокой, также не способны мотивировать значение становления признака. Например, не образуют инхоативного значения такие прилагательные, как *добрый (кусоч хлеба)*; *злой (табак)*, *злой (недуг)*; *свирепая (цензура)*, *свирепая (болезнь)*, *свирепая (тоска)*, *свирепые (споры)*; *суровый (приговор)*, *суровая (борьба)*; *хорошие (проценты)* и др. Становление, развертывание признака предполагает, что в исходном моменте он обладает потенциальными возможностями развития. Однако количественный показатель (подчеркнутая степень признака), становясь основным, а порой и единственным элементом в содержании прилагательного (см. значение прилагательных в сочетаниях *добрая сажень*, *здоровый снаряд*), сужает область возможного изменения интенсивности качества рамками высокой степени его проявления. Исходным моментом для становления качества в этих случаях может послужить лишь признак, уже в достаточной мере проявившийся. Но такие тонкие колебания в количественном изменении признака трудно уловимы, практически носителями языка отмечаются редко, поэтому прилагательные с подчеркнуто высокой степенью качества редко мотивируют голоты со значением становления признака (см., впрочем, *злеть*, *свирепеть* (о морозе)). Вышеперечисленными особенностями обладают и такие прилагательные, как *гениальный*, *огромный*, *плачевный*⁵⁵, лексическое значение которых препятствует образованию от них инхоативных глаголов⁵⁶.

Количественный показатель и иногда сопутствующий ему модальный оттенок значения у ряда лекс прилагательных носят выраженный характер: данные лексико-семантические варианты управляют существительными или имеют при себе неопределенную форму глагола, без которых их значение не может быть полностью раскрыто, например, *бедна (чем) событиями*, *богата (чем) красками*, *жадный (на что) на деньги*, *полон (чего) ужаса*, *молод выговаривать*, *здоров хототать* и др.

Вышеизложенные наблюдения могут быть представлены в виде общего семантического правила: мотивировать инхоативное значение глагола могут только

временного русского языка. М., «Наука», 1966, с. 72; Улуханов И. С. Глаголы на *-еть* в современном русском языке, с. 137—138 и др.

⁵⁵ См.: Улуханов И. С. Глаголы на *-еть* в современном русском языке, с. 138.

⁵⁶ Интересны в этом плане наблюдения и вывод Д. Н. Шмелова о неспособности подобных «экспрессивных» слов вступать в «непосредственные антонимические отношения», которые, напомним, могут устанавливать также лишь прилагательные со значением «перемненного» признака.— См.: Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 248.

лексико-семантические варианты прилагательных с прямым значением признака, объективно присущего предмету и потенциально способного изменяться в соответствии с естественным развитием предмета.

Ограничение круга мотивирующей семантики приводит к тому, что в пределах рассматриваемой схемы (признак — становление признака) большинство глаголов на *-еть* соотносится лишь с частью лексико-семантических вариантов мотивирующих прилагательных.

Названное семантическое правило не нарушается и в тех случаях, когда глагол и прилагательное семантически полностью соответствуют друг другу, как, например, *алый* — *алеть*; *влажный* (*воздух*), *влажные* (*глаза*) — *влажнеть*; *дряхлый* (*человек*), *дряхлые* (*ели*) — *дряхлеть* и др. Мотивирующие прилагательные в таких оппозициях немногочисленны (имеют один-два, редко три семантических варианта), значения их конкретны, отражаемый ими признак обладает необходимыми характеристиками.

Резкое количественное несоответствие лексико-семантических вариантов мотивирующего и мотивированного слова (ср. *хороший* — *хорошеть*, *дурной* — *дурнеть*, *полный* — *полнеть*) также еще не говорит о нарушении или хотя бы «модификации»⁵⁷ семантической схемы «признак — становление признака». Глагол *хорошеть*, например, имеет «суженное» значение по сравнению с прилагательным потому, что в основу глагольного значения, в силу вышеперечисленных семантических ограничений, мог лечь только один семантический вариант прилагательного: *хорош* (*собой*) 'красивый, очаровательный' — *хорошеть* 'становиться красивее...'. Все остальные значения прилагательного отражают или субъективно воспринимаемый признак — *хорошее* (*сукно*), *хороший* (*совет*), *хороший* (*музыкант*), *хороший* (*мальчик*), или устойчивый признак — *хорошей* (*фамилии*), или подчеркнуто количественную его сторону — *хорошие* (*проценты*). Существенно то, что не способными мотивировать глагольную семантику оказались основные значения — *хорошее* (*сукно*), *хороший* (*человек*), в то время как у других прилагательных, напротив, именно основные, наиболее распространенные значения обычно образуют первое звено рассматриваемой

⁵⁷ В семантической модификации схемы «признак — становление признака» видит причину «сужения» значения инхоативных глаголов *хорошеть* и др. И. С. Улуханов (см. указ. раб., с. 132). См. также: «...значение мотивированного не равно сумме значений составляющего его частей — *хороший* и *хорошеть*». — Скорнякова М. Ф. О роли деривационных суффиксов в формировании семантики мотивированного слова — Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов 3-й лингвистической конференции 3—7 мая 1971 года. Новосибирск, 1971, с. 266.

семантической схемы. Эта особенность в случаях типа *хороший* — *хорошесть* приводит к ощущению нарушения привычного семантического противопоставления. Когда же мотивационные отношения строятся на основе наиболее распространенного значения прилагательного, впечатления нарушения общего правила не возникает, даже если это значение является единственным связующим звеном в семантической оппозиции «признак — становление признака», а все другие значения прилагательного не участвуют в формировании глагольной семантики. Ср., например, *пустая (бочка) — пустеть*, но *пустой (человек)*, *пустые (страхи)*, *пустая (ранка)*; *серая (туча) — сереть*, но *серая (погода)*, *серая (книга)*, *серый (человек)*, *серая (утка)*. В этих примерах, как и во многих других, происходит такое же «сужение» значения, как и в паре *хороший* — *хорошесть*. Очевидно, речь должна идти не о модификации семантической схемы «признак — становление признака» в частных глагольно-именных противопоставлениях, а о необходимости конкретизировать самое схему: не любой признак может стать основой инхотативного значения, а лишь тот, который обладает определенными (вышеперечисленными) характеристиками.

Второй тип значения («выявление признака»), регулярно проявляющийся у группы глаголов на *-еть*, реализуясь, конкретизируется в варианте — «выявление такого признака, который может быть воспринят органами зрения» (см. принятое в словарях толкование этого значения с помощью слова «виднеться», например, *алеть* — о чем-либо алом. Выделяться своим цветом, виднеться)⁵⁸. Сама эта конкретизация объясняется семантическими особенностями мотивирующих прилагательных: мотивирующая семантика ограничена значением признака, характеризующего внешний, зрительно воспринимаемый облик предмета. Причем характер образования признака (путем внутреннего изменения самого явления или каким-либо иным образом) принципиального значения не имеет⁵⁹, в любом случае он воспринимается как постоянный, ср. *желтое (яблоко) — желтеть (вдали) и желтый (забор) — желтеть (вдали)*.

Значение выявления признака мотивируют, как правило, однозначные прилагательные, и потому сопоставление этих

⁵⁸ См., например, МАС.

⁵⁹ Ср.: «Сема существует в единиче, пока она обозначает нечто, обладающее соответственной различительной чертой, если же данная единица (слово или грамматическая форма) прилагается к чему-то, не имеющему данной черты, то соответствующая сема устраняется» — Как В. Г. О семантической относительности языковых единиц. — В сб.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 года). Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М., 1974, с. 25.

прилагательных с мотивированными ими глаголами практически почти всегда производится на уровне лексико-семантических вариантов. Примеры общеизвестны: *алый* — *алеть* (*вдали*), *голубой* — *голубеть* и т. п. Если же прилагательное многозначно, мотивирующим обычно является один его лексико-семантический вариант, и непременно конкретного характера. Например: *зеленый* (*лес*) — *зеленеть* (*вдали*), но *зеленое* (*лицо*), *зеленый* (*юнец*), *зеленый* (*корм*), *зеленые* (*щи*) — не мотивируют рассматриваемого глагольного значения; *красное* (*платье*) — *краснеть*, но *красный* (*либерал*), *красный* (*партизан*), *красный* (*молодец*), *красное* (*лето*), *красный* (*угол*) и др.⁶⁰

Итак, вступить в семантические отношения по схеме «признак — выявление признака» могут прилагательные с прямым значением, характеризующие внешний признак предмета, который воспринимается как устойчивый независимо от способа его образования.

Таким образом, анализ глагольно-именных пар на уровне лексико-семантических вариантов показал, что каждый вид адъективно-глагольных отношений возникает на базе строго ограниченной мотивирующей семантики, характеризующейся набором определенных компонентов. Учитывая определенность мотивирующих показателей, в рассмотренных случаях представляется возможным говорить о правилах семантической мотивации.

2. Семантическая соотносительность глаголов на *-ить* и мотивирующих прилагательных

Как известно, отадъективные глаголы на *-ить* могут быть переходными и непереходными; первым приписывается значение каузирования признака, вторым — значение проявления признака. Общее их деривационное значение определяется как значение действия, имеющего отношение к признаку, названному мотивирующим прилагательным⁶¹. Мы проанализировали мотивационно связанные пары «прилагательное — глагол» обоих видов, учитывая все значения базовых прилагательных и мотивируемых ими глаголов.

Значением наделения признака обладает наибольшая часть отадъективных глаголов на *-ить*, многие из которых имеют несколько лексико-семантических вариантов. Это глаголы: *багрнить* (*лед*); *белить* (*стены, лицо, холст*);

⁶⁰ Впрочем в указанных пределах и здесь возможно определенное семантическое варьирование, например *белый* (*парус*) — *белеть*, *белое* (*лицо*) — *белеть* (ср. «Вдали белест парус» и «В темноте белеет лицо»).

⁶¹ АГ-70, с. 232.

богатить (сады); бодрить (силы); веселить (человека, взор); горячить (щеки, воображение, коней); грязнить (руки, семью); густить (чернила); желтить (стены); зеленить (крышу, деревья); злить (человека); косматить (волосы); крепить (рельсы, силы, оборону, желудок); кривить (саблю, рот); круглить (глаза); леденить (воду, пальцы, сердце); лохматить (бороду, тучу); мельчить (комья, дрова, образ); мертвить (траву, сердце); мохнатить (ткань); мрачить (вечер, душу, мысли); мутить (воду, душу, разум, брата); мягчить (кожу, грусть, душу, взгляд, смысл закона); полнить (душу); полнить (человека); пьянить (человека, воображение); ржавить (крышу); румянить (щеки, восток); рыхлить (почву); светлить (пуговицы); синить (ткань, белье); сквернить (младенца); старить (человека, лицо); темнить (кабинет, серебро); теплить (душу, глаза); толстить (женщину); тупить (нож); тяжелить (чемодан, тело, лицо, шаги, здание); холодить (воду, душу); хмелить (человека, фантазию); хмурить (лоб); целить (человека травами); чернить (усы, семью); черствить (сердце); чистить (ковер, двор, сапоги, картофель, карман, человека на все лады, человека по зубам); шершавить (кожу, степь); ширить (глаза, движение за мир) и др.

Анализ мотивационных отношений между данными глаголами и базовыми прилагательными позволил выявить особенности мотивирующей семантики, те рамки, в пределах которых происходит трансформация адекватного значения в процессуальное.

1. Глаголы на *-ить* мотивируются такими прилагательными, которые обозначают признак, непосредственно присущий предмету. Ср.: багряное (небо) — багрянить, белая (стена) — белить, бодрый (человек) — бодрить, веселый (человек) — веселить, горячие (щеки) — горячить, грязный (пол) — грязнить, густой (кисель) — густить, дырявая (кофта) — дырывать, злая (собака) — злить, косой (рот) — косить, косматые (волосы) — косматить, кривые (губы) — кривить, круглые (глаза) — круглить, ледяная (вода) — ледянить, мертвая (степь) — мертвить, мрачное (небо) — мрачить, мутная (вода) — мутить, острый (меч) — острить, пестрое (полотно) — пестрить, пьяный (человек) — пьянить, ржавое (железо) — ржавить, румяные (щеки) — румянить, рыхлая (почва) — рыхлить, синяя (ткань) — синить, старый человек — старить, темный (кабинет) — темнить, трезвый (человек) — трезвить, тупой (нож) — тупить, тяжелый (чемодан) — тяжелить, хмурый (лоб) — хмурить, холодные (руки) — холодить, черное (сукно) — чернить, черствое (сердце) — черствить, чистый (ковер) — чистить, шершавые (руки) — шершавить, широкие (глаза) — ширить и др.

Этой особенности мотивирующих прилагательных противостоит целый ряд семантических характеристик, запрещаю-

щих установление мотивационных отношений между прилагательными и глаголами на *-ить*. Отметим, что отсутствие «глагольных» соответствий у тех или иных адъективных значений не обязательно свидетельствует о деривационных семантических ограничениях. Оно может говорить о том, что носители языка не испытывают необходимости в наименовании соответствующего действия. Однако если рассматривать лексико-семантические варианты прилагательных, не соотносимые с глагольными значениями, в совокупности, то можно прийти к определенным выводам: наличие общих семантических черт у «несоотносимых» адъективных значений делает возможным интерпретировать эти черты как такие показатели, которые ограничивают отношения семантической мотивации в пределах рассматриваемой деривационной позиции.

Наш материал позволяет назвать несколько видов адъективных значений, обладающих подобными негативными свойствами. Не вступают в мотивационные отношения лексико-семантические варианты (лексы) прилагательных, обозначающие признаки, которые характеризуют предмет: а) через указание на назначение предмета, см.: *белая (горница), грязное (ведро), черный (ход), чистый (ход)*; б) путем сравнения с другими предметами или с самим собой в разное время существования: *грязная (бледность), пьяная (песня), старая (монета), старый (университет)*; в) через количественное сопоставление предмета с возможной его частью: *круглый (год), полное (ведро), полная (победа), полный (день), целая (картофелина), чистая (прибыль), чистый (вес)*; г) через качественное уподобление целому, частью которого характеризуемый предмет является, ср.: *ледяной 'холодно вежливый' (тон) — (тон) холодно вежливого человека, чистый (взгляд) — (взгляд) чистого человека, т. е. человека чистой души*. Независимо от степени дробности выделяемых групп все прилагательные данного типа характеризуют предмет опосредствованно, т. е. являются или собственно относительными, или близко к ним стоящими⁶². К последним мы относим такие прилагательные, которые в силу способности выражать разную интенсивность признака могут быть названы качественными⁶³, но в то же время включают в свою семантику момент соотнесения характеризуемо-

⁶² Известно, что различие между качественными и относительными прилагательными «не имеет ярко или резко выраженного характера, так как одно и то же имя прилагательное может совмещать качественные значения с относительными». (Грамматика русского языка, Т. I, М., 1953, с. 24). Ср. также: АГ-70, с. 307.

⁶³ Ср.: «Качественные прилагательные обозначают качество предмета, свойство, которое может проявляться с разной степенью интенсивности...» (АГ-70, с. 306—307).

го предмета с другим явлением. Эта особенность адъективного значения плохо соотносится с семантикой глагола, выражающего прямое воздействие на объект (но не уюдобление его чему-либо и не изменение его функций).

2. Прилагательные, мотивирующие глаголы на *-ить*, обозначают признаки, способные к возникновению в предмете (примеры см. выше). Когда же прилагательные выражают признаки, присущие предмету с момента его «появления», не способные возникнуть в уже существующем предмете, они не дают мотивационных пар с глаголами на *-ить*: *белые (ночи), зеленый (корм), зеленые (щи), черная (работа), черные (дворы), черный (народ), чистая (работа)* и др.

Заметим, что прилагательные со значением признака, характеризующего предмет «опосредствованно», также не имеют семы возникновения признака в предмете, так как элемент «отношения», выступая в качестве определяющего в их семантике, снимает вопрос о возможности — невозможности возникновения признака, делает его для данных прилагательных несущественным, а сами прилагательные — не способными мотивировать глаголы на *-ить*.

3. Особенностью прилагательных, мотивирующих глаголы на *-ить*, является также обозначение ими такого признака, причина возникновения которого может находиться вне предмета — носителя этого признака. В самом деле, для багряного неба источником появления признака «багряный» может быть солнце, белыми стены могут стать в результате действия маляра, бодрым человеком можно стать от воздуха, солнца, веселым — от каких-либо приятных событий дня и т. п. Лексико-семантические варианты прилагательных, выражающие подобные признаки, как показано выше, имеют глагольные пары (*багрянить, белить, бодрить, веселить* и т. п.).

Напротив, лексы прилагательных со значением признака, источник которого не может рассматриваться как находящийся вне предмета, характеризуемого этим признаком, не способны устанавливать мотивационных связей с глаголами на *-ить*. Например: *бодрая (свежесть), веселый (спектакль), горячее (солнце), грязный (намек), злое (время), кривые (порядки), пьяный (напиток), светлая (лампочка), теплые (носки)* и др. В перечисленных примерах существительные называют предметы, которые сами являются источником появления признака; выраженного прилагательным, так как *бодрая (свежесть)* — это (свежесть), 'вызывающая бодрость'; *веселый (спектакль)* — это (спектакль) 'вызывающий веселье'; *горячее (солнце)* — это (солнце) 'источающее, дающее сильный жар'; *злое (время)* — это (время) 'приносящее зло, беду', и т. п.

4. И, наконец, указание на нейтральную, среднюю норму интенсивности признака также характерно для прилагательных, с которыми соотносятся глаголы на *-ить*. Лексы прилагательных с подчеркнута высокой степенью интенсивности качества обычно не входят в состав глагольно-именных пар: *богатый (урожай)*, *богатый (пир)*, *густой (слой пыли)*, *злой ретивый*, *очень усердный' (рыбак)*, *злой (недуг)* и некоторые другие.

Таким образом, глаголы со значением наделения признаком мотивируются прилагательными, обозначающими непосредственно вычленяемый признак предмета, представленный в рамках средней нормы интенсивности, способный возникнуть в самом предмете под влиянием внешних (по отношению к характеризуемому предмету) причин.

Перечисленные особенности мотивирующей семантики находят своеобразное отражение в значении мотивирующих глаголов.

Значение возникающего признака, непосредственно присущего характеризуемому предмету, в глаголе трансформируется в значение возникновения признака (делать каким), которое составляет существенную часть глагольного содержания. «Возможность развития признака в предмете под влиянием извне» создает условия для представления о предмете — носителе качества как об объекте, который испытывает на себе воздействие активного субъекта. Действительно, если причина, повод возникновения признака может быть «вынесен» за пределы его носителя, то возможно представление об ином (по сравнению с носителем признака) предмете, воздействующем на носителя признака. Иными словами, оказывается допустимым расчленение того, кто (что) стимулирует возникновение признака и у кого (у чего) этот признак появляется, а это уже прямое основание для расчлененного представления о производителе и объекте действия.

Вычленение производителя действия, отличного от предмета — носителя признака (злая собака — кто-то злит собаку 'делает собаку злой'), не ведет и не может привести к вытеснению первым понятием понятия носителя признака, так как мотивирующей единицей для глагола в рассматриваемом значении является прилагательное, которое, как известно, обозначает признак не абстрагированный, а «в составе» предмета — носителя этого признака.

Итак, понятия производителя действия и носителя признака (он же объект действия) являются такими единицами, без которых невозможно представить полную картину развития признака, т. е. без которых невозможна полная реализа-

ция глагольного значения «делать каким». В результате создается специфическое для глаголов на *-ить* значение — «действие активного субъекта, направленное на объект».

Наличие в составе глагольного значения семы «активная направленность действия на объект», в свою очередь, ведет к тому, что лексическое значение наиболее употребительных глаголов определяется «в зависимости от объекта, на который направлено действие», и обозначает действие, тесно связанное с одним или несколькими объектами одного семантического поля (*горячить, леденить кровь; белить стены, потолок; крепить единство; ширить единство, соревнование*)⁶⁴.

Группа непереходных глаголов с точки зрения мотивирующей семантики и деривационного значения неоднородна. Прежде всего, следует выделить такие глаголы, как *глупить, горчить, грубить, дерзить, дешевить, кислить, мерзить, острить, рябить, трезвить, хитрить, частить, шалить*. Сопоставительный анализ семантики данных глаголов и базовых прилагательных показал, что последние характеризуются теми же показателями, что и прилагательные, мотивирующие рассмотренные выше глаголы со значением «наделять признаком». Однако в целом значения сравниваемых глаголов мотивируются разными семантическими единицами: семантика «наделять признаком» — значением прилагательного, семантика глаголов типа *грубить* — значением словосочетания «прилагательное + существительное». Ср.: *острить* — делать острым (меч, нож, зубы и т. д.) и *острый* — вести острый 'остроумный, язвительный' разговор. На основе базового словосочетания «прилагательное + существительное» (*острый разговор*) формируется значение глагола, называющего не только качество, свойство, которое создается, но и предмет, у которого развивается или которому придается это свойство. Как видим, сема направленности действия на объект реализуется в самом глаголе, преобразуясь в сему объекта, конкретное наполнение которой зависит от лексического содержания глагола.

Следовательно, компонент глагольного значения «направленность действия на объект», идущий от семантики мотивирующего прилагательного (от значения признака, причина развития которого находится вне носителя признака), может быть реализован в самом глаголе или вне его и тогда глагол оказывается соответственно непереходным или переходным. Показательными в этом отношении являются такие глаголы, которые, семантически соотносясь то с прилагательным, то со словосочетанием, могут употребляться и с винительным падежом объекта, и без прямого дополнения:

⁶⁴ Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-Ю-//-(ть)*, с. 96.

трезвить 'делать трезвым' (ум, состояние) и *трезвить* способствовать возникновению трезвого ума, состояния', см. также глаголы *косить*, *пестрить*, *острить*.

Однако совмещение двух деривативных значений в пределах одного глагола наблюдается в единичных случаях. Обычно непереходные глаголы типа *грубить*, как впрочем и переходные глаголы, имеют одно деривативное значение; обязательным его компонентом является семантика объекта, характеризуемого соответствующим признаком: *глупить* — совершать глупые поступки, произносить глупые речи. выражать глупые мысли; *грубить* — произносить грубые слова; *дерзить* — говорить дерзкие слова; *дешевить* — устанавливать дешевую цену; *рвать* — создавать, образовывать рваную картину, вид; *хитрить* — 1) вести хитрый 'обманный, непрямой, лукавый' разговор; совершать по отношению к кому-либо хитрые 'обманные' поступки, 2) производить хитрые 'изобретательные, искусные' действия, работу; *частить* — 1) производить частые действия, 2) совершать частые визиты к кому-либо и др. Не случайно определения лексического значения таких глаголов в толковых словарях даются с использованием конкретных существительных. Так, по данным МАС, *грубить* — это говорить грубости, где *грубость* — грубое слово; *дерзить* — говорить дерзости, где *дерзость* — дерзкое высказывание, дерзкие слова; *дешевить* — ...не давать настоящей цены; *глупить* — ...делать глупости, где *глупость* — глупый поступок, глупая мысль, речь; *острить* — говорить остроты, где *остроты* — остроумные выражения; *частить* — производить какие-либо действия в быстром темпе; *хитрить* — поступать или говорить с хитростью, где *хитрость* — скрытый смысл, и т. п.

Р. В. Бахтурина эту особенность отметила у глаголов *острить*, *грубить*, *дерзить*, объясняя их способность мотивироваться «через существительное данной семантической принадлежности» влиянием глаголов типа *каламбурить*, *комплиментить*, которые образуются от имен существительных со значением «различного рода высказывания» и обозначают «говорить то, что названо в основе»⁶⁵. Заметим, что такую особенность значения имеют не только отадъективные глаголы «говорения», но и глаголы иного лексического содержания (см.: *глупить*, *горчить*, *дешевить*, *кислить*, *рвать*, *трезвить*, *частить* и др.). На наш взгляд, указанная особенность глагольного значения имеет место потому, что глаголы на *-ить*, обозначая действие, направленное на объект, могут реализовывать эту направленность в своем лексическом значении; последнее оказывается возможным благодаря специфике мотивирующих прилагательных (см.

⁶⁵ Бахтурина Р. В. Указ. раб., с. 92.

выше) и несамостоятельному, синтаксичному характеру их грамматических показателей, благодаря «привязанности» прилагательных к существительным.

Небезынтересно сопоставление рассматриваемых глаголов с отадъективными глаголами на *-еть* типа *веселеть*, которые не обладают семой направленности действия на объект и, следовательно, никогда не соотносятся со словосочетанием «прилагательное + существительное» (и не могут быть определены с помощью такого словосочетания).

Необходимо отметить, что непосредственное участие семантики существительного в формировании глагольного значения способствует его лексикализации. Кроме того, «набор» семантических объектов у разных глаголов может быть самым различным, так как их возможный перечень фактически зависит от лексических связей мотивирующего прилагательного. Общее словообразовательное значение рассматриваемых глаголов может быть определено как «делать что-либо, характеризующее признаком».

Следует особо отметить также глаголы типа *картавить*. С точки зрения деривационной семантики эти глаголы в части своих лексико-семантических вариантов примыкают к предыдущей группе, и в этом случае их деривативное значение может быть сведено к формуле «делать что-либо, характеризующее признаком». Ср. *гнусавить* — говорить, петь что-либо в нос, *картавить* — произносить картавые звуки «р» и «л»; *фальшивить* — 1) совершать фальшивые поступки, 2) производить фальшивые звуки; *шепелявить* — произносить шепелявые звуки и т. п.

Особенностью данных глаголов является то, что в других своих значениях они мотивируются такими лексемами прилагательных, которые, по существу, обозначают относительные признаки предметов (*картавый* — неправильно, нечисто произносящий звуки «р» и «л»; *писклявый* — издающий очень тонкие, высокие звуки; *шепелявый* — произносящий свистящие звуки как шипящие, и т. п.). Трансформация этого отадъективного значения в глагольное возможна потому, что оно представляет собой фактически выражение адъективированного процесса, переходящего на объект (произносящий... звуки...). И хотя носитель признака сам является источником его появления, содержание объекта и носителя признака (звуки и лицо) не совпадает, так как объект представлен в значении прилагательного. Семантика прилагательного оказывается максимально «приближенной» к значению, которое выражают отадъективные глаголы на *-ить*⁶⁶. Совпа-

⁶⁶ Словарные определения таких прилагательных даются с помощью причастий (и даже образованных от глаголов, мотивируемых этими прилагательными), например, *картавый* 'неправильно... произносящий звуки..., картавший' (МАС, т. II).

дение носителя признака с источником его развития предопределяет его трансформацию в субъект действия. Необычная для рассматриваемого деривационного типа оппозиция «носитель признака — производитель действия» и приводит к созданию деривативного значения «быть каким» («проявления признака»), при котором сема активного действия, переходящего на объект, нейтрализуется.

Глаголы на *-ить* со значением проявления признака смыкаются с немногочисленными глаголами на *-еть* того же значения (ср. *шепелявить* 'быть шепелявым' и *робеть* 'быть робким'). Основой их объединения является общность такого момента в их семантической мотивации, как трансформация «носителя признака» в «субъекта действия». Но способность глаголов на *-ить* обозначать действие, производимое субъектом, в принципе отличает их от отадъективных глаголов на *-еть*, которые называют действие пассивного субъекта.

Характеристика словообразовательных отношений между прилагательными и глаголами на *-ить* позволяет применительно ко всем их видам также говорить о существовании правил семантической мотивации.

3. Единицы непосредственной деривационной трансформируемости в словообразовательной цепи

Семантические компоненты мотивирующих единиц, обладающих свойством непосредственной деривационной трансформируемости, составляют основу лексического (вещественного) значения производного слова. Это обуславливает возможность их словообразовательного функционирования на последующих деривационных ступенях, что наиболее наглядно проявляется при переходе от межкатегориального к внутривидовому словопроизводству. У отадъективных глаголов смена внутривидовых характеристик чаще всего происходит с помощью приставок, семантика которых, как известно, характеризуется большой определенностью.

Исследования в области глагольной префиксации (работы Б. Н. Головина, Е. А. Земской, Л. И. Ройзензона, О. М. Соколова, А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова, М. А. Шелякина и др.) показали способность приставок выполнять дифференцирующую функцию, определяемую их семантическими валентными свойствами. Различные по значению приставки могут соединяться с глаголами разной деривационной семантики, отражающей определенные признаки базовых прилагательных. Все это позволяет расценивать приставки как средство своеобразной вторичной формализации семан-

тических компонентов, значимых на уровне предшествующих деривационных связей.

Показательными с данной точки зрения являются префиксальные связи рассмотренных нами глаголов. В процессе префиксации отражаются особенности деривационных отношений между значениями базового прилагательного и глагола. Здесь будут охарактеризованы связи глаголов со значением «делать каким» (*старить*), «делаться (становиться) каким» (*богатеть*) и «быть каким» (*зеленеть вдали*).

В семантике мотивирующих прилагательных деривационно значимыми могут быть такие семантические компоненты, как отражение способности признака 1) непосредственно вычлениваться из предмета, без соотношения его с другим признаком или самим собой в иной ситуации (непосредственная вычленяемость признака), 2) количественно изменяться, 3) проявляться с обычной (невысокой) степенью интенсивности (средняя норма интенсивности), 4) возникать в предмете (у предмета), 5) иметь в качестве источника своего возникновения самого носителя признака (внутренний источник), 6) иметь источник своего развития вне носителя признака (внешний источник), 7) характеризоваться зрительным способом восприятия. Различные деривативные значения, оформляемые с помощью разных или одного и того же глагольного суффикса (*-e-* или *-и-*), являются результатом деривационной трансформации неодинакового набора семантических компонентов мотивирующего прилагательного. Семы «непосредственная вычленяемость признака», «средняя интенсивность», «возникновение в предмете» и «внешний источник» (1, 3, 4 и 6-й компоненты) обеспечивают у глаголов на *-ить* значение «делать каким». Деривативное значение «делаться каким» (глаголы на *-еть*) формируется за счет сем «непосредственная вычленяемость признака», «количественная изменяемость», «средняя норма интенсивности», «возникновение в предмете» и «внутренний источник развития» (1, 2, 3, 4 и 5-й компоненты). Значение глаголов (на *-еть*) «быть каким» — следствие преобразования сем «непосредственная вычленяемость признака» и «зрительный способ восприятия». Несомненно, что объединение качественно разных именных компонентов определяет «разную степень абстрактности и определенности» получаемых семантических категорий и — как следствие — деривативных значений глаголов⁶⁷.

Глагольные суффиксы привносят значение активной (суфф. *-и-*) или пассивной (суфф. *-e-*) процессуальности, направляя трансформацию именного значения в данных рамках (активности, пассивности). Атрибутивная семантика, благодаря

⁶⁷ Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем, с. 178.

компонентам, создающим ее качественность (см. выше), достаточно свободно и естественно преобразуется в глагольное значение, «варьируясь» в указанных пределах. Отвлеченность глагольного суффикса, допускающего сосуществование нескольких деривативных значений в пределах одной лексемы, мало способствует четкой формализации мотивирующих именных сем, которые, не будучи выраженными в самой мотивирующей единице, не становятся явными и в результате суффиксальной деривации.

Однако «последующие», префиксальные деривационные связи глагола непосредственно отражают особенности глагольной семантики, которые зависят не только от значения суффикса, но и от мотивирующих именных компонентов.

Наиболее широкими префиксальными связями обладают переходные глаголы на *-ить* (со значением «делать как и м»).

Значение глагольного суффикса «действие активного субъекта» хорошо соотносится с такими компонентами мотивирующей семантики, как «возникновение признака», способного трансформироваться в значение процесса, а также «непосредственная вычленяемость признака в предмете» и «внешний характер источника его развития», создающими условия для расчлененного производителя действия (внешний источник признака) и предмета, наделяемого признаком; в результате мы имеем целостное значение «действие активного субъекта, направленное на объект».

Семантика «процесса, направленного на достижение результата», обуславливает совмещение глаголов на *-ить*, прежде всего с приставками результативного значения (см. глаголы с приставками *о-, по-, за-*: *опьянить, отрезвить, осквернить, охолодить; позеленить, почернить, побелить; затупить, затемнить* и др.). Разнообразие используемых приставок связано прежде всего с их различным дополнительным смыслом, например, с пространственным оттенком (*заледенить*) и некоторыми другими.

Активный характер процесса, означающий, что субъект способен регулировать интенсивность действия, допускает сочетание глаголов с приставками, которые, наряду со значением результативности, выражают различную (чаще повышенную) степень интенсивности действия, тщательность его совершаемости. См. образования с приставками *вы-, из-, на-, пере-*: *выбелить, выхолодить, вычернить; изгрязнить, иззеленить; напестрить, находить; пережелтить, пересластить, пересушить, переполнить* и др. Та же сема «активного субъекта» делает возможным присоединение к глаголам на *-ить* приставок со значением ограничения действия во времени и повторного его осуществления (*по-, пере-*): *повеселить, позлить, перебелить* и т. п.

Сема направленности действия на объект, существующая на фоне значения активного субъекта, обеспечивает соединяемость данных глаголов с приставками дистрибутивного значения (*пере-, на-*): *перебелить, перетупить, перегрызнуть, пересинить* (все, что можно); *наглушить* (рыбы), *насушить* (грибов) и др.

Связь префиксальной семантики с компонентами глагольного и мотивирующего их именного значения может быть представлена в виде следующей схемы.

Схема 4

Компоненты именной семантики	Компоненты глагольной семантики	Значения приставок
Непосредственная вычленяемость признака		Собственно результативность (<i>зазеленить, опьянить, побелить</i>) и результативность, осложненная указанием на разные виды интенсивности, связанные с активностью субъекта (<i>выхолодить, изгрязнить, насытить, пересушить</i>).
Средняя норма интенсивности	Направленность действия на достижение нормы (результата)	
Возникновение в предмете	Направленность действия на объект	Распределенность действия на несколько объектов (<i>перетупить</i>)
Внешний источник развития признака	Активность субъекта	Ограничение во времени (<i>повеселить</i>), повторное действие (<i>перебелить</i>)

Глаголы на *-еть* со значением «делаться каким» имеют менее широкие префиксальные связи. Их деривационная семантика формируется на базе суффиксального значения пассивного процесса и именных компонентов «непосредственная вычленяемость признака», «его возникновение в предмете», «нейтральная интенсивность» и «способность к количественному изменению», дающих основу глагольной семантике становления, развития признака, и компонента «внутренний источник развития признака», обуславливающего пассивную направленность действия на достижение результата — полного появления признака.

Естественно, что наиболее характерной для данных глаголов является сочетаемость их с приставками собственно результативного значения (*окосеть, омертветь, опустеть, опьянеть; побелеть, позеленеть, покраснеть, помертветь; загустеть, заледенеть; растолстеть; протрезветь* и др.). Выбор соответствующей приставки (в пределах одного общего зна-

чения) в данном случае также зависит от более конкретных особенностей лексического значения глагола, не связанных с его деривативной семантикой (отенок приобретения неподвижности, массивности, ср.: *загустеть, загрубеть*; сниженность его эмоциональной оценки — *оплешиветь, отупеть* и др.)⁶⁸.

При пассивном субъекте изменение степени интенсивности действия возможно только за счет меньшей или большей длительности процесса, приводящей к появлению признака неполной или, напротив, подчеркнутой интенсивности. Поэтому глаголы становления признака могут соединяться с приставкой неполной исчерпывающей и излишней интенсивности (ср. соответственно: *слегка побогатеть, порыхлеть, посинеть*⁶⁹; *одрыхлеть, ослабеть, очерстветь; перечерстветь, пережелтеть*), но оказываются безразличными к тем оттен-

Схема 5

Компоненты именной семантики	Компоненты глагольной семантики	Значения приставок
Непосредственная вычленяемость признака Количественная изменяемость Средняя норма интенсивности Возникновение в предмете Внутренний источник развития	Изменение интенсивности действия в направлении достижения нормы (результата) Пассивность субъекта и замкнутость действия на субъекте	Собственно результи- ративность (<i>покраснеть, опья- неть</i>) Результативность, осложненная раз- ными видами пас- сивной (не управ- ляемой субъектом) интенсивности (<i>слегка позеле- неть, облысеть, пе- речерстветь</i>)
	Пассивное достиже- ние ре- зультата	

⁶⁸ Там же, с. 201—202.

⁶⁹ Некоторые глаголы, обозначающие как относительное, так и абсолютное становление признака, могут также сочетаться с приставкой *по-* в результиративном значении (*совершенно позеленеть, побелеть*). См.: Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем, с. 201—202.

кам интенсивности, которые вызываются активностью субъекта (как, например, тщательность совершения действия).

Пассивность и замкнутость действия на субъекте делает невозможным также сочетание рассматриваемых глаголов с приставками ограничения во времени и дистрибутивного значения.

В схеме 5 представлена семантическая соотносительность глаголов становления признака.

Глаголы на *-еть* со значением выявления признака имеют еще более ограниченные связи с приставками. Значение этих глаголов создается на основе таких компонентов мотивирующей семантики, как «непосредственная вычленяемость признака» и «зрительный способ его восприятия». Суффикс трансформирует названные именные компоненты в глагольное значение «виднеться, выделяясь признаком». Иными словами, признак приписывается субъекту не прямо, а опосредствованно, через указание на признак как на средство, способ выделения данного субъекта. Очевидно, вследствие этого приписываемый субъекту признак представлен без каких-либо дополнительных показателей (не характеризуется ни его интенсивность, ни его способность к изменности, ни какие-либо другие особенности). В результате выражаемое глаголом состояние («виднеться...») дается только во временной протяженности, без указания на какое-либо его «развертывание», на изменение его интенсивности и т. п.

Данная особенность глагольной семантики обеспечивает сочетаемость глаголов выявления признака с начинательными приставками, в результате чего префиксальные глаголы выражают «слияние начала и последующего проявления действия или состояния», «результат в самом начале процесса»⁷⁰ (*заалеть, забелеть, зазеленеть*).

С приставками других значений рассматриваемые глаголы, как правило, не соединяются, что можно объяснить бедностью их содержания (отсутствует, например, сема направленности действия на достижение результата, действие представлено как неспособное проявляться с разной степенью интенсивности и т. п.), которая, в свою очередь, непосредственно связана с ограниченным набором мотивирующих семантических компонентов базового прилагательного (см. схему 6).

Проведенный анализ показывает, что между особенностями атрибутивной семантики, мотивирующей значение глагола, и его префиксальными связями имеется определенная зависимость.

⁷⁰ Авилова Н. С. Способ глагольного действия, глагольная семантика и вид глагола.— Сб. трудов МГПИ им. В. И. Ленина. Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973, с. 13—14.

Компоненты именной семантики	Компоненты глагольной семантики		Значения приставок
Непосредственная вычленяемость признака	Признак как характерная черта предмета	Выделение пассивного предмета через его	Значение начина- тельности (заалеть)
Зрительный способ восприятия признака	Зрительный способ выделения предмета	зрительно воспринимаемый признак	

Схемы «движения» именной семантики по деривационной цепочке (см. схемы 4—6) отражают опосредствованный и далеко не прямой характер этой зависимости. В составе глагола мотивирующая семантика преобразуется в соответствии со значением суффикса, но возможность этого преобразования обеспечивается наличием в ней определенных семантических компонентов, способных подвергаться необходимой трансформации (ср., например, в схеме 5 именные семы «способность признака к количественным изменениям», «внутренний характер источника его развития», «возникновение признака в предмете» с глагольными семами «направленность действия на достижение результата», «пассивность действия» и «замкнутость процесса на субъекте»). Несомненно, все мотивирующие компоненты взаимодействуют между собой и не всегда можно определить, какой именно из них преобразуется в ту или иную глагольную сему. Некоторым компонентам нельзя найти соотносительные глагольные семы, но они образуют ту базу, без которой вообще невозможен «переход» именной семантики в глагольную (такова сема «непосредственная вычленяемость признака»).

Тем не менее наличие в мотивирующей семантике разных глаголов одинаковых компонентов может привести к появлению у этих глаголов одинаковых префиксальных связей. Так, именной компонент «возникновение признака в предмете» вместе с компонентом «средняя норма его интенсивности» через глагольную сему «направленность действия на достижение результата» обуславливает сочетаемость глаголов каузирования признака и глаголов становления признака с приставками, выражающими результат действия.

Но более определенной следует признать обратную зависимость, когда одинаковые префиксальные связи глаголов разных деривативных значений в конечном итоге свидетель-

ствуют о наличии в мотивирующей семантике предшествующей деривационной ступени одинаковых семантических компонентов (так, соединение глаголов наделения признаком и становления признака с результативными приставками указывает на вычленяемость в их мотивирующих значениях одних и тех же, названных выше, компонентов). Напротив, сочетаемость глаголов разной деривационной семантики с неодинаковыми видами приставок свидетельствует о том, что мотивирующие их именные значения включают в себя компоненты, не совпадающие между собой. Например, соединяемость глаголов выявления признака с начинательными приставками и отсутствие такой способности у глаголов двух других деривативных типов может быть обусловлено, хотя и опосредствованно, различным компонентным составом их мотивирующей семантики: значение прилагательных, мотивирующих глаголы выявления признака, включает в себя компонент «восприимчивость признака органами зрения», который отсутствует в единицах, мотивирующих глаголы каузирования и проявления признака.

В семантике приставок можно выделить такие элементы, которые сочетаются с деривационно значимыми глагольными семами и благодаря которым префиксация может рассматриваться как средство формализации первичных именных компонентов. Для анализируемых нами словообразовательных типов релевантными являются префиксальные значения результативности, «активной» интенсивности (возможной при активном субъекте), «пассивной» интенсивности (выражающей различные этапы пассивного становления признака), значения ограничения во времени, начала действия, а также значения распределения действия во времени и на несколько объектов. Некоторые из этих значений проявляются в сочетании друг с другом; обычно совмещаются, например, значения результативности и разного вида интенсивности.

Другие элементы префиксального значения (ср. «сковывание, уплотнение чего-либо» и «покрытие по поверхности» у приставки *за-*) соотносимы с теми семантическими особенностями глаголов, которые характеризуют отдельные глагольные группы внутри деривативного типа и не могут быть сведены к мотивирующим компонентам предшествующих словообразовательных ступеней.

Отношения типа «прилагательное — существительное»

Словообразовательные отношения данного типа семантически подразделяются на два вида: «признак — носитель признака» и «признак — отвлеченный признак».

Первый вид значения предопределяется спецификой прилагательных как части речи, выражающей признаки пред-

метов (субстанций). Производные существительные естественно получают значение «обладающий признаком» (*слепец, чужак, кругляшка* и т. п.).

Названная особенность прилагательных приводит к тому, что мотивирующая семантика может быть выражена словосочетанием формально мотивирующего прилагательного с каким-либо существительным (*мартеновская печь — мартеновец, марафонский бег — марафонец*)⁷¹, и тогда мотивационные связи отражают отношение между двумя субстанциями, которое очерчивает самые общие контуры производного значения (ср.: *мартеновец* — тот, кто имеет отношение к мартеновской печи).

Как отмечалось выше, мотивационные связи могут выражаться путем указания на отношения между двумя предметами также в том случае, если существительное мотивируется относительным (производным) прилагательным. Но эта мотивация является дополнительной, существующей наряду с прямой обусловленностью субстантивной семантики значением признака (*партийный — партиец*, ср. также *партия — партиец*).

Значение отвлеченного свойства (второй вид) возникает путем устранения указания на носителя признака. Но и здесь словообразовательное значение небезразлично к связям мотивирующего прилагательного с существительными, и прежде всего к их количественным показателям. Это видно из сравнения отадективных отвлеченных существительных различного суффиксального оформления (с суффиксом *-ость/-ность, -от-, -изн-, -ин-*). При этом раскрывается следующая картина⁷².

Существительные с суффиксом *-изн(а)* мотивируются одним, как правило, первичным значением прилагательного (чаще значением цвета и пространственного признака), например: *желтая (краска) — желтизна*, но *желтая (пресса)* — не имеет соответствующего образования на *-изн(а)*; см. также: *белая (бумага) — белизна*, но *белые (ночи), белый (террор); дорогой (костюм) — дороговизна*, но *дорогое (лицо), дорогой (гость), дорогая (память); кривая (линия) — кривизна*, но *кривой (глаз), кривая (лошадь), кривое (толкование); крутой (спуск) — крутизна*, но *крутой (поворот), крутой (перелом в жизни), крутой (нрав), крутой (мороз) крутое (тесто)* и др.

⁷¹ АГ-70, с. 79—80; ср. также: Zwolinski P. Substantiwizacja sufiksalna przymiotników w językach słowiańskich.— «Z polskich studiów slawistycznych». Seria 2, Warszawa, 1963.

⁷² Подробнее см.: Яценецкая М. Н. Морфолого-семантические связи отвлеченных существительных (к вопросу об избирательных возможностях суффиксов отвлеченного значения).— В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Доклады лингвистических конференций. Ч. I. Томск, 1971.

Существительные на *-ин(а)* характеризуются уже способностью обобщать несколько (два-три) связанных между собой прямых значений мотивирующего слова: *густые волосы*, *густая (каша)* — *гущина*, но *густой (цвет)*, *густой (слой масла)*, *густой (дым)*, *густой (голос)*; *седые (волосы)*, *седой (соболь)*, *седой (мох)* — *седина*, но *седая (древность)*; *толстые (нитки)*, *толстый (человек)* — *толщина*, но *толстый (бас)* и др.

Образования на *-от(а)* могут соотноситься не только с прямыми, но и с переносными значениями прилагательных, хотя в большинстве случаев не все лексы прилагательных обладают мотивирующей функцией, например: *быстрое (вращение)*, *быстрый (ум)* — *быстрота*, но *быстрые (ночи)*, *быстрый (взгляд)*; *мелкие (орехи)*, *мелкая (литература)* — *мелкота*, но *мелкий (снег)*, *мелкая (походка)*, *мелкий (чиновник)*, *мелкая (река)*; *острое (лезвие)*, *острое (зрение)*, *острый (ум)*, *острое (слово)*, *острый (запах)*, *острое (желание)*, *острая (игра)* — *острота*, но *острая (бородка)*, *острое (воспаление)* и т. п.

Самые широкие мотивационные связи устанавливают существительные с суффиксом *-ость*⁷³, хотя их мотивирующая семантика также имеет определенные ограничения⁷⁴. Тем не менее нередкостью является такое положение, когда существительные на *-ость* соотносятся со всеми значениями производящего прилагательного, независимо от степени семантической разветвленности последнего. Такие «исчерпывающие» отношения имеют существительные *бледность*, *веселость*, *ветхость*, *грубость*, *давность*, *здравость*, *краткость*, *кротость*,

⁷³ В лингвистической литературе *-ость* характеризуется как самый продуктивный суффикс отвлеченных существительных. См.: Зенков Г. С. О словообразовательных процессах советской эпохи (на материале суффиксальных существительных). — «Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. пед. ин-та». Славянский сборник, I. Вып. 5, Фрунзе, 1958; Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке. — В сб.: Вопросы истории русского языка. М., 1959; Ножкина Э. М. Из наблюдений над развитием словообразовательного типа с суффиксом *-ость* в современном русском языке советского периода. — В сб.: Язык и общество. Саратов, 1967; Бакина М. А. Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования.

⁷⁴ Н. М. Шанский отмечает, что прилагательные, мотивирующие существительные на *-ость*, обычно обозначают качество, «без примеси субъективной его оценки», а по наблюдениям В. Д. Пятницкого, образованию данных существительных препятствует также значение внешнего признака и конкретно-предметный характер адъективных основ. — См.: Шанский Н. М. Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1948, с. 68; Пятницкий В. Д. Семантико-словообразовательная соотносительность качественных прилагательных и отвлеченных существительных с качественным значением в современном русском языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1968, с. 388.

лихость, мерзость, мудрость, неленость, пряность, робость, рьяность, щедрость и др.

Сопоставление рассмотренных видов существительных между собой позволяет заключить, что с точки зрения широты избирательных связей суффиксы отвлеченного значения располагаются по следующей возрастающей линии, свидетельствующей одновременно о последовательном повышении степени отвлеченности образованных с их помощью существительных: *-изн(а), -ин(а), -от(а), -ость*.

Способность прилагательных обозначать признак «в предмете», отражающаяся в их сочетаемости с существительными, проявляет себя и при образовании существительных с указанными суффиксами. В этом случае существительные в некоторых своих значениях мотивируются словосочетаниями «прилагательное + существительное» (ПС) и по мотивационному значению сближаются с образованиями первого вида (со значением носителя признака). См. примеры: *крутое место — крутизна; быстрое течение — быстрина; великая личность — величина; глубокое место — глубина; высокос пространство — вышина; седые волосы — седина; густая заросль — гущина; высокий холм — высота; пустое пространство — пустота; сухая погода — сухота; веселое настроение, веселое развлечение — веселость, грубое слово, грубое поведение — грубость; глупая мысль, глупый поступок — глупость; мерзкий поступок, (любая) мерзкая вещь — мерзость; молодая пора (жизни) — молодость; (всякое) пряное вещество — пряность; редкое явление, (любая) редкая вещь — редкость* и др.

Данная тенденция наглядно проявляется также в говорах⁷⁵, ср.: *дурная 'сорная' трава — дурнина, чистое 'ничем не засаженное' место — чищина, частые 'густые' заросли — щащина; лихое состояние, лихой воздух, лихое чувство — лихота, смиренный человек — смирнота, глухой лес — глухота, быстрое течение — быстрота, легкая жизнь — легота (легкота)* и др.

Конкретные значения существительных могут закрепляться формально (см., например, формы мн. числа: *глупости, мерзости, пряности, новости*)⁷⁶.

Некоторые производные на *-от(а)* имеют значение собирательности. Это наблюдается тогда, когда существительное, входящее в состав мотивирующего образования, указывает

⁷⁵ См. ДМ.

⁷⁶ Ср. аналогичные наблюдения в работе: Пятницкий В. Д. К вопросу о системном характере выражения качества в кругу качественных прилагательных с суффиксом *-н-* и соотносительных с ними существительных на *-ость*. — Учен. зап. МГПИИ, 1970, № 332.

на множество конкретных предметов: *бедные люди — бедно-та, мелкие существа — мелкота, нищие люди — нищета*.

Отметим, что рассматриваемые связи, как правило, отражают дополнительные, не единственные мотивировочные отношения существительных.

«Равнение» адекативной семантики на определяемое существительное может привести к ослаблению непосредственных мотивировочных связей между производным существительным и формально мотивирующим его прилагательным. Прежде всего, это касается терминологических значений производных слов⁷⁷, как например: хим. *кислота*, геогр. *широта*, физ. *теплота, частота, скорость*, юр. *давность*, мат. *величина* и др.

Таким образом, специфика прилагательных как части речи предопределяет смещение мотивирующей признаковой семантики в смежную с ней область субстантивных значений, что отражается на словообразовательном значении производных слов и на функционировании отвлеченных суффиксов. Категориальные характеристики производных (создаваемых) слов в определенной мере провоцируют такое смещение. Вспомним, что отадекативные глаголы не устанавливают семантических связей со словосочетаниями ПС. Следовательно, проявление непосредственной деривационной трансформируемости мотивирующих единиц зависит также от тех категориальных форм, в которые облакаются производные лексические значения.

Лексическая полисемия и словообразовательные отношения

Со способностью слов к непосредственной деривационной трансформируемости определенным образом связана «сохраняемость» значений производящей единицы в производной (реализация «семантического потенциала»⁷⁸). Несомненно, что первостепенное значение имеют требования общения, предопределяющие лексическое выражение какого-либо понятия, однако выбор производящей единицы и способа образования производного слова зависит также от семантического богатства (полисемии) тех слов, которые уже выполняют

⁷⁷ АГ-70, с. 93. Ср.: «Наиболее регулярными факторами, определяющими различие внутренней валентности при формальном тождестве исходных компонентов, является терминологизация и метафоризация». — Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Томск, 1971, с. 308. См. также: Пятницкий В. Д. К вопросу о системном характере выражения качества в кругу качественных прилагательных с суффиксом *-н* и соотносительных с ними существительных на *-ость*.

⁷⁸ Головин Б. Н. Замечания к теории словообразования. — «Учен. зап. Горьк. гос. ун-та», вып. 78, 1967, с. 33.

в языке функцию производящих единиц. Как показывают наши наблюдения, первичное включение слова в словообразовательные связи увеличивает его «шансы» быть включенным в новые словообразовательные отношения на основе других его значений. Однажды опробованный вид связи легко расширяется за счет включения «новых» значений того же производящего слова в процесс словообразования. Собственно языковым условием такого расширения является соблюдение правил семантической мотивации применительно к «новым» мотивирующим значениям, правил, основанных на свойстве непосредственной деривационной трансформируемости производящего слова.

Рассмотрим явление многозначности в его связи с деривационным типом на примере трех групп слов, мотивируемых качественными прилагательными (анализу подвергнуты глаголы с суффиксами *-e/ej-* и *-u-//-Ø-*, существительные с суффиксом *-ость*). На наш взгляд, подбор материала по признаку общности мотивирующих единиц способствует выявлению специфических связей, существующих между полисемией мотивированного слова и особенностями словообразовательного типа.

Сопоставление лексико-семантических вариантов мотивационно связанных слов по линии, противоположной направлению мотивации (от структурно более сложной единицы к менее сложной), показало, что с семантическими вариантами мотивирующих прилагательных соотносится 98,4% значений существительных на *-ость*, 96,8% значений глаголов на *-еть* и 87,3% значений глаголов на *-ить*. Иными словами, полисемия производных слов представляет собой своеобразное отражение полисемии мотивирующих прилагательных. Не случайно в толковых словарях значения интересующих нас лексических единиц нередко даются путем ссылки на конкретные значения мотивирующего прилагательного или даже на прилагательное в целом: *плотнеть* — становиться плотным (в 1—4-м значениях), *добреть* — становиться добрым (прилагательное *добрый* имеет восемь значений), *бледность* — свойство по прилагательному (в 1—3-м значениях), *дикость* — свойство по прилагательному (в 1—6-м значениях) ⁷⁹ и т. д.

Таким образом, сам языковой материал снимает с повестки дня спор о том, может ли лексико-семантическое варьирование мотивированного слова рассматриваться как результат деривационно обусловленной трансформации нескольких значений базовой единицы ⁸⁰. На этот вопрос можно ответить только утвердительно.

⁷⁹ МАС, т. I, III.

⁸⁰ О сути разногласий по этому вопросу см.: Немченко В. Н. О понятии словообразовательной производности (деривационной мотиви-

Но у разных деривационных групп лексики и даже у разных слов одной группы полнота соотношения мотивированных лексико-семантических вариантов с мотивирующими оказывается неодинаковой, и возможны деривационные типы, в пределах которых семантика структурно обусловленных лексических единиц мотивируется лишь одним значением базового слова (например, у существительных *поросятаина*, *телятина* и т. п.).

Проведенное нами сопоставление лексико-семантических вариантов прилагательных и соотносимых с ними существительных и глаголов в плане прямых мотивационных отношений приводит к выводу о том, что многозначность мотивированных слов оказывается менее разветвленной, чем она могла бы быть при условии их соотнесенности со всеми значениями мотивирующих прилагательных. У мотивированных слов всех типов соотнесенность устанавливается, как правило, только с частью лексико-семантических вариантов, которыми обладают мотивирующие прилагательные. Об этом говорят следующие цифровые данные: в мотивационные отношения с существительными на *-ость* вступает лишь 54,4% всех значений базовых прилагательных, с глаголами на *-еть* — 38%, с глаголами на *-ить* — чуть более 23%.

Исследования языковедов в области русского словообразования свидетельствуют о том, что явление неполной семантической соотнесенности между производящими и производными лексическими единицами наблюдается у целого ряда словообразовательных типов. Оно находит непосредственное отражение в современных мотивационных отношениях между словами, поэтому количественное уменьшение мотивирующей семантики⁸¹ с каждым деривационным шагом (то есть последовательно на каждой деривационной ступени) должно быть признано закономерной особенностью семантических отношений деривационно связанных слов.

Признание закономерности деривационного уменьшения мотивирующей семантики, однако, не означает, что абсолютно все мотивированные лексемы «сокращают» количество лексико-семантических вариантов по сравнению с мотивирующей единицей; оно характеризует лишь деривационные типы в целом и конкретно в каждом из них проявляется по-

рованности). — Лексика, терминология, стили. Межвузовский научный сборник, вып. 2. Горький, 1973, с. 36—39.

⁸¹ Ср.: Тихонов А. Н. О семантической соотносительности производных слов и производящих основ. — «Вопросы языкознания», 1967, 1, с. 117; Тышлер И. С. О лексической полисемии слова (на материале английского языка). — В сб.: Язык и общество. Саратов, 1967, с. 187—188; Яценецкая М. Н. О связи между деривационным типом и лексической полисемией. — Лексикологический сборник. Барнаул, 1977.

разному. Так, в парах типа *белый* — *белеть* одна треть глаголов реализует все лексико-семантические варианты мотивирующих прилагательных (см. *алеть*, *багрянеть*, *бледнеть*, *взрослеть*, *влажнеть* и др.). Полное семантическое соотношение с базовыми словами устанавливают также две пятых существительных на *-ость* (*бледность*, *веселость*, *ветхость*, *мерзость*, *краткость* и др.).

Чем же объясняется такая неоднотипность в установлении семантических отношений внутри различных деривационно противопоставленных лексических пар? С чем может быть связано деривационное уменьшение мотивирующей семантики?

В установлении семантических связей между словами, находящимися в отношениях мотивации, существенную роль играют условия трансформации мотивирующего значения в мотивированное, которые мы назвали «правилами семантической мотивации». Напомним их кратко применительно к рассматриваемым здесь группам производных слов.

Глаголы на *-ить* обозначают действие активного субъекта, в результате которого обнаруживается связь предмета с признаком, выраженным мотивирующим прилагательным. Валентные свойства суффикса *-и-* обеспечивают согласование мотивирующих сем с таким аспектом категориального значения, как активность субъекта действия, которая, впрочем, у глаголов может обнаруживаться в разной степени в зависимости от конкретной реализации их внутренних и внешних валентных связей. Наиболее ярко эта особенность проявляется у переходных глаголов, когда пассивность пациенса противопоставляется активности агенса и подчеркивает ее. Ограничение мотивирующей семантики указанными выше рамками приводит к тому значительному уменьшению семантического объема, которое отмечено нами в парах типа *белый* — *белить*. Многие лексико-семантические варианты прилагательных, не отвечающие требованиям семантической мотивации, не трансформируются в глагольные значения.

Если реализация семантических отношений внутри противопоставлений типа *белый* — *белить* требует разрешения определенных противоречий между категориальными особенностями обоих его членов, то в парах типа *белый* — *белеть* такого противоречия не наблюдается. Прямая соотносительность между глагольными и именными показателями, несомненно, способствует вступлению в мотивационные отношения с глагольными единицами большего количества значений мотивирующих прилагательных (сравнение процента лексико-семантических вариантов прилагательных, устанавливающих мотивационные отношения с глаголами на *-еть* и *-ить* — соответственно 38% и 23% — оказывается в пользу первых).

Наиболее высокий процент реализации мотивирующих лексико-семантических вариантов, как уже отмечалось, наблюдается в парах типа *мудрый — мудрость*. Это связано с тем, что суффикс *-ость* фактически обладает категориальным значением субстантивности, значение же абстрактного признака является одним из значений деривационного типа в целом и зависит от семантических особенностей мотивирующей единицы. Действительно, «опредмечивание» признака предполагает прежде всего его наличие (отсюда прилагательное в качестве мотивирующего слова) и отвлечение данного признака от его носителя, поэтому в паре «прилагательное — отвлеченное существительное», кроме абстрагирования, никаких дополнительных модификаций с семантикой мотивирующих слов не происходит. Эту особенность отвлеченных существительных заметила Е. А. Земская, охарактеризовавшая их значение как «тождественное лексической семантике производящих» прилагательных⁸². Отсутствие конкретизирующих характеристик у категориального (субстантивного) значения суффикса *-ость* способствует тому, что лексико-семантическое варьирование существительных на *-ость* происходит почти целиком внутри деривационного типа. Неполная количественная реализация в мотивированных словах лексико-семантических вариантов мотивирующих прилагательных вызвана не только ограничениями в словообразовательном функционировании последних, но также взаимодействием разных словообразовательных моделей, требованиями языковой нормы и другими языковыми и неязыковыми явлениями.

Таким образом, каждому виду мотивационных отношений соответствует определенный тип мотивирующей семантики, предопределяющей своеобразие семантической трансформации базового слова в мотивируемое.

Рассмотренные типы мотивирующей семантики обладают достаточно высоким уровнем абстракции и конкретно могут быть реализованы в нескольких значениях базовой леммы. Тем самым создаются условия для возникновения такого семантического варьирования производной единицы, которое представляет собой отражение многозначности базового слова.

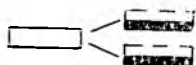
У глаголов на *-ить* возможно сужение мотивирующего семантического варианта, которое может быть связано не только с особенностями правил мотивации, но также и такими собственно глагольными компонентами, как активность субъекта и направленность действия на объект, предполагающими указание на способ, средство действия в зависимости от конкретных свойств пациента. Ограничение действия определенным способом его проявления и конкретным

⁸² Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 185.

видом объекта⁸³ и ведет к сужению именного семантического варианта при трансформации его в глагольное значение. Так, глагол *белить* в значении 'покрывать белилами (лицо)' мотивируется семантическим вариантом прилагательного *белый* — 'светлый, приближающийся к цвету снега, молока, мела' (ср. *белые руки, лицо*). Как видим, глагольная семантика ограничивается не только значением получаемого качества (белый), но также объектом (лицо) и средством (белила) действия.

Если условно обозначить значение мотивирующего прилагательного знаком , а суженное соотнесительное значение мотивированного слова знаком , то схематично рассмотренный тип семантического соотношения может быть выражен так: — .

Но эта же особенность глагольного деривационного типа (активность субъекта и направленность действия на объект) создает условия для дифференциации глагольной семантики, которая происходит за счет введения в смысловую сферу глагола разных объектов и связанных с этим указаний на различные способы действия. Например, два других значения глагола *белить*: 1) делать белым, покрывая известью, мелом и т. п.; 2) отбеливать (холст и т. п.), подвергая особой обработке, — соотносятся с одним значением мотивирующего прилагательного *белый* ('цвета снега, молока, мела'). Такое разветвление мотивирующей семантики (см. схему) оказалось возможным благодаря отращиванию в глагольных значениях различий в средствах и способе действия, зависящих от видов объектов, на которые это действие распространяется (1 — стена и т. п.; 2 — холст и т. п.).

В принципе подобное семантическое варьирование «санкционируется» глагольным суффиксом и деривационным типом в целом. Однако количество и конкретный характер семантических вариантов определяется внеязыковыми факторами.

Мы рассмотрели явление полисемии производных слов в ее зависимости от общих характеристик деривационного типа. Однако конкретные связи между семантическим варьированием мотивированных и базовых слов не могут быть установлены без учета значений словообразовательного ти-

⁸³ Данная особенность глагольной семантики отмечается в работе: Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом -Ø-//-(ть), с. 96.

па. Если словообразовательный тип имеет несколько значений, характер этих связей значительно усложняется, так как мотивированные слова получают возможность соотноситься с базовой единицей параллельно в плане всех деривационных значений.

Рассматриваемые нами словообразовательные типы обладают несколькими значениями. Как отмечалось, у глаголов на *-еть* наиболее распространенными являются частные деривационные значения становления и выявления признака, для каждого из которых существуют свои правила семантической мотивации. Значение становления признака мотивируется такими семантическими компонентами прилагательного, как способность обозначаемого им признака к количественным изменениям и возможность его возникновения в предмете, заключающем в себе причину развития данного признака. Значение выявления признака мотивируется значением устойчивого внешнего (зрительно воспринимаемого) свойства предмета. Разность двух значений одного словообразовательного типа прямо зависит от различий мотивирующей семантики и определяется названными правилами. Семантическое соотношение глаголов на *-еть* с базовыми словами может осуществляться по обоим деривационным линиям, создавая условия для «одновременной» мотивации разных глагольных значений одним лексико-семантическим вариантом прилагательного: ср. *красное (яблоко)* — *краснеть* 'становиться красным' и *краснеть (вдали)*. При этом значение становления признака присуще почти всем глаголам на *-еть*; значение же выявления признака (*краснеть вдали*) составляет лишь незначительную часть от общего числа глагольных значений, что связано с жестким ограничением мотивирующей семантики значением внешнего, зрительно воспринимаемого признака. Для глаголов, совмещающих оба деривационных значения, можно наметить общую семантическую структуру, объединяя семантические варианты в группы, каждая из которых характеризуется определенным значением деривационного типа. Так, семантическая зависимость глагола *белеть* от мотивирующего прилагательного выражается следующей схемой, где глагольные значения становления признака обо-

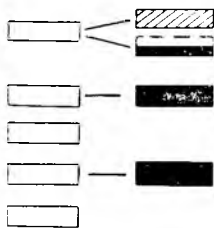
значены знаком (при полной семантической со-

отнесенности производной и базовой лекс) и знаком (при сужении мотивирующей семантики), а значение выяв-

ления признака — знаком . Значения прилага-

тельных (знак), которым справа ничего не соот-

ветствует, не мотивируют глагольных значений⁸⁴. Данная схема отражает такие особенности семантических отношений, устанавливаемых глаголами на *-еть* с базовыми прилагательными, как полное соотнесение значений и разветвление значения по двум деривационным линиям.

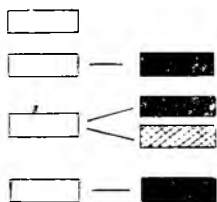

У существительных на *-ость* значение абстрактного признака может совмещаться со значением предмета, характеризующегося признаком, выраженным базовым прилагательным: ср. *веселый*

(*человек, глаза*) — *веселость* (*человека, глаз*) и *веселое настроение* — *веселость*; *праздный* (*человек, жизнь, разговор*) — *праздность* (*человека, жизни, разговора*) и *праздная жизнь* — *праздность*. Значения второго вида охватывают немногим более 10 % лексико-семантических вариантов анализируемых существительных и, как было сказано выше, обычно сосуществуют со значениями отвлеченного признака в пределах одной лексемы. Схематично семантическая соотнесенность, например, прилагательного *праздный* и существительного *праздность* может быть представлена следующим образом (значения существительного первого и второго деривационного вида обозначены соответственно знаками

 и)⁸⁵.

Отсутствие сужения мотивирующей семантики и соотнесенность значений существительного двух разных деривационных видов с одним значением прилагательного характеризуют в целом мотивационные связи существительных на *-ость*.

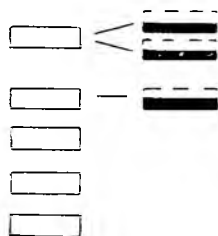
У глаголов на *-ить* основным (объединяющим большее число конкретных значений) признается деривационное значение «наделять кого, что признаком» (*синить*), некоторые же глаголы имеют значение «делать что-либо, характеризующееся признаком» (*шалить* — совершать шальные 'сумасбродные, взбалмошные' поступки, действия, движения, выражать шальные мысли и т. п.). Как отмечалось, данные деривационные значения совмещаются в пределах одной лексемы

⁸⁴ Таковыми по разным причинам являются следующие значения прилагательного *белый*: 'светлокожий (как признак расы)' и 'контрреволюционный'.

⁸⁵ Прилагательное *праздный* не соотносится с существительным в установленном значении 'ничем или ничем не заполненный; пустой, порожний'.

лишь в единичных случаях. Следовательно, в отличие от глаголов на *-еть* и существительных на *-ость* лексико-семантическое варьирование глаголов на *-ить* обычно не бывает связано с конкретной реализацией разных значений словообразовательного типа. Наиболее распространенный вид словообразовательных связей многозначных глаголов на *-ить* может быть представлен схемой зависимости лексико-семантических вариантов глагола *белить* от значений прилагательного *белый*⁸⁶.

Показательны наблюдаемые у многих глаголов на *-ить* сужение мотивирующей семантики и ее дифференциация.

На характер и полноту соотнесения лексико-семантических вариантов мотивируемых и базовых слов влияет также существование в языке синонимических словообразовательных типов. Процентное соотношение лексико-семантических вариантов базовых прилагательных со значениями существительных на *-ость* могло бы быть более высоким, если бы в русском языке не было столь широкой синонимии «отвлеченных» суффиксов, устанавливающих валентные связи с качественными прилагательными (ср. отмеченные нами суффиксы абстрактных существительных *-от(а)*, *-изн(а)*, *-ин(а)*, *-ость* и др.). Когда слова разного суффиксального оформления имеют в качестве базовой единицы одно и то же прилагательное, лексико-семантические варианты мотивирующего слова могут распределяться между ними, препятствуя образованию полной семантической соотнесенности внутри мотивационно связанных лексических пар. Разноссуффиксальные существительные вступают между собой в сложные и разнообразные связи. Тем не менее они могут быть объединены в четыре типа отношений, характеризующих однокоренные пары слов, как 1) слова, не имеющие общих элементов в семантике: *высокая (мысль)* — *высокость*, *высокое (здание)* — *высота*; *прямая (линия)* — *прямота*, *прямизна*, *прямой (характер)* — *прямота*; 2) слова смежной семантики, не означающей, однако, их синонимичности: *быстрое течение* — *быстрина*, *быстрое (течение)* — *быстрота*; 3) слова, имеющие общие элементы в своей семантике и устанавливающие синонимические отношения между собой: *бедный (человек)* — *бедность*, *бедный (человек)* — *беднота*, но *бедные люди* — *беднота*, *бедные (люди)* — *бедность*, но *бедная (фантазия)*, *бедный (голос)* — только

⁸⁶ Не мотивируют глагольной семантики три значения прилагательного *белый*: 'светлокожий (как признак расы)', 'ясный, светлый' (*белые ночи*) и 'контрреволюционный'.

бедность; ⁸⁷ 4) слова, дублетные по семантике, — морфологические (словообразовательные) варианты: *великий (дух)* — *великость, великий (дух)* — *величие, великий (подвиг)* — *великость, великий (подвиг)* — *величие* ⁸⁸.

Итак, с точки зрения внутриязыковых отношений полисемия мотивированных слов в значительной мере является отражением полисемии базовых слов. Однако виды этого соотношения зависят от возможностей словообразовательного типа. Их реализация регулируется посредством таких значимых в аспекте словообразования категорий, как вид мотивирующей семантики и значения деривационного суффикса, а также зависит от количества частных словообразовательных значений.

При отсустантивном словообразовании значительную роль в возникновении полисемии производного слова играет количество реализуемых словообразовательных значений и совмещение прямого и метафорического способов создания производного слова ⁸⁹. Отражение полисемии базового слова наблюдается не так последовательно, как у рассмотренных производных слов. Одной из причин такого положения, вероятно, является словообразующая специфика существительных и отсутствие четких правил семантической отсустантивной мотивации.

Таким образом, частеречные показатели слов, вступающих в словообразовательные отношения, играют существенную роль в характеристике последних. Однако конкретные виды непосредственных словообразовательных связей зависят от значения и функционирования суффиксов.

⁸⁷ В лингвистической литературе такие образования характеризуются как морфологические синонимы. См., например, Gabka K. Zur Abgrenzung lexikalischer, morphologischer und syntaktischer Synonymie.— «Zeitschrift für Slawistik», Band 12. Berlin, 1967.

⁸⁸ Виды отношений между разносуффиксальными существительными рассмотрены автором в статье «Морфолого-семантические связи отвлеченных существительных (к вопросу о соотношении однокоренных слов)». — В сб.: Вопросы языка и его история. Томск, 1972.

⁸⁹ Начинкина Г. М. Разновидности смысловых отношений между производными и базовыми словами и условия многозначности производных.— «Русский язык в школе», 1973, 6.

Глава третья

СУФФИКС, ЕГО ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП И ЗНАЧЕНИЕ СУФФИКСА)

1. ЗНАЧЕНИЕ СУФФИКСА КАК ЕДИНСТВО СИСТЕМНО И ФУНКЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ СЕМАНТИКИ

Общая характеристика

Предлагаемое толкование суффиксального значения основывается на признании трех положений, используемых в работе в качестве исходных. Эти положения следующие: 1) суффикс есть двусторонняя единица языка, обладающая как формой, так и содержанием; 2) особенностью суффиксальной семантики является ее абсолютная связанность, т. е. способность актуализироваться в речи только в морфемном (не словесном) окружении; 3) значение суффикса органично связано с условиями его функционирования. С каждым из этих положений соотносится определенный круг вопросов, но только совместное их рассмотрение может привести к не-одностороннему толкованию суффиксальной словообразовательной семантики. Задача определения специфики словообразования не могла не отразиться на описании семантики словообразовательной морфемы, элементарной единицы словообразования. Отграничение словообразования от морфологии, с чего и началось его оформление в самостоятельную науку, уже означало, что значение словообразовательного аффикса не равно грамматическому. Но стремление отмежевать словообразование от лексики «лишает» его и лексических характеристик. Тогда возникает тезис о том, что следует «говорить не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова»¹. Данный тезис включает в себе возможность неоднозначного его развития относительно суффиксального значения. Отталкиваясь от него, можно прийти к двум выводам: 1) словообразовательный суффикс не обладает собственным значением² и 2) значение словообразовательного суффикса равно значению словообразователь-

¹ Яко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах.— В сб.: Развитие современного русского языка. М., АН СССР, 1963, с. 85.

² См., например: «Аффикс, выделяемый в производном слове, не имеет сам по себе никакого лексикологического значения, ибо он — лишь один из компонентов, формирующих только внешнюю сторону слова —

ного типа³. Первый вывод вступает в противоречие с утверждением о двустороннем характере словообразовательной морфемы и в конечном итоге означает, что словообразовательный суффикс не признается морфемой. Но в таком случае словообразовательная теория лишается своего «языкового» основания и теряет право на самостоятельное существование.

Второй вывод утверждает наличие у суффикса некоторого значения, но не устанавливает его отличительных признаков. Однако вряд ли можно вопрос о разграничении суффиксального значения и значения словообразовательного типа считать чисто терминологическим, полагая, что значение словообразовательной морфемы, подобно грамматической семантике⁴, придается аффиксальному образованию в целом как своеобразная форма существования лексического содержания. Связи формообразующих и словообразующих морфем с другими компонентами слова, как известно, носят неодинаковый характер. Формообразующие аффиксы в пределах соответствующей части речи являются обязательными и в большинстве случаев не связаны с лексико-семантическими особенностями слова (а если оказываются связанными с ними, то теряют свои чисто грамматические признаки и приобретают в некоторой мере словообразовательные функции). Лексические значения лишь создают условия реализации грамматической семантики (например, глагольного времени). Сфера же действия словообразовательных морфем ограничена определенными лексико-семантическими характеристиками, которые выражаются производящей (корневой) частью слова и с которыми словообразовательная морфема вступает во взаимодействие. При этом лексические значения

слово-структуру на основе того или иного слова». — Бартошевич А. К. определению системы словообразования. — «Вопросы языкознания», 1972, 2, с. 86; См. также: Лемов А. В. К вопросу омонимии суффиксов в русском языке на материале суффикса *-к(а)*. — В сб.: Вопросы металингвистики. М., 1973. Из последних работ ср.: «Аффиксальная морфема есть средство передачи отношений производности как в структурном (формальном), так и семантическом аспектах производности. С этой точки зрения она лишена собственных значений, и роль ее заключается в функциях, обуславливающей единство словообразовательного типа...» — Хохлачев А. В. Словообразование существительных в русском языке. (Опыт системного описания). Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1976, с. 37.

³ Отождествление семантики суффикса и словообразовательного типа (с данным суффиксом) наблюдается во многих работах по словообразованию и, как кажется, признается правомерным. Ср.: «Словообразовательное значение, как бы оно ни устанавливалось, выражается, строго говоря, всей словообразовательной конструкцией, абстрагированной от большего или меньшего ряда конкретных лексических единиц. Но поскольку доминирующим, специфицирующим компонентом конструкции является словообразовательный аффикс, то обычно он и признается носителем словообразовательного значения». — Манучарян Р. С. К типологии словообразовательных значений. — «Изв. АН СССР», т. 33, 1974, 6, с. 519.

⁴ Об особенностях грамматических значений см.: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 26—27.

влиять на суффиксальную семантику, так или иначе корректируя ее. В силу сказанного представляется необходимым искать формы взаимного влияния лексических и суффиксальных значений производного слова.

Наряду с этим важно также определить виды связей между словообразовательной (суффиксальной) и грамматической семантикой лексической единицы, поскольку присоединение суффикса к производящей основе еще не образует «готового» слова и для окончательного его формирования нужны собственно грамматические показатели, которые в русском языке, как правило, выражаются аффиксами, стоящими после словообразовательных морфем⁵.

Таким образом, словообразовательные суффиксы вступают в двухсторонние межморфемные отношения, что свидетельствует о связанном характере суффиксальной семантики.

Мысль о взаимозависимости морфемных единиц проводится в книге Н. В. Крушевского «Очерк науки о языке»⁶ и развивается в лингвистических исследованиях последующих лет⁷, в результате чего вырабатывается некое цельное представление о сути и типах связанности⁸ разных видов морфем.

В современной лингвистике⁹ различается три вида морфем в зависимости от степени их связанности: относительно свободные, относительно связанные и абсолютно связанные.

⁵ Ср.: «Значение, которое ставится в соответствие дериватору (словообразовательному аффиксу.— М. Я.), зависит прежде всего от внутрисловного контекста. Контекстное окружение дериватора определяется его сочетаемостью с «мотиватором», т. е. мотивирующей (производящей) основой, принадлежащей словам определенного класса и их представляющей, а также с флексией, принадлежащей парадигматическому комплексу определенного класса. В соответствии с этим можно различать окружение «мотиваторное» и «флексийно-парадигматическое», или «форматорное». — Манучарян Р. С. К типологии словообразовательных значений, с. 521.

⁶ См., например, высказывание Н. В. Крушевского: «Вообще, поскольку звукосочетание не может быть рассмотрено как механическое сопоставление звуков, постольку и слово не может быть рассматриваемо как механическое сопоставление морфологических элементов. В этой особенности сочетания фонетических и морфологических элементов слова мы видим зародыш интеграции последнего». — Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 73, см. также, с. 79—85 и др.

⁷ Эта идея обсуждалась в работах Г. О. Винокура, В. В. Виногорова, Б. Н. Головина, В. П. Григорьева, В. М. Жирмунского, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, Р. С. Манучаряна, О. М. Соколова, А. Н. Тихонова, И. С. Улаханова и др.

⁸ Термин «связанные» был впервые употреблен применительно к основам (корням) Г. О. Винокуром. См.: «...основы, которые всегда даны нам только в соединении с теми или иными аффиксами, можно было бы назвать основами связанными. Ср., например, соотношение слов *при-выкнуть* и *от-выкнуть*, где выделяется первичная основа *-вык-*, неизвестная в свободном от аффиксов виде». — Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 435.

⁹ См., например: Григорьев В. П. О взаимодействии словосложения и аффиксации. — «Вопросы языкознания», 1961, 5; Жирмун-

Относительно свободными считаются такие морфемы, которые формально и семантически могут быть идентифицированы со словом, употребленным в речи в одной из своих форм («совпадают с реализованной в речи лексемой»¹⁰). Таковыми являются большинство корней, некоторые приставки (ср. приставки *за-*, *в-*, *с-*, *из-* и соответствующие им предлоги) и суффиксоиды (*-ход*, *-воз*).

Относительно связанные морфемы находятся в отношениях частичного совпадения с какой-либо лексой, т. е. в отношениях формально-семантического варьирования; ср. *бег* и его фонетический вариант в слове *при-беж-ать*, *столб* и его семантический вариант в слове *о-столб-енеть*.

Многие суффиксоиды, большинство префиксов, все суффиксы и окончания, которые не совпадают ни с одной из форм употребленных в речи слов, являются абсолютно связанными.

Понятие связанности приложимо также к морфологически членимым частям слова (например, к префиксальной или суффиксальной производящей основе производного слова). «Одни из них соотносительны со словом (как номинативной единицей или как лексемой), а другие несоотносительны. Соотносительность также предполагает различные виды варьирования и адекватность структурно-семантического порядка»¹¹.

В данной главе в качестве предмета анализа избраны суффиксы, которые, как отмечалось, представляют собой абсолютно связанные языковые единицы. Связанный характер суффикса заставляет расценивать его контекстуальное (внутрисловное) окружение как важнейший фактор, воздействующий на формирование и функционирование суффиксального значения. В сложном переплетении семантических характеристик вокруг суффиксального окружения главнейшими являются следующие.

ский В. М. О границах слова.— В сб.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963, с. 30—31; Кубрякова Е. С. Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка.— «Вопросы языкознания», 1961, 1; Она же. Что такое словообразование. М., 1965, с. 40—47; Соколов О. М. Некоторые вопросы морфемного варьирования.— В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968; Он же. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. Томск, 1972, с. 36—37; Головин В. Г. Очерк деривации имен прилагательных современного русского языка. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Самарканд, 1971, с. 41—47. Впрочем, ср. выделение 2 видов морфем — свободных и связанных — в работе: Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. Munich, 1969, p. 5, 7; Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1976, S. 38—39. В своей работе мы придерживаемся классификации, предложенной О. М. Соколовым.

¹⁰ Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка, с. 37.

¹¹ Там же, с. 44.

1. В русском языке суффиксы прикреплены к определенной части речи, регламентирующей рамки его семантической наполненности (в пределах процессуального, признакового и т. п. значения).

2. Лексико-грамматические и лексические особенности производящих единиц влияют на семантическую характеристику суффикса¹², т. е. речь здесь идет о семантической валентности суффикса и производящей единицы¹³. Фактическая сочетаемость производящей основы и суффикса по сути есть проявление материализованного результата функциональной деятельности суффикса в определенном его значении.

3. Семантическая характеристика суффикса зависит от сферы его функционирования: внутри одной части речи, когда с его помощью создаются слова той же части речи, что и производящая единица, и между разными частями речи, когда с помощью суффикса создаются слова иной, по сравнению с мотивирующей единицей, части речи (мотивирующие единицы «переводятся» в другую часть речи).

При рассмотрении каждого суффиксального значения важно учитывать всю совокупность условий, создающих его семантический контекст. Изучение такого контекста фактически является изучением словообразовательного типа, так как последний отражает все перечисленные выше особенности функционирования суффикса.

«Словообразовательное значение» и значение суффикса

Семантическое описание словообразовательного типа производится через понятие «словообразовательного значения», под которым чаще всего понимают типичную схему соотношения суффиксальной и производящей семантики¹⁴. Данное

¹² Этому вопросу посвящена работа Улуханова И. С. «Значение словообразовательных аффиксов и части речи мотивирующих слов». — «Филологические науки». Научные доклады высшей школы, 1974, 4. Ср. также: «...в описание деривационных аффиксов мы считаем необходимым включить результаты анализа того, как зависит поведение аффикса от соединяющихся с ним основ». — Кубрякова Е. С., Харитончик З. А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа. — В сб.: Принципы и методы семантических исследований. М., «Наука», 1976, с. 203.

¹³ Степанова М. Д. О «внутренней» и «внешней» валентности слова. — «Иностранные языки в школе», 1967, 3. Ср.: «Для того, чтобы соединение аффикса и производящей основы состоялось, необходимо прежде всего, чтобы они были семантически совместимы» — Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). — В сб.: Русский язык. Грамматические исследования. М., «Наука», 1967, с. 178. См. также: Мурясов Р. З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи. — «Вопросы языкознания», 1976, 5, с. 128.

¹⁴ О выраженности словообразовательного значения структурными средствами словообразовательного типа см., например: Арутюнова Н. Д.

толкование словообразовательного значения основано на теории семантической валентности суффикса как значимой единицы языка. Признание за суффиксом самостоятельного значения неминуемо приводит к признанию соответствующей ему производящей семантики. Семантический эффект соединения двух взаимосвязанных единиц и есть то, что называют значением словообразовательного типа, или словообразовательным значением. Отрицание же словообразовательного значения как существенного показателя словообразовательного типа¹⁵ фактически ставит под сомнение саму способность суффикса обладать самостоятельным значением.

Характеристика суффикса предопределяется особенностями его функционирования как типичного (в известной мере, грамматического) средства создания индивидуальной (лексической) единицы. Семантическая сторона заключенного в данной формуле противоречия реализуется в двух взаимопротивоположных явлениях: с одной стороны, в стремлении суффиксальной морфемы к грамматичности, к своеобразной всеобщности (в пределах внутри- или межкатегориальной сферы ее действия), благодаря чему суффикс обладает достаточно абстрактным системным значением¹⁶ (языковой значимостью)¹⁷ и является средством серийного образования новых производных слов; с другой стороны, в конкретизирующем влиянии на суффикс производящей семантики¹⁸, которая, согласуясь с суффиксальным значением через свои общие, классифицирующие признаки, обусловли-

О понятии системы словообразования.— «Филологические науки». Научные доклады высшей школы, 1960, 2; Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах, с. 90; Земская Е. А. Понятие производности, оформленности и членности основ.— В сб.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966, с. 10—11; Лопатин В. В., Улуханов И. С. Построение раздела «Словообразование».— В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, с. 59.

¹⁵ Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975, с. 48. См. также отказ от включения в определение словообразовательного типа «признака тождественности семантического отношения мотивированного и мотивирующего слов» в работе: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1975, с. 6.

¹⁶ По определению Ф. Энгельса, абстракция — это «не более как сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей». — См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 550.

¹⁷ Под языковой значимостью понимается «свойство языкового знака, сообщаемое ему языковой системой и способное проявляться (актуализироваться) в речи». — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, изд. 2-е, с. 510.

¹⁸ Ср.: «Основа производного слова часто модифицирует значение аффикса». — Курилович Е. Заметки о значении слова.— В кн.: Очер-

вает его более конкретное функциональное проявление¹⁹. Словообразовательное значение, снимая в рамках словообразовательного типа и его подтипов данное противоречие, является формой проявления относительного равновесия двух противоположных тенденций (к фразеологичности, лексичности и к типичности, грамматичности). Точка их уравнивания может быть в разной мере удалена от лексического и грамматического идеала, что выражается в колебании значения разных словообразовательных типов от самой высокой, почти категориальной (частеречной) степени абстракции до типового (лексико-тематического) обобщения, а в некоторых случаях — даже до единичной (фактически лексической) семантики; ср. словообразовательные значения «субстантивный признак» (*мудрость, глупость* и т. п.), «орудие, средство действия» (*точило, мыло* и др.) и мотивационное значение «украшение из стекла» (*стеклярус*).

В зависимости от уровня абстракции суффиксальной и производящей семантики функциональная связанность суффиксов может проявляться в неодинаковой степени, а значение словообразовательных типов оказывается в разной мере зависящим от соответствующих лексических категорий. Очевидно, именно эта особенность словообразовательного типа приводит к тому, что разные исследователи, употребляя термин «словообразовательное значение», вкладывают в него неодинаковые понятия.

1. Во-первых, под «словообразовательным значением» понимают результат единичного соотношения производящего и производного слова: *точило* 'инструмент, которым точат', *сигнализировать* 'подавать сигнал', *попадья* 'попова жена', *стеклярус* 'украшение из стекла' и т. п.

Например, по мнению Г. Л. Щеулиной, анализирующей диалектные глаголы на *-ить*, «словообразовательное значение в данных глаголах в каждом конкретном случае определяется ее (производящей основы. — М. Я.) семантикой», ср. приводимые автором примеры «словообразователь-

ки по лингвистике. М., 1962, с. 244. Показательно, что В. Дорошевский, всячески подчеркивавший самую общую, структурную функцию словообразовательных формантов, допускал, что при определенных условиях в них могут выработаться и удерживаться так называемые «ситуативные» значения, как, например, значение «житель страны» у суфф. *-ак/-'ак* (в польском языке). См.: D o g o s z e w s k i W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1963, s. 310; Ср.: Он же. Słowotwórstwo a geografia lingwistyczna (mechanizm działania analogii w słowotwórstwie gwarowym): — В кн.: Studia a szkice językoznawcze. Warszawa, 1962, s. 251.

¹⁹ Ср.: Соколов О. М. О функциональной приспособляемости русских глагольных префиксов. — В сб.: Вопросы языка и его истории. Томск, 1972. Ср. также рассуждения о «значении» и «функции» в работе: K o s c h m i e d e r E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965, S. 23—24.

ных значений»: *прямить* — делать прямым, *гарманить* — менять гарман 'глину' и т. п.²⁰

Семантика, связываемая с «аффиксальной частью» производного слова, определяется путем вычитания из производного производящего значения («остаточная семантика»), в наших примерах это соответственно «инструмент», «подавать», «жена», «украшение». Подобные остаточные значения могут быть приписаны суффиксу (*точил-л-о*)²¹, сочетанию суффиксов, функционирующих в условиях данного соотношения как единый формант (*столяр-нича-ть, опекин-ствовать*), или части слова (формально — любому фонетическому отрезку, отличающему основу производного слова от производящего), выполняющей в некоторой мере функцию словообразовательного аффикса (*паст-ух, стекл-ярус*)²².

В случаях уникального выражения «остаточного значения» исследователь имеет дело с отклонением от типичных для языка приемов словообразования²³. Как отмечалось,

²⁰ Щеулина Г. Л. Сочетаемость словообразовательных морфем глаголов на *-и(ть)* в говоре казаков-некрасовцев. — В сб.: Материалы IX и X конференций северо-кавказского зонального объединения кафедр русского языка. Изд-во Ростовск. гос. ун-та, 1971, с. 202 (разрядка в цитате моя. — М. Я.).

См. также определение словообразовательной мотивации, данное в некоторых статьях И. С. Улуханова, например: «Словообразовательная мотивация... — это отношения между двумя разными словами, обладающими следующими признаками: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из них полностью входит в значение другого...». — Улуханов И. С. Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики. — Учен. зап. Пермск. ун-та. Вопросы грамматики, № 243, Пермь, 1972, с. 72. Впрочем ср. у того же автора: «Ко второй («остаточной»). — М. Я.) части предьявляются следующие требования: 1) она должна быть тождественной у ряда слов, характеризующихся одним и тем же семантическим отношением к мотивирующим словам...». — Улуханов И. С. О принципах описания значений словообразовательно мотивированных слов. — «Изв. АН СССР, Серия литературы и языка», т. 29, 1970, вып. 1, с. 14; Он же. О словообразовательной категории (на материале глаголов, мотивированных именами). — «Изв. АН СССР, Серия литературы и языка», т. 34, 1975, вып. 1, с. 27.

²¹ И. С. Улуханов такое значение суффикса называет «контекстным». См.: Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания, с. 17.

²² «Уникальность компонента формы выражения отношений мотивации, компонента стандартной формы, компонента, не исчерпывающего эту форму, не есть отсутствие самой формы». — Гинзбург Е. Л. Слово как членимое единство или как комбинация морфем? — Учен. зап. Пермск. гос. ун-та, Вопросы грамматики, № 243, Пермь, 1972, с. 52. Ср. также о нерегулярной словообразовательной мотивации у И. С. Улуханова: Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики. — Там же, с. 76.

²³ Земская Е. А. Унификсы (об одом виде морфем русского языка). — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 341. Вопросы филологии, М., 1969; Она же. Современный русский язык. Словообразование, с. 53—55, 57. См. также главу I настоящей работы.

«остаточная часть» производного слова «заменяет» словообразовательный аффикс лишь в некоторой мере. Суть этой «замены» сводится к тому, что единичное звуко сочетание выполняет функцию суффикса в собственно ономаσιологическом процессе, но, лишенное языковой значимости, оно не способно ввести производное слово в словообразовательную систему языка в качестве ее равноправного члена.

Независимо от уникальности или типичности аффиксальной морфемы межсловные отношения рассматриваемого типа являются строго индивидуальными. По существу, они позволяют выявить мотивировочные значения производных слов, представляющие собой конкретизацию словообразовательной семантики на уровне отдельного слова²⁴. Такой вид межсловных связей изучается в лексикологии.

2. Во-вторых, термином «словообразовательное значение» называют обобщенное значение тематической группы, состоящей из двух и более слов одинаковой словообразовательной структуры. «Остаточная часть» значения в этом случае также может быть определена методом вычитания, но при условии повторения этого остаточного значения в других словах той же словообразовательной структуры (*покоритель* 'человек, который покоряет...', *преподаватель* 'человек, который преподает', *искуситель* 'человек который искушает' и т. п.)²⁵. Подобным же образом выводятся общие компоненты производящей семантики («производить действие»). Результат соединения двух семантик, обобщенных на лексическом (тематическом) уровне, составляет обобщенно-мотивировочное значение группы слов одной темы («лицо, производящее действие»). Но несмотря на обобщенный характер, такое значение обычно бывает уже, конкретнее значения словообразовательного типа в целом, которое применительно к нашим примерам может быть определено как «производитель действия» (см. сущ. *выключатель*, *усилитель* и др., имеющие обобщенно-мотивировочное значение «предмет, производящий действие»)²⁶. Далеко не всегда

²⁴ Ср.: «...системное значение словообразовательного типа... не существует иначе, как во многообразии нормативных различий...». Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969, с. 40.

²⁵ «Остаточное значение» на этом уровне определяется путем «абстракции тождества и абстракции обобщения». См.: Степанов Ю. С. Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики.—Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1975, 1, с. 9.

²⁶ Очевидно, обобщенно-мотивировочное значение, соответствующее в диалектической триаде «единичное — особенное — всеобщее» «особенному», отражает срединный уровень словообразования, который находится между уровнем наблюдения над конкретными производными единицами и уровнем конструктов, отражающих структуру словообразовательных типов. См.: Степанов Ю. С. Указ. раб., с. 8—10. Ср.: «Типическое не имеет необходимости строгого закона, но и не представляет собой случайный, произвольный феномен, занимая как бы «среднее» место между необ-

также «остаточная семантика» оказывается равной значению суффикса.

Вообще, следует отметить, что при определении обобщенно-мотивировочного значения выяснение собственно словообразовательной семантики не является необходимым.

«Необязательность» соотнесения обобщенно-мотивировочного значения с собственно словообразовательным предопределяет его практически неограниченное «варьирование», от самой узкой тематической сферы до широких семантических обобщений. Единственное условие — возможность связать его со словообразовательными показателями.

Данный вид «словообразовательного значения» широко используется в специальной литературе как основа выделения морфемно-семантических групп лексики²⁷. Такой подход, несомненно, имеет право на существование, ибо он позволяет изучать «лексические» особенности производящих единиц каждого словообразовательного типа, взаимодействие словообразовательных типов путем расширения и изменения объема производящей семантики, приводящего к увеличению продуктивности одних словообразовательных типов и архаизации других²⁸. Если такого рода наблюдения связать с особенностями семантического функционирования суффиксов, а также с лексико-словообразовательными, а через них и с собственно словообразовательными значениями типов, то окажется реальным описание способов воздействия лексики на словообразование применительно как к каждому типу в отдельности, так и ко всей словообразовательной системе.

ходимым (законом) и случайным». Кожиков В. Типическое.— Философская энциклопедия, т. 5, М., 1970, с. 233. Не случайно в некоторых работах такие значения называют «типовыми». См., например: Валуцкая З. В., Овчинникова В. С. Отыменное глагольное словообразование в говорах Дона.— В сб.: Материалы IX и X конференций северокавказского объединения кафедр русского языка, Ростов, 1971, с. 191—193.

²⁷ См., например: Костомаров В. Г. Словообразовательная структура глаголов класса *-ить/-ять* в современном русском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1955. См: также анализ «словообразовательных типов профессиональных... глаголов» в работах: Кадькалова Э. П. Границы и соотношение словообразовательных типов профессиональных и оценочных глаголов с суффиксами *-и(ть)*, *нича(ть)*, *-ствова(ть)*. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1966; Алексеева Л. И. О некоторых аспектах взаимодействия глагольных образований на *-ить*, *-ничать*, *-ствовать* в русском языке XX в. — Вопросы грамматического строя современного русского языка. Сб. статей. М., 1972.

²⁸ Показательно в этом отношении исследование изменений в словообразовании существительных, прилагательных и глаголов в XIX веке в работах: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964; Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы. М., 1964. См. также интересную попытку выявить у глаголов на *-ить* виды значений (автор называет их «словообразовательными») по соотношению производных с производящими единицами: Бахтурина Р. В. Значение и обра-

Так как одни и те же обобщенно-мотивировочные значения могут наблюдаться у слов разных словообразовательных типов, оказывается возможным связать каждое из них с соответствующим набором суффиксов²⁹. Этот план исследования особенно характерен для работ по диалектному словообразованию, одной из задач которого в настоящее время является описание инвентаря диалектных словообразовательных средств и установление их специфики по сравнению с литературным языком³⁰.

Выведенные за рамки отдельных словообразовательных типов, обобщенно-мотивировочные значения образуют такие семантические единицы, которые представляют интерес как для ономастологии, так и для словообразования³¹. Одна из задач, возникающих при данном подходе, — описание синонимических словообразовательных типов и их аффиксов³².

Следует также отметить, что морфемно-семантические группы слов, объединенных на основе обобщенно-мотивировочных значений, могут быть использованы в качестве базовой единицы для лингвогеографического описания диалектного словообразования³³.

Не менее интересные результаты дает изучение слов по принципу единого обобщенно-мотивировочного значения, т. е.

зование отыменных глаголов с суффиксом *-Ø-//и(ть)*. — В сб.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.

²⁹ Такой подход фактически имеет место в статье Волоцкой З. М. «Семантическая классификация и способы образования отыменных глаголов». — В сб.: Структурная типология языков. М., «Наука», 1966, с. 167—168.

³⁰ См., например: Максимов В. И. Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах (на материале лексики псковских говоров). — В сб.: Лексика русских народных говоров. (Опыт исследования). М.—Л., 1966; Пантелеева Е. М. Образование имен существительных со значением лица (по материалам говоров Томской и Кемеровской областей). — Актуальные проблемы лексикологии. Доклады лингвистической конференции. Ч. 1. Томск, 1971; Доля Т. Г., Кривонкина М. Я. Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица в русских говорах Карельской АССР. — Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Межвузовский научный сборник. Петрозаводск, 1976; Варина С. Н. Словообразовательные типы личных имен существительных в говоре одного микрорайона Карелии. — Там же.

³¹ Ср. понятие «словообразовательной категории» в работе Улуханова И. С. «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания», с. 27.

³² См., например: Кадькалова Э. П. Границы и соотношения словообразовательных типов профессиональных и оценочных глаголов с суффиксами *-и(ть)*, *-нича(ть)*, *-ствова(ть)*; Алексеева Л. И. О некоторых аспектах взаимодействия глагольных образований на *-ить*, *-ничать*, *-ствовать* в русском языке XX века.

³³ См., например: Гердт А. С. Об общеславянском лингвистическом атласе. — «Вопросы языкознания», 1964, 3; Он же. К типологии славянского регионального словообразования. — Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Межвузовский научный сборник. Петрозаводск, 1976.

определенных морфемно-семантических групп лексики³⁴, для лексикологии (семасиологии и ономасиологии). При этом выявляются виды мотивировочных связей вторичных слов, наиболее «активные» словообразовательные образцы слов той или иной темы, устанавливаются принципы номинации для определенных пластов лексики³⁵, возможные (часто синонимичные) средства их выражения и т. п.

Обобщенно-мотивировочные значения занимают «свое место» и в лексикографии: они широко используются при составлении семантической характеристики производных слов в толковых литературных и диалектных словарях³⁶ и являются основной базой для выработки принципов толкования в мотивационных лексикологических словарях³⁷.

3. И, наконец, с термином «словообразовательное значение» связывается значение словообразовательного типа, т. е. «значение, получившее свое структурное выражение в рамках типа»³⁸. Понимаемое таким образом словообразовательное значение возникает на основе наиболее абстрактных семантических элементов суффикса, конструируемых путем «реляционной абстракции»³⁹, т. е. путем выявления объема суффиксальной семантики относительно категориальных семантических показателей производных слов. Практическая процедура определения суффиксального значения сводится к вычитанию из семантики всех производных слов данного типа «остаточных значений» и последующего извлечения из них общих семантических признаков, способных ввести в формируемую общекатегориальную семантику значение производящей единицы⁴⁰, ср. значение пассивного процесса у суффикса *-е*, вводящего адвербиальные и субстантивные производящие единицы в безобъектную глагольную семантику (*глупеть, зеленеть, борodatеть*).

³⁴ Ср.: Москальская О. И. Структурно-семантические разряды слов в составе части речи. — «Труды 3-й конференции по германистике». М., 1962.

³⁵ См., например, интересные в этом отношении наблюдения над названиями лиц по профессии в ст.: Моисеев А. И. Наименования лиц по профессии (семантические основы наименований). — «Вестник ЛГУ», 1967, № 14, вып. 3. История. Язык. Литература.

³⁶ См., например: Волоцкая З. М. Некоторые наблюдения над структурой толкования мотивированных слов. (На материале словарных статей в «Словаре польского языка» под ред. В. Дорошевского). — «Советское славяноведение», 1976, 6.

³⁷ Блинова О. И. О мотивационном словаре диалекта. — В сб.: Вопросы лексикологии, Новосибирск, «Наука», СО., 1977; Она же. Мотивационный словарь диалекта и некоторые вопросы теории. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 7. Томск, 1977.

³⁸ Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования, с. 33.

³⁹ Степанов Ю. С. Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики, с. 9.

⁴⁰ Ср.: «В данном случае мы имеем дело с явлением системы (значение аффикса), представленным в тексте различными нормативными реализаци-

Как видим, собственно суффиксальное значение определяется как независимое от лексического контекста (от конкретной производящей семантики)⁴¹, но «подчиненное» общекатегориальной семантике, выражаемой посредством грамматических аффиксов.

«Грамматическая» подчиненность суффикса выражается в том, что он создает такие словообразовательные категории, через которые производные слова естественно включаются в частеречную семантику и которые вместе с формальной стороной словообразовательных средств создают устойчивость словообразовательной системы. Видимо, именно этим и определяется системная значимость суффиксального значения.

Зависимость суффиксального значения от частеречных характеристик отражается в прикрепленности абсолютного большинства суффиксов к определенным частям речи. Только некоторые модификационные суффиксы обслуживают разные части речи (ср. *бел-еньк-ий* и *руч-еньк-а*).

Словообразовательная роль производящей семантики заключается в уточнении отвлеченного значения суффикса, в результате чего обычно создаются его конкретизированные варианты, не нарушающие суффиксального тождества. Степень отвлеченности функционального значения может быть различной, но каждый раз она должна оправдываться валентными связями системного суффиксального значения с обобщенной производящей семантикой⁴² (см., например, функционирование суффиксального значения пассивного процесса в двух конкретизированных вариантах — «станов-

ями (формантная часть значения слова)». — Улуханов И. С. Компоненты значения членимых слов. — «Вопросы языкознания», 1974, 2. О системе и норме в словообразовании см. также: Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, с. 34. Из более поздней работы: «Составной частью смысловой структуры производного являются сведения не только о денотативном значении производного, но и о его месте в системе изучаемого языка... информация о месте данной единицы в системе языка может быть охарактеризована как неявная, или имплицитная информация». — Кубрякова Е. С., Харитончик З. А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа, с. 206.

⁴¹ Ср.: «...значение аффикса может быть установлено независимо от значения мотивирующей основы». — Улуханов И. С. Компоненты значения членимых слов, с. 77.

⁴² В связи со сказанным представляется неправомерным деление суффиксов на контекстно обусловленные и независимые, контекстно не обусловленные (см.: Кубрякова Е. С., Харитончик З. А. Указ. раб., с. 225), так как даже при полной предсказуемости значения производного слова на основе «лишь одного» суффикса фактически учитывается и производящая семантика, которая в этих случаях характеризуется четко определяемыми границами и заранее включается нами в семантические показатели аффикса. Так, суффикс *-ость* потому «всегда» создает существи-

ленные» и «выявление», возникших под воздействием производящей семантики, соответственно — качественно изменяемого и внешне проявляемого признака: *добреть* и *зеленеть*). Если же таковых установить не удастся, то значит мы имеем дело с тематически ограниченной или эмоционально окрашенной группой слов внутри словообразовательного типа и дальнейшие «уточнения суффиксального значения» производятся уже не на словообразовательном, а на лексическом уровне (на уровне обобщенно-мотивировочных или единичных мотивировочных значений производных слов)⁴³. Омонимия суффиксов связана, прежде всего, с несовместимостью их «грамматических» характеристик.

Следует отметить, что суффиксальная семантика (прежде всего это касается субстантивных суффиксов) далеко не всегда поднимается до ступени реляционной абстракции, нередко представляя собой количественное обобщение «остаточных значений». Тогда словообразовательное значение совпадает с обобщенно-мотивировочным, а словообразовательный тип состоит из слов одного тематического ряда (ср., например, *убежище*, *жилище*, *хранилище*, *училище* и т. п.).

В данной работе принимается последнее, третье, толкование термина «словообразовательное значение» как наиболее полно отвечающее задаче терминологически упорядоченного описания словообразовательной системы.

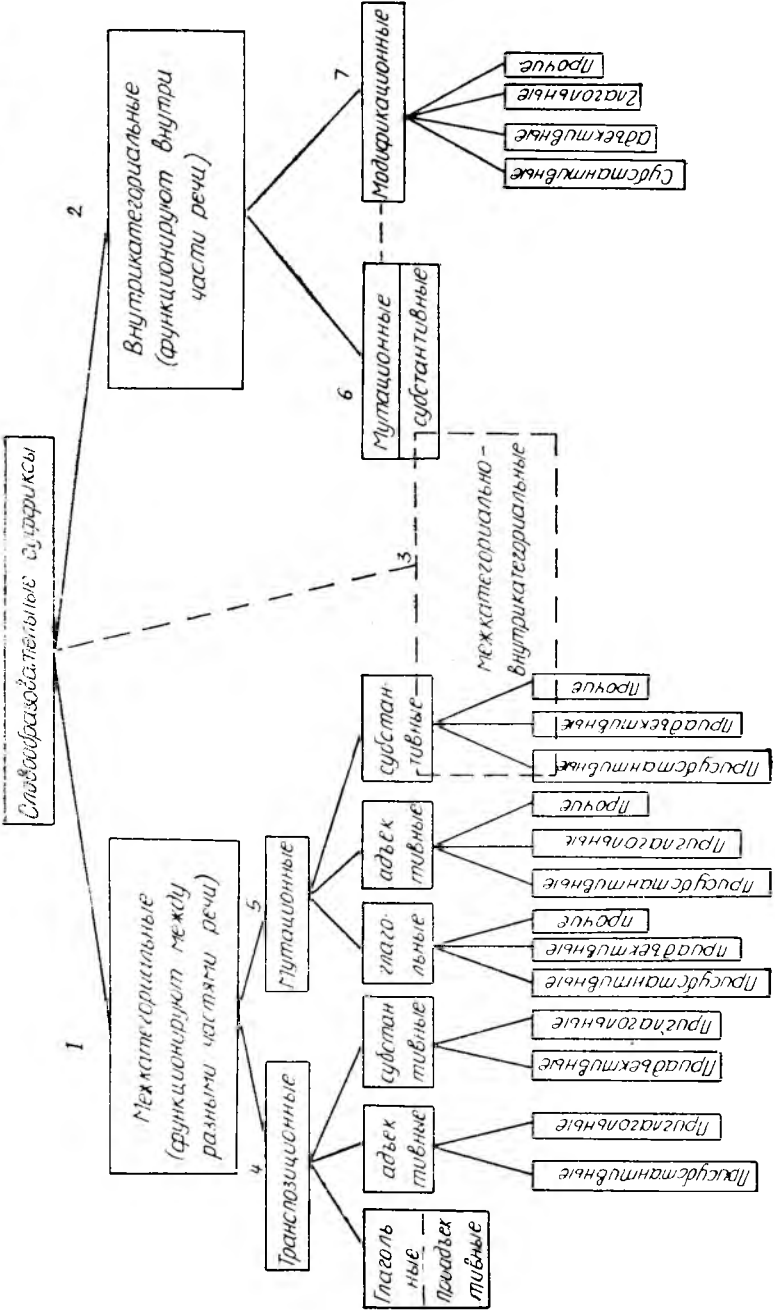
Классификация суффиксов

Если попытаться составить общую классификацию именных и глагольных суффиксов, то получится следующая картина (см. схему 7).

С точки зрения сферы функционирования суффиксы делятся на 3 большие группы: 1) межкатегориальные суффиксы, 2) внутрикатегориальные суффиксы и 3) суффиксы, функционирующие в одних и тех же значе-

тельные со значением отвлеченного признака, что в качестве производящей используется лишь признаковая семантика (прилагательных и причастий).

⁴³ И. С. Улуханов такие случаи характеризует как нормативно обусловленные. См.: О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов), с. 168—169. Иначе этот вопрос трактуется Р. С. Манучаряном, который значения «с самой различной степенью детализации» относит к лексико-словообразовательным, что, как кажется, стирает различие между лексической и словообразовательной семантикой. — См.: Манучарян Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Ереван, 1975, с. 36.

ниях как межкатегориально, так и внутрикатегориально (межкатегориально-внутрикатегориальные)⁴⁴.

Первые (1), функционируя между разными частями речи, способствуют оформлению «новой» грамматической формы слова (переводят мотивирующую единицу в другую часть речи), которое совмещается (4) с сохранением имеющегося в языке вещественного значения (транспозиционные суффиксы) или (5) с созданием нового референтного значения (мутационные суффиксы).

Транспозиционными (4) могут быть, прежде всего, субстантивные (приадекативные и приглагольные) суффиксы (например, *-ни[ʃ]*-: *подтягивание*; *-ость*: *мудрость*), а также глагольные (приадекативные) и адъективные (присубстантивные и приглагольные) суффиксы (см. *-е-*: *болеть, зеленеть где-либо*; *-н-* *лесной*; *-л-*: *горелый*)⁴⁵; мутационными (5) могут быть в равной мере суффиксы всех частей речи, при полном использовании всего многообразия мотивирующих единиц (*-к-*: *ответка*; *-аст-*: *глазастый*; *-ирова-*: *пилотировать*; *-и-*: *острить*).

Вторые (2), «сохраняя» общекатегориальный статус (принадлежность к части речи) мотивирующей единицы, создают новое референтное значение (мутационные суффиксы) (6) или лишь видоизменяют вещественное значение или какие-либо лексико-грамматические показатели мотивирующего слова (модификационные суффиксы) (7). Граница между данными суффиксальными значениями очень подвижна (на схеме это обозначено пунктирной линией).

Внутрикатегориальными мутационными (6) могут быть только субстантивные суффиксы (*-чик-*: *пулеметчик*), что объясняется самим характером субстантивных значений, которые отражают объективные субстанции, способные через признаки и действия вступать в различного рода взаимные отношения.

Модификационные суффиксы (7) наблюдаются в любой части речи (*-ик-*: *домик*; *-еньк-*: *хорошенький*; *-ечко-*: *немножечко*; *-ыва-*: *рассказывать*).

⁴⁴ Термины «межкатегориальный», «внутрикатегориальный» и «межкатегориально-внутрикатегориальный» заимствованы нами из статьи И. С. Улуханова «Значения словообразовательных аффиксов и части речи мотивирующих слов» (с. 62) и употребляются в том же значении. Термины «транспозиционный», «модификационный» и «мутационный» можно встретить в работах разных лингвистов, и каждый раз они наполняются особым содержанием. Наше толкование этих терминов дается в тексте работы.

⁴⁵ Подробное описание данного явления в русском языке, называемого вслед за Е. Куриловичем «синтаксической деривацией», дано в работе: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 185—191.

«Смешанную» группу (3) составляют лишь субстантивные суффиксы мутационного назначения, создающие предпосылки для лексико-грамматического преобразования исходного слова при меж- и внутрикатегориальном функционировании (например, суффиксы *-ак*: *чужак, гусак, лежак*; *-ач*: *лихач, ткач, циркач*; *-ист*: *пейзажист, субъективист*; *-ун*: *молчун, слепун*; *-чик*: *газетчик, ответчик*).

Эта группа не является принципиально новой по сравнению с двумя первыми (в схеме она отмечена пунктирной линией), так как каждый из ее суффиксов может быть отнесен к первой или второй группе без нарушения основного принципа их выявления. Состоящая из субстантивных суффиксов, она лишь еще раз (ср. выделение мутационных субстантивных суффиксов во внутрикатегориальной группе) подчеркивает специфику субстантивного словообразования.

Некоторые адъективные суффиксы (*-оват-*, *-ист-*, *-ав-*) также могут функционировать «одновременно» внутри одной части речи и между разными частями речи, однако в отличие от субстантивных суффиксов они в разных сферах выступают в разных своих значениях.

Если в отсубстантивных и отглагольных образованиях эти суффиксы означают «обладающий (чем)», «содержащий (что)» (например, *кочковатый, суковатый, дуплистый, растратистый; кровавый, кудрявый*), или «такой, как (кто, что)» (словообразовательная метафора, см.: *мешковатый, звероватый; пружинистый, ершистый*), то в отадъективных производных они указывают на малую степень проявления признака (*беловатый, грубоватый; чернявый, пухлявый*).

Приадъективное употребление суффикса *-ист-* является таковым только формально, по смыслу прилагательные на *-ист(ый)* мотивируются существительными, лежащими в основе производящих прилагательных: *сернистый* 'содержащий серу', *песчанистый* 'содержащий песок'⁴⁶, суффикс *-ист-*, следовательно, имеет значение «содержащий (что)».

Все это заставляет нас указанные адъективные суффиксы в зависимости от их значений рассматривать в межкутегориальной или внутрикатегориальной группе.

Предложенная классификация, разумеется, не является полностью новой⁴⁷. Для нас было важно подчеркнуть зави-

⁴⁶ АГ-70, с. 208.

⁴⁷ См.: Земская Е. А. Классификация словообразовательных типов. — В кн.: Современный русский язык. Словообразование; Улуханов И. С. Значение словообразовательных аффиксов и части речи мотивирующих единиц, с. 61—62. Ср. также классификации дериватов, построенные по принципу функциональной специфики форманта, в работах: Brodowska-Hopowska M. Zaręys klasyfikacji polskich derywatów. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967, s. 10—17; Grzegorzycykowa R. Problemy dyskusyjne w nauczaniu słowotwórstwa opisowego. — В кн.: Problemy

симость различных видов суффиксального значения от внутрикатегориального или межкатегориального функционирования суффикса, а также от характера соотношения между производящей и производной единицами.

Основное внимание в работе обращается на вопрос о суффиксальном значении и семантическом варьировании в пределах суффиксального тождества. Проблема омонимии суффиксов автором специально не изучалась. Этим определяется выбор суффиксальных групп для более подробного их описания. В данной главе рассматриваются суффиксы межкатегориальной и внутрикатегориальной словообразовательной сферы.

II. СУФФИКСЫ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

Функционирование суффикса в межкатегориальной словообразовательной сфере, когда происходит «переход слова» из одной части речи в другую, предполагает способность первого выражать, как минимум, общекатегориальное значение предметности, процессуальности или атрибутивности⁴⁸. Следует учесть также, что введение нового слова в ту или иную часть речи возможно только через те категории, которые характеризуют и оформляют ее. Собственно грамматические категории, как известно, выражаются с помощью таких грамматических средств, как окончания и формообразующие суффиксы. Если же категории носят лексико-грамматический характер, то они должны выражаться с помощью словообразующих средств. Тогда на смысловой минимум суффикса, естественно, накладываются конкретизирующие элементы семантики, позволяющие наряду с собственно грамматическими средствами представить слово в соответствующей языковой форме⁴⁹.

Можно было бы предположить, что чем богаче и разнообразнее система лексико-грамматических категорий пополняемого класса слов, тем органичнее должна быть связь

współczesnego słowotwórstwa a dydaktyka uniwersytecka. Wyd. uniwersytetu warszawskiego. Warszawa, 1972, s. 85—86.

⁴⁸ Ср.: «...функциональная нагрузка, выполняемая деривационным средством, ...пронстает из структуральной функции деривата. Если глагол преобразуется в существительное, то и семантический вклад носит характер «предметный». — Вгодоўска-Ноповска М. Указ. раб., с. 86. См. также: Мурясов Р. З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи, с. 131.

⁴⁹ Ср.: «Новая категориальная сема сообщает слову новые тенденции развития его семантической структуры...» — Мурясов Р. З. Указ. раб., с. 131.

между суффиксальной семантикой и содержательной характеристикой той лексико-грамматической категории, в форме которой предстает создаваемое слово.

Однако лексико-грамматические категории разных частей речи очень специфичны как по связи с грамматическими категориями и между собой, так и по средствам выражения. Говорить о совпадении семантических границ суффикса и конкретных лексико-грамматических категорий производных слов не приходится, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, потому, что лексико-грамматические различия могут выражаться необязательно с помощью словообразовательных суффиксов, но и с помощью иных грамматических средств (ср., например, отсутствие формы мн. числа у вещественных и собирательных существительных), и, во-вторых, потому (и это главное), что лексико-грамматические категории, особенно у глаголов и существительных, тесно переплетены между собой, являясь одна по отношению к другой и семантической основой, и своеобразной формой проявления.

Глагольные суффиксы

1. Значение глагольных суффиксов находится в известной зависимости от характера лексико-грамматических и грамматических категорий глагола и их взаимоотношения. Разностороннее изучение глагола, и в первую очередь, его видовых характеристик, позволило ученым прийти к заключению, что «категория вида находится в тесном взаимодействии с категорией времени, залога, наклонения»⁵⁰. Для словообразования особенно интересна связь категории залога и вида, так как обе категории выражаются с помощью аффиксов, способных выполнять одновременно формообразующую и словообразующую функцию.

Взаимосвязанность данных двух категорий утверждается давно⁵¹, однако до полного выяснения сложной картины их взаимодействия еще далеко. Применительно к переходным глаголам общий принцип указанного взаимодействия раскрывается в следующем тезисе: «категория залога выражает агентивно-пациенсную направленность действия на до-

⁵⁰ Мучник И. П. О значениях видов русских глаголов.— «Русский язык в школе», 1946, 5—6, с. 167. См. также: «В современном русском глаголе категории наклонения, времени и вида очень тесно связаны... категория вида сплетается и с категорией залога».— Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, с. 606.

⁵¹ См. ссылку В. В. Виноградова на работу А. Будиловича 1883 г. «Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков» (Варшава) в кн.: Русский язык. Грамматическое учение о слове, с. 606.

стижение внутреннего предела либо реализованную предельность, основанную на агентивно-пациентских отношениях»⁵².

При таком понимании залога и его отношения к виду общим смысловым стержнем данных категорий следует признать сему «активности действия», а точнее — «агентной активности», обуславливающей воздействие агенса на пациенс и достижение в результате этого воздействия внутреннего предела действия.

«Активность действия» представляет собой сложное понятие. Еще А. М. Пешковский отметил различие глаголов по их способности обозначать действие и недействие, подчеркнув, что действие могут совершать «только живые существа», так как они «движутся по своей воле, произвольно»⁵³, т. е. активность действия А. М. Пешковский прямым образом связывал с активностью субъекта (агенса) действия⁵⁴. Позже выявляется связь признака «активность действия» с наличием объекта при глаголе⁵⁵, устанавливается зависимость словоизменительной парадигмы от степени активности глагола⁵⁶.

Однако для нас наибольший интерес представляют работы, в которых компоненты «активность», «неактивность» рассматриваются непосредственно в плане изучения таких глагольных категорий, как вид и залог. Так, Ю. С. Маслов, разграничивая явления, обозначаемые глаголом, на «действие (изменение, становление)» и «недействие (состояние, статическое отношение)», отмечает, что основания для деления глаголов на две указанные группы «лежат отчасти в области залоговых отношений (активность/неактивность субъекта, зависимость/независимость от его воли), но, наряду с этим, также и в сфере аспектуальности: противопоставление динамики и статики, изменения во времени и неизменности становления и пребывания...»⁵⁷.

⁵² Соколов О. М. К семантической характеристике глагольного слова.— Материалы межвузовской конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5. Лингвистика. Томск, 1972, с. 115.

⁵³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6, М.—Л., 1938, с. 97.

⁵⁴ Субъект в этом случае понимается как выраженный в языке носитель действия, состояния, признака в денотативной ситуации.—См.: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 27.

⁵⁵ См., например: Мартынов В., Шуба П., Ярмош М. Опыт за семантична класификация на руския глагол. — «Език и литература». София, 1965, 3, с. 63—64.

⁵⁶ Е. И. Шендельс, например, на материале немецкого языка показал, что переходные глаголы обладают наиболее полным набором словоизменительных форм, а непереходные — наименьшим их числом, особенно глаголы с неличным субъектом, безличные и модальные. См. его кн.: Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, с. 11—12.

⁵⁷ Маслов Ю. С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида. —

Более подробно вопрос о связи семантических признаков «активность», «неактивность» с лексико-грамматическими категориями глагола (в частности, с глагольным видом) рассматривается в монографии Н. С. Авиловой «Вид глагола и семантика глагольного слова»⁵⁸. Активность — неактивность глаголов в этой работе характеризуется как прямое условие, определяющее особенности видовых пар. По наблюдениям исследователя, все неактивные глаголы, кроме глаголов «изменения состояния субъекта» типа *слабеть — ослабеть, расти — вырасти*, «являются глаголами абсолютно несовершенного вида»⁵⁹. Активные глаголы со значением «события», «изменения» могут иметь парный по виду глагол. «С одной стороны, это объектные глаголы: действие достигает своего предела, переходя на объект, воздействуя на него; с другой стороны, действие остается в сфере субъекта, оно достигает своего предела, не переходя на объект»⁶⁰. Глаголы, которые называют «лишь сам процесс активного действия, не стремящегося ни к какому изменению или пределу», являются одновидовыми глаголами несовершенного вида⁶¹.

Как видим, активность — неактивность глаголов в значительной мере предопределяет их способность к видовой корреляции, хотя абсолютного соответствия здесь установить не удастся. Последнее может быть воспринято как вполне закономерное явление, если учесть, что активность и неактивность являются наиболее общими характеристиками глагольного действия⁶², имеющими силу не только в видовых но и залоговых отношениях глагола. С этой точки зрения активность противопоставляется неактивности как такое качество глагольного действия, которое обуславливает возможность воздействия субъекта на объект (агенса на пациенс), в то время как глаголы неактивного процесса такой способностью не обладают. Именно поэтому в поисках способов взаимодействия вида и залога аспектологи обращаются

«Советское славяноведение», 1973, 4, с. 75. См.: Он же. Из проблематика на съоставителна аспектология. — «Език и литература», 1976, 6.

⁵⁸ Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., «Наука», 1976.

⁵⁹ Там же, с. 16.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² См. интерпретацию этого явления в связи с выяснением характера отношений между глагольной семантикой и значением предложений в работах: Dapěš Fr. Pokus o strukturní analýzu slovesných významů. — «Slovo a slovesnost», 1971, 3; Он же. K struktuře slovesných významů. — «Jazykovedné štúdie», 12. Peciarov sborník. Bratislava, 1974; см. также об оппозиции «активность — пассивность» в работе: Doroszewski W. Uwagi o mechanizmie ewolucji języka. — В кн.: Studia a szkice językoznawcze. Warszawa, 1962, s. 224.

к группе глаголов, обладающих свойством направленности действия на результат, материализованный в виде определенного объекта⁶³. Рассматриваемый в данном ракурсе признак активности оказывается шире глагольной переходности, так как отмечается как у прямо переходных, так и у косвенно переходных глаголов⁶⁴. Отсюда можно заключить, что деление глаголов на переходные и непереходные не вскрывает всего разнообразия субъектно-объектных связей, проявляющегося при установлении как видовых, так и залоговых⁶⁵ оппозиций. Представляется, что следует говорить о неодинаковой степени активности субъекта — а это, несомненно, связано с триадой «лицо — живой предмет — неживой предмет», и о разной способности объекта подвергаться воздействию субъекта, что не может не отразиться на качественной характеристике результативности как компонента глагольной семантики⁶⁶. Не вдаваясь в подробное исследование данных вопросов, отметим, что активность и неактивность действия являются одними из основополагающих признаков глагольной семантики и потому естественно ожидать, что они найдут прямое или косвенное отражение в словообразовательных значениях.

Анализ производных глаголов показал, что активность — неактивность (пассивность) являются теми смысловыми компонентами, которые находят место в семантике суффиксов отыменных глаголов. Значением активного процесса обладают суффиксы *-и-*, *-ова-/ирова-/изирова-*, *-нича-*, *-ствова-*, *-а1-* (*синить*, *рыбачить*, *утюжить*; *гипнотизировать*, *лютовать*; *бродяжничать*, *фамильярничать*, *жадничать*; *любопытствовать*, *свиристовать*; *седлать*, *пеленать*, *ровнять*); значением пассивного процесса — суффиксы *-е-*, *-а2-*, *-ну-* (*чернеть*, *добреть*; *ветшать*, *мельчать*, *дичать*; *мокнуть*). Суффиксы *-а1-* и *-а2-*, отражающие противопоставление глаголов по признаку ак-

⁶³ См.: Соколов О. М. К семантической характеристике глагольного слова.

⁶⁴ Например, в указ. статье В. Мартынова, П. Шубы, М. Ярмоща активность как смысловой компонент выделяется в глаголах следующих групп: 1) *держать*, *дарить* и т. п.; 2) *брать*, *толкать* и т. д.; 3) *косить*, *строить* и др.; 4) *торговать*, *командовать* и т. п. (см. с. 63—64). Из них глаголы первых трех групп являются прямо переходными, а глаголы четвертой группы могут иметь при себе косвенный объект.

⁶⁵ См.: Королев Э. И. О залогах русского глагола.— В сб.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 205.

⁶⁶ В этой связи представляют интерес статьи Ю. С. Степанова под общим заголовком «Вид, залог, переходность». См.: «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. 35, 1976, 5; т. 36, 1977, 2. Данный вопрос обсуждается также и в узкоспециальных работах. См.: Соколов О. М. О специфике глагольной семантики.— В сб.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Вып. 1. Томск, 1976; Лебедева Н. Б. О семантике возвратных глаголов (взаимосвязанность предельности и направленности на объект).— Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 7. Новосибирск, 1978.

тивности — неактивности, с нашей точки зрения, должны быть признаны омонимичными⁶⁷. Показательно, что в синонимические связи вступают, с одной стороны, словообразовательные типы с суффиксами *-и-*, *-ова-*, *-нича-*, *-ствова-*, *-а1-*, с другой — с суффиксами *-е-*, *-а2-*, *-ну-*⁶⁸. Основой синонимических отношений является сема активности или сема пассивности процесса. Взаимоисключающий характер этих двух значений не допускает синонимических связей между словообразовательными типами первой и второй групп.

Тем не менее можно заметить, что существуют такие виды словообразовательных значений, через которые происходит сближение деривационных структур с суффиксами активного и пассивного процесса и которые лишней раз свидетельствуют о том, что прямое соответствие между языковой формой и содержанием отсутствует⁶⁹ и на словообразовательном уровне. Это сближение возникает в семантической сфере проявления каких-либо свойств или состояний предмета, не требующего установления активности или пассивности носителя процессуального признака или состояния⁷⁰. В рамках словообразовательных значений указанная семантика обычно выражается формулой «быть кем, каким» (ср. *плутовать*, *острить*, *глупить*, *сутяжничать*, *бодрствовать* и *хромать*, *болеть*). Однако и здесь глаголы активного и пассивного процесса ведут себя не совсем одинаково. У глаголов с суффиксами активного процесса значение проявления как бы накладывается на семантику действия, сохраняющуюся в виде подтекста, который объясняет появление соответствующего свойства (действие приводит к результату в виде определенного признака или состояния). Полная нейтрализация агенсной активности наблюдается, как кажется, лишь в тех случаях, когда лексическое значение вступает в противоречие с суффиксальной семантикой (ср. *тосковать*, *безумствовать*, *важничать*), где производящие единицы *тоска*, *безумный*, *важный*, обозначают такие явления, которые обычно возникают без целенаправленного участия субъекта или, как свойство «важный», являются результатом оценки «со стороны».

Что касается глаголов с суффиксами неактивного процесса, то у них семантика «проявление свойства» в том или ином ее варианте может выступать как самостоятельное словообразовательное значение: см. значение проявления призна-

⁶⁷ В АГ-70 эти суффиксы, не считаются омонимичными (см. с. 242).

⁶⁸ Там же, с. 246.

⁶⁹ Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц. — В сб.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

⁷⁰ По классификации Фр. Данеша, это статические ситуативные глаголы (*белеться*, *лежать*). — См.: Daněš Fr. Pocus o strukturni analýzu slovesných významů, s. 194.

ка у глаголов *болеть, робеть, вдоветь* и значение выявления признака у глаголов *зеленеть, белеть, синеть* («Синеет в траве колокольчик». А. Сурков)⁷¹.

2. Семантика активного процесса, присущая суффиксам *-и-, -ова-, -а₁-, -нича-, -ствова-*, способствует проявлению в глагольном значении разнообъектной направленности. Одним из видов таких глаголов являются переходные глаголы.

Суффиксов, которые бы специализировались на создании переходных глаголов, в русском языке не существует. И хотя одни суффиксы (например, *-и-, -а₁-, -ова-* чаще используются для образования переходных глаголов, а другие (*-нича-, -ствова-*) — для образования непереходных глаголов, в принципе каждый из этих суффиксов способен создавать и переходные и непереходные глаголы. Непосредственную связь переходность — непереходность глагола имеет с лексико-словообразовательным значением (со значением словообразовательного подтипа), а последнее, как известно, зависит не только от суффикса, но еще и от производящей семантики. При этом раскрывается следующая картина: прилагательные со значением признака, способного развиваться под влиянием извне, а также существительные, обозначающие орудие, средство, материал, результат, реже — лицо действия, как правило, мотивируют переходные глаголы; напротив, прилагательные со значением качественного (изменяемого) признака, существительные лица, а также свойства, места, времени обычно мотивируют непереходные глаголы.

Предложенное здесь описание связей значения переходности — непереходности со словообразовательной семантикой не является общепринятым, поэтому представляется необходимым на данном вопросе остановиться несколько подробнее.

Мысль о том, что значение переходности — непереходности связано со словообразовательными типами глаголов, была неоднократно выражена в лингвистической литературе⁷². Стремясь к ее конкретизации, языковеды пытались определить формальные признаки, свидетельствующие о зависимости между рассматриваемыми языковыми категориями. Были сделаны попытки установить те виды деривационных глагольных моделей, которые однозначно соотносятся с пере-

⁷¹ МАС, т. 4.

⁷² Ср. следующие высказывания: «Переходность и непереходность глаголов в известной мере связаны... с некоторыми особенностями словообразования...» (Современный русский язык. Морфология. Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., МГУ, 1952, с. 335), «...само это синтаксическое свойство глаголов связано с их морфологическим строением» (Грамматика русского языка, ч. 1, АН СССР, М., 1953, с. 414); «Деление глаголов на переходные и непереходные в сильной степени связано с лексическими значениями глаголов, с их словообразовательными типами» (Галкина-Федорук Г. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский литературный язык. М., Учпедгиз, 1958, с. 279) и др.

ходностью или непереходностью глагола⁷³. При этом выявилось, что наиболее надежно с тем или иным словообразовательным типом связана непереходность глагола. Так, словообразовательные модели с суффиксами *-е-, -ну-, -а₁-,-ствова-, -нича-* дают только непереходные глаголы (*краснеть, мокнуть, крепчать, упорствовать, столярничать*)⁷⁴.

Что касается переходных глаголов, то в отношении их не существует единого мнения. Одни исследователи полагают, что переходность непосредственно связана с отадективным глагольным суффиксом *-и(ть)*⁷⁵; другие находят, что «почти сплошь переходными» являются глаголы на *-ить*, образованные как от прилагательных, так и от существительных⁷⁶; третьи высказываются более осторожно, утверждая, что переходность у глаголов связана «с их лексическим, а также отчасти с их морфологическим строением»⁷⁷. В «Грамматике современного русского литературного языка» отмечается, что «переходность — непереходность глагола может быть связана с его словообразовательной структурой»⁷⁸.

Для приведенных высказываний характерно указание на общую схему зависимости переходности — непереходности глагола от его деривационной структуры, не дающую, однако, достаточно глубокого представления о содержательной стороне данного взаимоотношения.

Более конкретно и вместе с тем разноречиво характеризуются переходные глаголы с суффиксом *-ить*. Они привлекают внимание своей способностью соотноситься с непереходными глаголами на *-еть*, что создает благоприятные условия для изучения поставленного вопроса. Этой же причиной объясняется обращение к данным группам глаголов и в настоящей работе.

Общность мотивирующей базы у отыменных глаголов на *-ить*. и на *-еть* приводит к тому, что многие из них организованы в пары с одинаковым корнем и разными суффиксами. Это глаголы: *багрянеть — багрянить, белеть — белить, богатеть — богатить, веселеть — веселить, горячить — горячить, грязнеть — грязнить, густеть — густить, дырять — дырять, желтеть — желтить, зеленеть — зеленить, злеть — злеть, косматеть — косматить, криветь — кривить, круглеть —*

⁷³ См. указ. работы, а также: Грамматика современного русского литературного языка. М., АН СССР, 1970, с. 350—351.

⁷⁴ См.: Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., Учпедгиз, 1958, с. 279; Галкина-Федорук Г. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский литературный язык, с. 336; Современный русский язык. Морфология. МГУ, с. 336; Грамматика современного русского литературного языка, с. 351.

⁷⁵ Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, с. 279

⁷⁶ Современный русский язык. Морфология. МГУ, с. 335.

⁷⁷ Грамматика русского языка. Ч. 1. 1953, с. 414.

⁷⁸ Грамматика современного русского литературного языка, с. 351.

кружить, леденеть — леденить, мелеть — мелить (мельчить), чертветь — мертвить, молодеть — молодить, мохнатеть — мохнатить, мрачнеть — мрачить, мутнеть — мутить, пестреть — пестрить, пьянеть — пьянить, ржаветь — ржавить, румянеть — румянить, рыхлеть — рыхлить, светлеть — светлить, синеть — синить, стареть — старить, темнеть — темнить, теплеть — теплеть, трезветь — трезвить, тупеть — тупить, тяжелеть — тяжелеть, хмелеть — хмелить, чернеть — чернить, черстветь — черствить, шершаветь — шершавить и некоторые другие. Протипоставленные суффиксально, они оказываются противопоставленными и по переходности — непереходности. На этом основывается утверждение о том, что у подобных глаголов переходность и непереходность выражается не только синтаксически, но еще и морфологически, с помощью суффиксов *-и-* и *-е-*.

В самом деле, данная оппозиция способна резко обнажить различительные признаки глаголов, противопоставленных по переходности — непереходности. И если на эти различия не накладывается никаких других особенностей деривационной семантики, то переходность и непереходность глаголов может быть непосредственно и однозначно связана с суффиксами *-и-* и *-е-*. Однако анализ языкового материала не подтверждает правильности этого положения.

Следует отметить, что далеко не все отаждективные глаголы способны вступать в указанную оппозицию. Большое количество глаголов на *-еть* (*багроветь, беднеть, взростеть, грузнеть, грустнеть, деревенеть, добреть, дурнеть, жаднеть, жидеть, жиреть, здороветь, краснеть, крупнеть, леветь, лысеть, махроветь, милеть, наглеть, неметь, плешиветь, плотнеть, подлеть, постылеть, пошлеть, праветь, прочнеть* и др.) и глаголов на *-ить* (*дерзить, виноватить, горчить, картавить, свинячить, писклявить, фальшивить, шепелявить* и др.) не организованы в подобные пары. Рассмотренный нами материал позволил выделить лишь немногим более 40 глагольных противопоставлений.

Идеальным условием для выявления сущности исследуемой оппозиции является полная соотнесенность между лексическими значениями глаголов, что возможно тогда, когда оба глагола мотивируются одним и тем же лексико-семантическим вариантом базового прилагательного⁷⁹. Поэтому разносуффиксальные объединения, которые, хотя и состоят из однокоренных слов, но не образуют подобной лексической

⁷⁹ См.: «Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». — Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., Перевод с немецкого. Изд. иностр. лит. 1960, с. 75.

соотносительности (ср.: *полнеть* 'становиться полным' и *полнить* 'создавать впечатление большей, чем есть, полноты'; *толстеть* 'становиться толстым' и *толстить* 'придавать вид толстого человека' и др.), для анализа не привлекались.

Так как формальным показателем приведенных выше глагольных пар является различие в суффиксах, важно установить те признаки, за счет которых происходит дифференциация суффиксальных значений. Если учесть, что суффикс *-е-* оформляет значение «действие пассивного субъекта», а суффикс *-и-* — «действие активного субъекта», то становится явным главное деривационное противопоставление рассматриваемых глаголов: их противопоставление по признаку активности — пассивности субъекта действия. Каким образом суффиксальные значения способствуют формированию категории переходности — непереходности?

В то время, как значение пассивного субъекта всецело предопределяет непереходный характер глагола (см. глаголы с суффиксом *-е-*), активность субъекта не находится в обязательных связях с глагольным значением переходности. Последнее подтверждается тем фактом, что между однокорневыми лексемами на *-еть* и на *-ить* не всегда создаются отношения противопоставленности по переходности — непереходности, например: *глупеть* — *глупить*, *грубеть* — *грубить*, *дешеветь* — *дешевить*, *дуреть* — *дурить*, *кислеть* — *кислить*, *мерзеть* — *мерзить*, *мудреть* — *мудрить*, *хитреть* — *хитрить*, *шалеть* — *шалить* и др. Как видим, глаголы на *-ить*, образующие второй компонент пар, как и глаголы на *-еть*, характеризуются непереходностью.

Вообще непереходность глаголов на *-ить* отадъективного образования в русском языке явление не единичное (из 66 отадъективных глаголов на *-ить* 49 являются переходными и 17 непереходными⁸⁰). Показательно, что глаголы на *-ить*, не вступающие в пары с глаголами на *-еть*, являются, как правило, непереходными (см. примеры выше).

Важно отметить, что совпадение глаголов на *-еть* и на *-ить* по непереходности тем не менее не означает их полного отождествления, так как они различаются, прежде всего, своей словообразовательной семантикой: глаголы на *-еть* выражают становление признака, а глаголы на *-ить* означают «делать что-либо, характеризуемое признаком».

⁸⁰ В связи с этим вряд ли можно целиком согласиться с утверждениями следующего характера: «Всегда переходными являются глаголы, образованные от прилагательных с суфф. *-и-*: *белить* стены...» (Гвоздев А. Н. Указ. раб., с. 279); «...отыменные глаголы с суфф. *-и(ть)* (*темнить*, *золотить*) пополняют число переходных глаголов» (Галкин а - Федорук Г. М. и др. Указ. раб., с. 336).

Следовательно, прямая и обратная связи между значениями переходности — непереходности и активности — пассивности субъекта действия не накладываются друг на друга⁸¹. Можно только утверждать, что значение действия пассивного субъекта всегда совмещается со значением непереходности, а значение переходности всегда накладывается на значение действия активного субъекта, но не наоборот, обратной зависимости в языке не существует.

Все это говорит о том, что переходность или непереходность глагола связана с его словообразовательным суффиксом лишь опосредствованно, через значение словообразовательного типа и его подтипов, и потому нет оснований говорить о прямом морфологическом ее выражении. Это относится и к глаголам на *-ить-*, противопоставленным по переходности однокорневым глаголам на *-еть*.

3. Переходя к семантическому описанию глагольных суффиксов каждой группы в отдельности, нужно заметить, что практически таковое было дано в предыдущей главе при анализе явления непосредственной деривационной трансформируемости. Вследствие этого в данном и следующем подразделах значения глагольных суффиксов будут охарактеризованы постольку, поскольку это необходимо для иллюстрации тех положений, которые были высказаны в начале данной главы. Обратимся к описанию суффиксов активного процесса *-и-*, *-ова-*, *-нича-* и др. Отадъективные глаголы с суффиксом *-и-*, как отмечалось, имеют два лексико-словообразовательных значения: 1) «наделять признаком (кого, что)» и 2) «реализовывать что-либо, характеризующее признаком».

В первом случае суффиксальное значение сочетается с семантикой признака, способного развиваться под влиянием извне, что обеспечивает расщепление понятия носителя признака и источника проявления признака, а это, в свою очередь, составляет основу для расчлененного выражения семантики агенса и пациенса действия (*злить, синить* кого, что). Суффикс *-и-* приобретает функционально закрепленное значение каузирования («наделять кого, что»); значение словообразовательного подтипа — «наделять признаком кого, что». И как результат всего этого — переходность производного глагола.

⁸¹ См., например, деление всех отыменных глаголов на 2 группы: 1) глаголы на *-ить*, *-овать*, *-ничать*, *-ствовать*, *-ать*₁ и 2) глаголы на *-еть*, *-нуть*, *-ать*₂, которое не отражает противопоставленности глаголов по переходности — непереходности, но совпадает, с нашей точки зрения, с разграничением глаголов активного и неактивного процессов. — Г р а м м а т и к а современного русского литературного языка, с. 245—246.

Во втором случае производящей является семантика словосочетания «прилагательное + неодушевленное существительное» («что-либо, характеризующее признаком»): *частые визиты — частить; глупые поступки — глупить*. В этих условиях суффикс конкретизируется до значения осуществления, проявления, реализации. При этом значение существительного формирует объектную сему глагола, в результате чего возникает лексико-словообразовательное значение «осуществлять, проявлять что-либо, характеризующее признаком» (кратко «реализовать что-либо с признаком»). Отсюда — непереходность глагола.

Глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, также могут быть переходными (*мотыжить, бороться, солить, страшить*) и непереходными (*рыбачить, бригадирить, партизанить, слесарить; семафорить, пружинить; базарить*).

Переходные глаголы обычно мотивируются названиями конкретных предметов, указывающих на результат действия или с помощью которых совершается действие (*шелушить, мотыжить, бороться, крахмалить, солить*). Средства, орудия, результат действия — все это свидетельство его активного характера, «подтверждаемого» способностью глагола сочетаться с винительным падежом без предлога.

У непереходных глаголов активность процесса другого выражения, кроме суффикса, не имеет. Они создаются за счет существительных со значением лица и реже — предмета (*бригадирить, партизанить, семафорить, пружинить*) или места (*базарить*), и их типизированная семантика может быть определена как «совершать действие, свойственное лицу, предмету» или «совершать действие, обычное для данного места».

Во всех отсубстантивных глаголах суффикс *-и-* функционирует в значении активного действия. Как видим, конкретизации суффиксальной семантики не происходит, что объясняется неспособностью большинства существительных формировать сущностные компоненты процессуального значения, они указывают лишь на уточняющие, часто обстоятельственные его показатели.

Подобную же картину образуют глаголы с суффиксами *-ова-* и *-а₁-*, которые могут быть как переходными (например, отадективные: *яровизировать, активизировать*; отсубстантивные: *скирдовать, кристаллизовать, глазурировать, пломбировать, седлать, пятнать*), так и непереходными (например, отадективные: *лютовать, хромать*; отсубстантивные: *пилотировать, иллюзовать, костылять, зимовать*). Но если тип глаголов на *-ить* продуктивен, «особенно в разговорной речи и просторечии», то типы глаголов на *-ать*, отмечаемые в той же сфере, непродуктивны, а глаголы на

-озать (-изовать/-ировать/-изировать) наиболее широко распространены в научно-технической терминологии⁸².

Остальные глагольные суффиксы активного процесса специализируются на создании глаголов «более узкого профиля». Так, глаголы на *-ничать* мотивируются существительными со значением лица или животного и качественными прилагательными и соответственно означают «совершать действие, свойственное лицу или животному» (см. *сапожничать, озорничать, сводничать; попугайничать, обезьянничать*) или «совершать что-либо, характеризующееся признаком» («проявлять признак») (*подличать, жадничать, оригинальничать*; сюда же примыкают глаголы, мотивируемые существительными со значением свойства: *малодушничать*).

Глаголы с суффиксом *-ствова-* мотивируются качественными прилагательными и существительными со значением свойства, занятия и т. п. и обладают словообразовательным значением «активно проявлять, реализовывать что-либо»: *усердствовать, злобствовать, владычествовать, директорствовать, губернаторствовать*. Объединение всех глаголов на *-ствова(ть)* в одном словообразовательном типе возможно потому, что мотивирующие единицы, несмотря на принадлежность к разным частям речи, обладают одним общим производящим значением — значением свойства. Даже тогда, когда глагол мотивируется существительным лица, производящей является признаковая семантика, заключенная в значении этого существительного (*фашист—фашиствовать*).

В силу указанной особенности мотивирующей семантики глаголы на *-ничать* и *-ствова(ть)*, как правило, непереходные: суффиксы же в обоих случаях имеют значение «активного процесса». Кроме того, по наблюдениям Н. С. Авилловой, суффиксы *нича(ть)* и *-ствова(ть)* делают глаголы «резко отличительными в обозначении одновидового характера действия»⁸³, но и эта связь (суффиксального и видового значений) осуществляется через посредство словообразовательного значения⁸⁴.

Однако строгой закреплённости суффиксов за ограниченным кругом мотивирующих единиц не наблюдается, как нельзя установить и однозначной связи между суффиксом и лексико-словообразовательными значениями производных глаголов. Можно отметить «выходы» за пределы наиболее

⁸² АГ-70, с. 232, 237, 242.

⁸³ Авиллова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова, с. 97.

⁸⁴ По существу, это отмечает и Н. С. Авиллова. Ср.: «Таким образом, часть активных одновидовых глаголов несов. вида имеет формальную словообразовательную характеристику своего семантического типа, что делает эти глаголы маркированными и в семантическом отношении...» — Там же.

распространенного вида мотивирующих единиц в каждом глагольном типе (см., например, переходные глаголы с суффиксом *-ствова-*: *совершенствовать, чествовать*). Основой такой «неустойчивости» рассматриваемых глагольных типов является общность их суффиксальной семантики.

4. Значением пассивного процесса обладают суффиксы отыменных глаголов *-е-*, *-а₂-*, *-ну-* (*светлеть, мельчать, сохнуть*). Наиболее показательны особенности функционирования продуктивного суффикса *-е-*.

Благодаря функциональной приспособляемости, суффикс *-е-* может связываться с различным кругом мотивирующих единиц, что приводит к образованию разных словообразовательных подтипов. При этом указание на часть речи производящих слов оказывается недостаточным для установления типового значения, так как дальнейшая конкретизация производящей семантики является необходимым условием выявления возможностей ее сочетания с суффиксальным значением⁸⁵.

Соединения суффикса с разного вида производящими единицами, подтверждающие сочетаемостные возможности суффиксальной семантики и производящих значений, представляют собой формы функционального приспособления суффикса. Соединяясь с основой прилагательных, обозначающих количественно изменяемый признак, суффикс *-е-* приобретает значение пассивного становления, а лексико-словообразовательный тип (словообразовательный подтип) — значение становления признака.

В сочетаниях с основами прилагательных со значением зрительно воспринимаемого признака (*зеленеть где-то*) суффикс *-е-* выражает семантику пассивного выявления, а словообразовательный подтип в целом — значение выявления признака. В обоих употреблениях суффикс *-е-* сохраняет свое общее (инвариантное) значение неактивного процесса. Его частные значения конкретизируют эту общую семантику, вариантами которой они являются. Сама эта конкретизация, как видим, вызвана воздействием производящей семантики, различающейся набором словообразовательно значимых компонентов.

Вследствие связанного характера суффиксальной семантики ее типичные функциональные реализации — в их совокупности — могут рассматриваться как полисемия суффикса. Каждое из частных значений суффикса отличается стандартизованностью и может быть обнаружено путем «количественной» абстракции (абстракции отождествления и обоб-

⁸⁵ Подробнее см.: Яницкая М. Н. Семантическая соотносительность глаголов на *-еть* и мотивирующих прилагательных. — Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. Новосибирск, 1973.

шения) суффиксальной части лексических значений производных слов, связанных с ограниченной производящей семантикой.

Суффикс *-е-*, как и другие суффиксы пассивного процесса, образует непереходные глаголы, которые в силу этого не могут вступать в залоговые отношения; значение совершенного вида у них формируется лишь за счет семантики временного предела или ограничения степени интенсивности признака. Но кроме указанных видов лексических единиц на *-еть*. в литературном языке имеются такие глаголы, которые отличаются от общей массы слов с данным суффиксом; это глаголы *болеть*, *вдоветь*, *звереть*, *дернеть*, *потеть*, *робеть*, *сиротеть*, *советь*, *столбенеть*, *хаметь*. Можно ли все эти слова отнести к одному словообразовательному типу? Какими лексико-словообразовательными значениями они обладают? Что говорит исследователю словообразовательная структура этих слов о функциональных возможностях суффикса *-е-*?

Если вышеперечисленные слова разделить на группы на основе их мотивировочных значений, то получится пять объединений: 1) *болеть* 'быть больным', *робеть* 'быть робким' («быть каким»); 2) *вдоветь* 'быть вдовой', *сиротеть* 'быть сиротой' («быть кем»); 3) *звереть* 'становиться зверем', *сиротеть* 'становиться сиротой', *хаметь* 'становиться хамом' («становиться кем»); 4) *советь* 'становиться похожим на сову', *столбенеть* 'становиться похожим на столб' («становиться как кто, что»); 5) *дернеть* 'покрываться дерном', *потеть* 'покрываться потом' («покрываться чем»).

Глаголы *болеть*, *робеть* (1-я группа) имеют значение проявления признака. Суффикс *-е-*, сочетаясь с качественной семантикой (безотносительно к ее способности количественно изменяться и к другим показателям), функционально приспособливается к выражению значения «пассивное проявление». Типизированная мотивировочная семантика проявления признака может рассматриваться как особое лексико-словообразовательное значение.

Значением пассивного проявления признака обладают также глаголы 2-й группы *вдоветь* и *сиротеть*. Производящая семантика, несмотря на принадлежность мотивирующих слов к части речи «имя существительное», носит качественный характер, так как выражает признаковые стороны явления (*сирота*, *вдова*). Их общее мотивировочное значение «быть кем» фактически тождественно значению «быть каким», что объединяет их со словами первой группы.

Слова 3-й группы *звереть*, *сиротеть* и *хаметь* также мотивируются существительными квалифицирующей семантики⁸⁶,

⁸⁶ Семантическую близость глаголов *звереть*, *сиротеть*, *хаметь* к отадективным глаголам типа *белеть* отметил И. С. Улуханов. См. его

поэтому могут быть объединены с отадъективными глаголами становления признака (типа *умнеть, добреть*).

Иначе организована словообразовательно-семантическая структура глаголов *советь и столбенеть* (4-я группа). Роль производящей единицы в этом случае выполняют конкретные существительные (*сова, столб*), казалось бы, исключающие возможность проявления производного значения «процессуального признака». Но за счет метафорического способа словообразования, использующего в качестве производящего какой-либо признаковый компонент субстантивной семантики, данные слова приобретают качественную характеристику (*советь* 'становится похожим на дремлящую сову'; *столбенеть* 'становится похожим на неподвижный столб'). Общее мотивировочное значение слов *советь и столбенеть* может быть сформулировано как «становиться подобным (по какому-либо признаку) тому, что обозначено мотивирующим существительным». Исходя из сказанного, данные глаголы нельзя отнести ни к одному из рассмотренных лексико-словообразовательных подтипов. Однако нет оснований считать их не соответствующими словообразовательным законам русского языка: производящее и суффиксальное значения обладают взаимной валентностью; общее мотивировочное значение не противоречит существующей в русском языке семантике пассивного процесса; словообразовательная метафора русскому языку тоже известна. Образованные по принципу лексической аналогии. (см. главу IV), они, тем не менее, могут послужить основой для создания нового, системно допустимого словообразовательного типа, хотя эта тенденция не обязательно должна реализоваться в языке.

Особняком стоят глаголы *дернеть и потеть* (5-я группа). Лишенные семантики изменения или проявления качества, они организуются в самостоятельную структурно-семантическую группу со значением «покрываться чем». Общее мотивировочное значение создается за счет существительных неквалифицирующего значения (*дерн, пот*), которые формируют субстантивный компонент глагольной семантики («чем»), и суффиксальной семантики пассивного процесса, конкретизируемой до значения «покрываться». Увеличение количества подобных образований может «расширить» типизированное мотивировочное значение и в конце концов довести его до семантики «пассивный процесс, выраженный через отношение к предмету». Это связано со словообразующими особенностями конкретных существительных, которые, функционируя в роли производящих единиц, способны фор-

статьи: Глаголы на *-еть* в современном русском языке.— В сб.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966, с. 134; Значения словообразовательных аффиксов и части речи мотивирующих слов, с. 63.

мировать самые различные компоненты создаваемой семантики. В любом случае слова данной словообразовательной структуры отражают словообразовательные возможности русского языка.

Таким образом, единичные образования на *-еть* не выходят за рамки абстрактного суффиксального значения («процесс, происходящий с пассивным субъектом»), которое вследствие функционально-семантической приспособляемости суффикса к разным типам производящих основ конкретизируется в нескольких вариантах. Существенным с точки зрения словообразования признаком производящих значений следует считать наличие в них обобщенных компонентов, определяющих соответствующую разновидность суффиксального значения. Общекатегориальные характеристики мотивирующего слова (его принадлежность к той или иной части речи) играют роль в той мере, в какой они отражают главные особенности частей речи, которыми последние противопоставляются друг другу. Так, участие прилагательных и существительных в функции производящих единиц может считаться свидетельством принадлежности производных слов с одинаковым суффиксом (в нашем примере с суффиксом *-е-*) к разным словообразовательным типам, если прилагательные и существительные соответственно обозначают качественные признаки и конкретные предметы (ср. *умнеть* и *дернеть*). Существительные с периферийной для данной части речи семантикой, т. е. обозначающие признаки, свойства, действия, по словообразующим возможностям в определенной мере приравниваются к качественным прилагательным (ср. *сзирепеть* и *звереть*), в то время как относительные прилагательные, напротив, могут функционировать подобно существительным (в нашем случае таких мотиваций нет).

Все эти рассуждения были бы более убедительными, если бы их можно было подтвердить большим количеством примеров. Но русский литературный язык их предоставить не может. В подобных условиях такой подтверждающей силой могут обладать факты современных русских говоров, в которых общерусские тенденции реализуются как в известных литературному языку, так и в оригинальных вариантах. Последние, касается ли их диалектная специфика количественной или качественной стороны, предоставляют такие данные, по которым можно судить о функционировании рассматриваемой языковой единицы не только в говорах, но и в литературном языке. Имея в виду сказанное, остановимся на характеристике некоторых видов диалектных глаголов с суффиксом *-е-*.

5. Анализ материалов диалектных словарей подтверждает тезис о существовании в русском языке общих структурно-словообразовательных элементов и единых принципов гла-

гольного словообразования⁸⁷. На этом фоне все возможные «несовпадения» с литературным языком, в том числе и в отношении количественного наполнения тех или иных лексико-словообразовательных подтипов, несут информацию о функциональных возможностях суффикса и соответствующей словообразовательной модели в русском языке.

Прежде всего, необходимо отметить такие отсубстантивные глаголы, которые имеют значение, почти не свойственное литературному языку, — «приобретать то, что названо мотивирующим существительным»: *бáсеть* и *басéть* 'делаться красивее' (СРНГ), *борéть* 'зарастать деревьями, кустарником' (ПС), *ботвéть*, 'покрываться ботвой' (ТСД), *бóтеть* и *ботéть* 'быстро расти; расти в ботву' (СРНГ), *бронéть*, *брунэть* 'спеть, зреть, наливаться (об овсе)' (ДМ), *брóснеть* и *броснэть* 'плесневеть' (СРНГ), *глевéть* 'плесневеть' (СРНГ), *грамотéть* 'обучаться грамоте, становиться грамотным' (СРНГ), *дерванéть* 'покрываться дерном, превращаться в залежь' (СРНГ), *дурéть* 'беситься' (КузС, СРНГ, ТС), *жиделéть* 'становиться плохой, слякотной' (СРНГ) и др. (ср. *бот* 'ботва', *бронь*, *брунь* 'метелка овса', *бор* 'лес вообще; сосны и ели на возвышенном месте; кустарник, растущий в основном лесу на высоком месте', *глев* 'слизь, дервка плесени на пиве, квасе', *броснь* 'плесень, гниль', *дерван* 'дерн, залежь', *дурь* 'бешенство', *басá* 'красота', *жидéль* 'размякшая от воды земля, слякоть' и др.). В литературном языке подобным значением обладают глаголы *потеть*, *дернеть*, *бородатеть*.

Важно подчеркнуть, что мотивирующие существительные обладают качественным, вещественным или собирательным значением (*дурь*, *баса*; *ботва*, *дерван*, *броснь*, *жидель*; *бор*), в состав которого в качестве обязательного входит компонент количественной относительности или неопределенной множественности. Указание на количественную неограниченность в семантике рассматриваемых существительных, делающее невозможным «поштучное» перечисление обозначаемых ими явлений, обуславливает особенности в выражении категории числа у данных групп существительных, что говорит о лингвистической отмеченности количественного компонента субстантивного значения.

Однако, отмечая количественную неограниченность вещественных, собирательных и отвлеченных существительных, следует учитывать специфику субстантивного значения как такового. В отличие от качественных прилагательных, у которых количественная неограниченность признака отожде-

⁸⁷ См.: Янценецкая М. Н. Диалекты как дополнительный источник изучения литературного языка.— В сб.: Русские говоры Сибири. Вып. 1. Томск, 1979.

ствляется с его количественной изменяемостью, получающей языковое выражение, например, в формах сравнительной степени, у существительных не происходит дальнейшей конкретизации компонента количественной неограниченности и никаких указаний на способность субстанции к изменяемости нет. Очевидно, поэтому трансформация субстантивных значений в семантику прямого превращения, несмотря на указанные ее особенности, невозможна (нет условий для установления непосредственной семантической связи между основной мотивирующего существительного и суффиксом *-e-*). Но в том и заключается специфика существительных как словообразующих единиц, что в словообразовательном значении они формируют такой компонент, который лишь косвенно указывает на характер действия.

В глаголах типа *бответь*, *броснеть* и т. п. производящее существительное может формировать, вероятно, любой компонент глагольной семантики, кроме субъектного («агенса действия»), так как последний не совместим с суффиксальным значением процессуальной пассивности (в то время как у глаголов активного процесса такая мотивация не редкость, ср. *слесарничать*, *партизанить*, *самодурствовать*). Этой роли производящих существительных соответствует и характер их семантики. Компонент количественной неограниченности, хотя и не обуславливает прямого превращения производящей семантики в глагольную, способствует реализации процессуального значения. При этом суффиксальная семантика конкретизируется до функционального значения «пассивного приобретения». Своеобразие мотивирующих единиц и словообразовательного значения анализируемых глаголов позволяет говорить о существовании в говорах словообразовательного типа со значением «пассивно приобретать то, что названо мотивирующим существительным».

Внутри указанного типа можно выделить нерархически зависимый от него лексико-словообразовательный подтип с вещественными и собирательными существительными в качестве производящих единиц. Обозначая конкретные явления (ср. *броснь*, *плесень*) или совокупность конкретных предметов (ср. *бор*), эти существительные еще более конкретизируют семантику суффиксов, доводя ее до функционального варианта «покрываться тем...». Лексико-словообразовательный подтип в целом выражает значение «покрываться тем, что названо мотивирующим существительным» (ср. *бответь*, *ботеть*, *бронеть*, *бореть*, *глеветь*, *броснеть*).

Следовательно, литературные глаголы *дернеть* и т. п., демонстрируя потенциальные способности суффикса к семантической сочетаемости, сигнализируют о возможности появления в литературном языке нового словообразовательного типа.

Нередко в процессе диалектной деривации появляется метафора; тогда словообразовательное значение может быть сведено к «становиться подобным тому, что названо мотивирующим существительным»: *бóтеть* и *ботéть* 'толстеть, полнеть, (ср. *бот* 'стрелка лука') (СРНГ), *бронéть*, *брунэть* 'белеть, седеть' (СРНГ); 'созревать, становиться темным (о плодах)' (КЯС, ПС, СРНГ) (ср. *бронь*, *брунь* 'метелка овса'), *брусéть* 'твердеть' (ПС, СРНГ), *гусéть* 'плесневеть' (СРНГ), *дерванéть* 'замерзать, становиться твердым' (ср. *дервân* 'залечь') (СРНГ), *деревéть* 'утрачивать чувствительность, деревенеть' (СРНГ), *дубéть* 'глупеть, дуреть' (СРНГ), *столбéть* 'замирать, столбенеть' (ТСД) и др.

Семантика уподобления, присущая названным глаголам, является прямым следствием того, что их мотивирующие единицы — существительные, которые способны вступать в разного рода отношения, в том числе и в отношения уподобления. Но субстантивная семантика не привязана к значению какого-нибудь определенного признака предмета⁸⁸, поэтому признаки, по которым происходит сравнение, не определяются словообразовательным значением и могут быть самыми разнообразными в каждом конкретном случае. Отсюда — идноматичность производного глагола, всецело зависящая от факта семантической несоотнесенности между существительным и глаголом.

Таким образом, лексико-словообразовательное значение «становиться подобным тому...», обнаруживаемое и у некоторых глаголов литературного языка (*советь*, *столбэнь*; ср. также в речи учащейся молодежи *балдеть*), в говорах объединяет большее количество слов, свидетельствуя о системной неограниченности метафорического способа словообразования глаголов пассивного процесса и о принципиальной возможности сочетания суффиксального значения «пассивный процесс» с субстантивной семантикой на уровне метафорического словообразования.

О широких возможностях отсубстантивного метафорического словообразования глаголов говорит, кроме того, тот факт, что в диалектном языке момент уподобления может присутствовать у глаголов с семантикой проявления (*болванéть* 'стоять, сидеть молча, ничего не делая', СРНГ) и выявления (*блеснэть* 'виднеться, выделяться среди других предметов' — ср. *блесна* 'всякий блестящий предмет в воде; специальный предмет, обитый белой жемчужью для привлечения рыбы ее блеском', ПС, СРНГ; *болванэть* 'неясно вид-

⁸⁸ См.: Арутюнова И. Д. Коммуникативная функция и значение слова — В сб.: Актуальные вопросы лексикологии. Тезисы докладов 4-й лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте». 7—8 мая 1974 г. Новосибирск, 1974, с. 9.

неться, смутно вырисовываться вдали' (СРНГ), деривационные значения которых могут быть сформулированы как «быть подобным тому, что названо мотивирующим существительным» и «виднеться подобно тому, что названо мотивирующим существительным».

Резкая количественная противопоставленность отадъективных и отсубстантивных глаголов на *-еть* и в говорах, и в литературном языке объясняется особенностями мотивирующих единиц, их различной способностью трансформироваться в слова процессуального значения.

Как отмечалось, качественные прилагательные в этом отношении более близки глаголам: они обозначают не субстанцию, а признак, т. е. обладают квалифицирующим значением, и, что очень важно, обозначают признак, способный к количественным изменениям. Это сделало возможным употребление таких прилагательных в функции именной части сказуемого в сочетании с глаголами *делаться, становиться*, что подготовило условия для создания в языке определенной процессуальной семантики, которая могла быть оформлена аффиксально⁸⁹.

Существительные же называют предметы, не выражая никаких переменных величин, поэтому семантика изменения не может быть выведена из субстантивного значения непосредственно. Существительное и глагол в семантическом плане не соотносимы. Сказанное верно по отношению к конкретным существительным, составляющим ядро данной части речи. Существительные качественного или отвлеченного значения находятся на ее периферии и по лексическому значению ближе к словам других частей речи (прилагательным, глаголам).

Отсубстантивные глаголы становления признака практически образуются от существительных качественной или оценочной семантики (ср. лит. *сиротеть, вдоветь, звереть, хаметь*). Если же существительное обозначает конкретный предмет, то значение прямого превращения не возникает.

Несовместимость субстантивного значения с семантикой действия в диалектном языке преодолевается путем использования префиксально-суффиксального способа образования глаголов, когда префикс (*за-, о-, у-*), указывая на результат действия, наряду с суффиксом участвует в создании семантики процесса. Ср.: *заболтеть* 'превратиться в болото' (СРНГ), *забородеть* 'образить бородой' (СРНГ), *закирпичеть* 'затвердеть, закалиться; стать черствым, скулым' (СРНГ),

⁸⁹ Ср.: «Процессуальность или непроцессуальность признака может быть выдвинута или устранена; поэтому обычные отглагольные прилагательные и отрилагательные глаголы и т. д.» — Панов М. В. Русский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. 1. Индоевропейские языки. М., «Наука», 1966, с. 74.

зайневеть, закуржаветь (ИС, КузС, ТС, УС), *закуржаветь* (КузС, ТС), *закурживеть* (ТС) 'покрыться инеем' (ср. *куржа* и *куржá* 'густой иней'), *запанеть* 'вообразить себя паном' (СРНГ), *облюдеть, 'стать людным'* (ТС), *озолотеть 'разбогатеть'* (ТСД), *окуржаветь 'покрыться инеем'* (ДМ), *остеклеть 'опьянеть'* (ТСД), *усолеть 'просолиться, стать соленым'* (КЯС, ТС) и др. Эти глаголы имеют те же деривационные значения, что и отсубстантивные образования с суффиксом *-е-*, но с оттенком завершенности действия: «стать подобным тому...» (*закирпичить, остеклеть*), «приобрести то...» «покрыться тем...» (*забородеть, озолотеть, усолеть*)⁹⁰.

Особняком стоят глаголы *беспамять, безножать*, в которых приставка, соотносимая с предлогом *без*, не создает значения совершенного вида, а лишь указывает на процесс, обратный процессу приобретения признака. В литературном языке отмечаются, главным образом, глаголы, образованные с помощью приставки *обез-* и суффикса *-е-* (*обезводить, обезвоветь, обеззубеть*); глаголы с другими приставками единичны (*обветреть*)⁹¹, но, как показывают диалектные данные не случайны в русской словообразовательной системе.

В заключение можно сказать, что анализ диалектного материала подтверждает мысль о широких функциональных возможностях суффикса *-е-/еј-*, способного создавать не только отадъективные, но и отсубстантивные глаголы. Проведенный анализ дает основания утверждать, что словообразовательная структура имеющихся в литературном языке единичных производных глаголов на *-еть* не противоречит системным требованиям русского словообразования. Она указывает на возможности функционального расширения существующих словообразовательных моделей и на потенциальные пути возникновения новых словообразовательных типов в русском литературном языке.

Суффиксы имен прилагательных

1. Как отмечалось, при межкатегориальном функционировании суффикса его семантика должна обеспечить формирование прежде всего категориальной, а также лексико-грам-

⁹⁰ Аналогичным образом ведут себя и другие типы префиксально-суффиксальных глаголов. Ср.: «Приставочные глаголы, образованные непосредственно от имен, как, например, *облагородить, уместить*, уподобились с точки зрения вида приставочным девербативным глаголам, как будто бы они были произведены от глаголов **благородить, *местить* и т. д.» — Карцевский С. (Из книги «Система русского глагола»). — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 221.

⁹¹ АГ-70, с. 283.

матических характеристик производного слова. Исходя из этого, можно предположить, что у отглагольных и отсубстантивных прилагательных семантика суффикса связана с категориями качественного или относительного признака, а у качественных прилагательных она способна конкретизироваться за счет указания на разную степень интенсивности признака (ср. степени сравнения прилагательных и другие формы).

В самом деле, суффиксы относительных прилагательных, образованных от существительных, чаще имеют общее значение отношения к лицу, предмету, явлению (см. суффиксы *-ск-*, *-н-*, *-ов-*)⁹². Семантическая конкретизация словообразовательных типов может идти по линии указания на вид отношений, образующих данный признак. У разных словообразовательных типов такая конкретизация в разной степени связана с его собственно словообразовательными характеристиками⁹³ и далеко не всегда определяется значением суффикса.

Прилагательные с суффиксом *-ий* (*рыбачий, вдовый, казачий, медвежий, лисий, заячий, собачий*) общую идею отношения конкретизируют в значении «свойственный лицу (животному)». Так как других семантических групп здесь не наблюдается и круг мотивирующих единиц по тематике достаточно единообразен (названия лиц и животных), семантический элемент «свойственный» может быть приписан суффиксу *-ий*, а все прилагательные отнесены к одному словообразовательному типу.

У прилагательных с суффиксом *-ин* подобная конкретизация происходит в двух направлениях: «принадлежащий кому» (отношение принадлежности) и «свойственный кому». Указанную семантическую дифференциацию можно связать с двумя функциональными значениями суффикса *-ин*, о чем свидетельствует наличие особого круга производящих единиц для каждого словообразовательного подтипа; притяжательные прилагательные образуются, главным образом, от существительных со значением лица (от «одушевленных существительных женской разновидности первого субстантив-

⁹² История развития производных прилагательных в XIX в. подробно изложена в работе: Земская Е. А. Изменения в системе образования прилагательных.—В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964; Она же. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке.—В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.

⁹³ См., например: Земская Е. А. О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка. — Проблемы современной филологии. Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965.

ного склонения»)⁹⁴ (*мамин, соседкин, бабушкин, Валин*), а прилагательные со значением «свойственный кому» мотивируются названиями животных и птиц (АГ-70, с. 179) (*голубиный, лошадиный, звериный* и т. п.). Валентные связи суффикса говорят о его функционально-семантической дифференциации («принадлежащий» и «свойственный»). Оба суффиксальных значения представляют собой результат количественного обобщения «остаточной семантики» лексических единиц. Выделению двух указанных подтипов в значительной мере способствует их собственно грамматические особенности (именной или местоименный тип склонения), поэтому фактически речь должна идти о лексико-морфолого-словообразовательных подтипах.

Более сложным оказывается соотношение словообразовательной и лексико-словообразовательных групп внутри относительных прилагательных с суфф. *-ов-* (*ев-*).

Большинство относительных прилагательных с суфф. *-ов-*, мотивируемых существительными, обозначают «признак, выраженный через отношение к чему-либо». Значение суффикса — «признак по отношению», но применительно к отдельным группам производных слов эта общая суффиксальная семантика может конкретизироваться.

У прилагательных, мотивированных существительными со значением лица и реже — животного, суфф. *-ов-* выражает значение принадлежности (*дедов, государев*), а словообразовательный подтип имеет семантику «принадлежащий лицу, животному». Вычленению и сохранению этого значения способствует ограничение группы производных прилагательных определенными грамматическими рамками (особый, смешанный, тип склонения).

У прилагательных, мотивированных названиями пород животных, выделяется общее значение «принадлежащий, свойственной определенной породе, виду животных» (АГ-70, с. 187) (*тигровый, бобровый, китовый* и др.). Функциональная семантика суффикса — «свойственный (кому)». Здесь важно отметить, что функционально приписываемые суффиксу значения являются конкретизацией его абстрактной семантики («признак по отношению»), которая у большинства относительных прилагательных с суфф. *-ов-* подобной конкретизации не подвергается. Значения «принадлежащий (лицу, животному)» и «свойственный (породе, виду)» легко обобщаются до значения признака по отношению⁹⁵.

⁹⁴ АГ-70, с. 178. В ряде других мест работы словообразовательные значения также даются в тех определениях, которые сформулированы в указанной Грамматике, что в дальнейшем будет отмечаться в самом тексте работы.

⁹⁵ Не отрицая специфики семантической структуры морфемы по сравнению со словом, мы хотели бы все же сослаться на следующее высказывание

Следовательно, исчерпывающую дифференциацию относительных прилагательных с суфф. *-ов-* провести невозможно (ср. возможность такого деления у прилагательных с суффиксом *-ин*). Суффиксальное значение «признак по отношению» также функционально связано семантикой неодушевленных существительных: *рисовый, сосновый, ситцевый* и т. п. Перед нами три разных значения суффикса, находящихся в отношениях: абстрактное — конкретизированные значения.

Таким образом, в данном случае три суффиксальных значения вступают в отношения разноуровневой полисемии. Применительно к прилагательным с суфф. *-ов-* следовало бы говорить о наличии трех лексико-словообразовательных типов, если бы адъективные слова со значением принадлежности лицу, животному не маркировались дополнительно собственно грамматическими показателями, связывающими их лексико-словообразовательное значение с особым типом склонения. Вследствие этого представляется оправданным эту последнюю схему производных слов определить как морфолого-словообразовательный (по существу, лексико-морфолого-словообразовательный) тип. Как видим, существующее в русском языке «равнение» словообразовательных типов на некоторые собственно грамматические показатели прилагательных способствует закреплению за суффиксом того или иного его значения.

Иная картина наблюдается у прилагательных с суффиксом *-н-*, обозначающих «признак по отношению к предмету, действию, свойству» (АГ-70, с. 181): *тепличный, уличный, дверной, лесной; протирочный, массажный; редкостный, глубинный, частотный*. Семантические различия этих прилагательных связаны лишь со значением мотивирующих единиц, называющих предмет, действие или свойство; они не зависят от семантических особенностей суффикса, который во всех случаях имеет самое общее значение относительного признака («имеющий отношение»). Дифференциация прилагательных по указанному принципу может быть продолжена вплоть до выделения единичных лексем и даже лекс⁹⁶, но при этом оказываются учтенными лексические мотивировочные связи,

Д. Н. Шмелева: «Будучи позиционно обусловленными, значения многозначного слова не выступают независимо одно от другого. Сферы их действия могут перекрещиваться, но они в принципе не могут противоречить друг другу». — См.: Проблемы семантического анализа лексики. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1969, с. 7.

⁹⁶ В связи со сказанным характеристика суффикса *-н-* как зависимого от внешнего контекста (Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания, с. 17, 21) представляется неправомерной: в отношении с другими словами вступает слово (или лекса), а не морфема. Ср.: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 187—189.

которые не согласуются непосредственно с функционально-семантической спецификой суффикса.

2. Создание качественного прилагательного нередко означает появление языковой семантики «признак в той или иной степени его проявления»: см. *ушастый, глазастый, лобастый* и др., где суффикс *-аст-* имеет значение интенсивного признака; *кудреватый, комковатый, суковатый, молодцеватый*, у которых суффикс *-оват-/-еват-* обладает семантикой «имеющий в той или иной мере»⁹⁷ и т. п.

Однако четкой словообразовательной границы между относительными и качественными производными прилагательными нет, как вообще нет определенного предела между относительными и качественными лексическими значениями. Можно назвать примеры тесного содружества качественных и относительных значений внутри одного словообразовательного типа.

Так, с помощью суффикса *-абельн-* могут быть созданы как относительные (*транспортабельный, операбельный, диссертабельный*), так и качественные прилагательные (*рентабельный, комфортабельный*). Очевидно, что данное различие не связано со значением суффикса, которое можно определить как «делающий возможным, обуславливающий реализацию». Способность к количественному изменению (показатель качественности) прилагательные развивают на основе значений мотивирующих существительных (*рента, комфорт*).

Суффикс *-ированн-*, имеющий значение «обладающий», также оформляет и качественные, и относительные прилагательные (ср. *квалифицированный, эрудированный, экзальтированный* и *электрифицированный*). И в этом случае указанные различия поддерживаются лишь спецификой мотивирующих единиц (качественные прилагательные мотивируются существительными со значением свойства, качественного явления, относительные — существительными конкретного предмета или действия).

Таким образом, деление производных прилагательных межкатегорияльного образования на качественные и относительные далеко не всегда вызвано различиями их словообразовательных структур и специализацией суффиксов.

Суффиксы имен существительных

1. Словообразование существительных так или иначе по-полняет такие лексико-грамматические разряды, как имена конкретные — неконкретные (собирательные, отвлеченные) и одушевленные — неодушевленные. Субстантивные суффик-

⁹⁷ Улуханов И. С. Значения словообразовательных аффиксов и части речи мотивирующих слов, с. 67.

сы по своему значению нередко прямо приспособлены к созданию слов соответствующих лексико-грамматических разрядов.

Показательны в этом отношении, например, суффиксы отвлеченного значения, т. е. со значением «субстанция», создающие существительные абстрактного действия или признака, ср. отглагольные суффиксы во всех их вариантах: *-ни(е)* (*использование, показание, хождение, сплочение, расхищение, изъятие, отбытие, развитие*); *-аци(я)* (*реакция, амнистия, деградация, репетиция*); *-ств(о)* (*дежурство, руководство, вмешательство, воровство, притворство, баловство*); приафъективные суффиксы: *-ость/-ность* (*злость, мудрость, свежесть, готовность, масштабность, увлекательность, осязаемость, горячность, упругость, обидчивость, классовость, расплывчатость*); *-и(е)* и его вариант *-стви(е)* (*равнодушие, спокойствие, великолепие, усердие, приличие, остроумие*); *-иц(а)* (*безвкусица, безработица, путаница, нелепица, разница*); *-от(а)* (*беднота, глухота, теснота, добротa*) и т. п.

Словообразовательные типы отвлеченного значения могут быть конкретизированы за счет тематического и (или) экспрессивного ограничения круга производных существительных, см., например, существительные с суффиксом *-щиц(и)*, имеющие значение обычно отрицательно оцениваемого бытового или общественно-политического явления (*субъективщина, нелегальщина, интеллигентщина* и др.). Экспрессивная характеристика словообразовательного типа способствует его ограничению и устойчивости.

Ряд суффиксов (такие как *-ин(а), -инк(а), -иц(а)*) имеет прямое или функционально определяемое значение малоинтенсивного отвлеченного признака: *желтина, рыжина, сутулина; кислинка, хитринка, горчинка, слабинка, желтинка, гнильица, прохладца, ехидца*.

2. Значение предмета выражается как отглагольными, так и отафъективными существительными.

Семантикой «предмета по действию» обладают отглагольные существительные с суффиксами *-ец, -ак, -ач, -ун, -ок, -атор, -к(а), -уш(а)* и др., ср.: *лжец, сорванец; чудак, лежак; рвач, тягач; бегун, молчун, колун, грызун; игрок, стрелок, подпилоч, движок; набросок, выводок, подросток; агитатор, стимулятор; недоучка, выскочка, задвижка, покрывка, подачка, записка, настойка; крикуша, вруша, волокуша, крыша* и т. д. Все перечисленные суффиксы имеют значение «конкретный предмет», а создаваемые с их помощью слова пополняют лексико-грамматический разряд конкретных существительных (абстрактные и собирательные существительные по данным словообразовательным моделям не образуются). Нетрудно заметить, что словообразовательное

значение перечисленных слов — «предмет по действию» — носит очень обобщенный характер, а дальнейшая классификация производных существительных происходит на лексическом (тематическом) уровне.

3. Более своеобразно связаны словообразовательные типы с категорией одушевленности — неодушевленности. В словообразовании она чаще бывает представлена значениями лица — не-лица, т. е. теми значениями, которые являются квинтэссенцией данной категории. С помощью этих значений выявляются агенсно-пациенские отношения, играющие существенную роль в организации предложения как коммуникативной единицы.

Тот факт, что деление существительных на названия лиц и названия не-лиц практически является лексической основой выражения отношений «производитель (субъект, агенс) действия — действие — объект (пациенс) действия», заставляет думать, что семантемы (общие, категориальные языковые значения) «лицо» — «не-лицо» и «производитель действия» — «не-производитель действия» являются в языке одним из основных.

Анализ значений субстантивных словообразовательных типов подтверждает это предположение. В русском языке имеется большое количество отглагольных словообразовательных типов со значением «предмет, производящий действие». Относящиеся к ним существительные обозначают как лиц, так и не-лиц (животных, неодушевленные конкретные предметы), общим признаком которых является способность функционировать в качестве производителя действия. Суффиксы, с помощью которых они образованы, имеют обобщенное значение «производитель (действия)»; см. суффиксы *-тель, -ник, -щик, -ор, -ант (-ент)* и др. (*испытатель, указатель; заступник, отстойник; обходчик, прицепщик, счетчик; суфлер, тралер; консультант, эмигрант, референт, конкурент, вариант, абонент*).

Некоторые словообразовательные типы выражают обобщенное значение «не-производителя действия», представленного названиями объекта — результата действия (например, с суффиксом *-ыш*: *приемыш, заморыш, вкладыш, поскребыш*), прямого объекта или объекта — результата действия (с суффиксом *-ат*: *делегат, реферат, экспонат*) и т. п. Среди приведенных примеров, как видим, имеются названия лиц и предметов. Суффиксы обладают значением «предмет (лицо, неживой предмет) — не-производитель действия (испытывающий на себе действие или появляющийся в результате действия)». Дифференциация существительных вышеназванных словообразовательных типов на названия лиц и предметов осуществляется на лексическом уровне и не имеет специальных словообразовательных показателей.

Следует отметить, что тематические и словообразовательные объединения существительных и соответственные семантические категории находятся в сложном взаимодействии: они включаются одно в другое или совпадают отдельными своими компонентами, но полностью чаще всего друг друга не покрывают. Словообразовательное значение может являться своеобразной формой, способом «формальной» организации тематических значений. Так, отглагольные существительные могут иметь следующий набор предметных значений: это значения субъекта, результата, объекта, средства действия и некоторые другие (см. главу II). В ряде случаев производные существительные легко объединяются в семантические подгруппы на основе перечисленных значений. Например, отглагольные существительные с суффиксом *-н(я)* называют объект (*пашня*), орудие, средство (*ступня*, *сходня*) и место (*бойня*, *караульня*) действия; то же можно сказать о многих других субстантивных словообразовательных типах. При наличии специализированного суффикса эти значения могли бы стать словообразовательными, но в языке такая возможность используется далеко не всегда.

Тем не менее можно отметить в языке такие идеальные ситуации, когда словообразовательное значение прямо соотносится с тематическим, создавая слова определенной семантической группы. Подобная картина наблюдается у существительных с суффиксами *-льщик*, *-арь*, *-аль*, *-лец*, *-аг(а)*, *-ак(а)*, *-х(а)*, *-ох(а)*, *-ул(я)* типа *носильщик*, *рисовальщик*, *прядильщик*, *белильщик*, *курильщик*; *звонарь*, *пекарь*, *лекарь*, *пахарь*, *токарь*, *писарь*; *враль*, *коваль*; *страдалец*, *владелец*; *бродяга*, *работяга*; *гуляка*, *зевака*, *служака*; *растеряха*, *выпивоха*; *капризуля* и др. Значения производителя действия и лица в них полностью накладываются друг на друга (отсюда значение указанных словообразовательных типов — «лицо, производящее действие»); суффиксы же обладают значением «производящее лицо».

Еще более точное соотношение словообразовательного и тематического значения наблюдается у существительных с суффиксами *-ищ(е)* и *-льн(я)*: *убежище*, *жилище*, *хранилище*, *училище*; *читальня*, *спальня*, *купальня*, *парильня* (словообразовательное значение «место действия» и тематическое — «помещение»), у существительных с суффиксом *-ин(а)* типа *трещина*, *пробоина*, *вмятина* («результат или объект действия» и «явления, нарушающие целостность чего-либо») и др.

Имея своим назначением пополнение определенных тематических полей конкретными лексическими единицами, словообразовательные типы по своей семантике «подравниваются», где позволяют языковые условия, под тематические

группы разной степени обобщения⁹⁸. Однако сам характер словообразовательных и тематических значений предопределяет появление своеобразных ножиц между данными семантическими категориями⁹⁹, так как словообразовательное значение ограничивается языковыми факторами и прежде всего лексико-грамматическими особенностями производящих и создаваемых лексических единиц, а тематическое — зависит от принципа классификации внеязыковых явлений. Это расхождение проявляется в конечном наборе существующих в данном языке собственно словообразовательных значений и в открытом и переменном перечне тематических значений (и объединений слов).

4. Существительные, мотивированные прилагательными, обозначают лицо как носителя признака, выраженного прилагательным. Они образуют семантически своеобразный пласт характеризующей, «квалифицирующей» лексики, способной включаться в предложение в роли предиката¹⁰⁰.

Значение «лицо — носитель признака» имеют существительные с суффиксами: *-ист* (*специалист, фигурист, аккуратист*), *-аг(а)* (*бедняга, здоровяга, скромняга, шустряга*), *-уг(а)* (*хитрюга, пьянюга, жаднюга*). *-ул(я)* (*грязнуля, чистюля*).

Лишь существительные с суффиксом *-щик*, за редким исключением, фактически обозначают производителя действия, который определяется через предмет, называемый основой производящих прилагательных или даже вообще не названный (*часовщик, крановщик, инструментальщик; анонимщик, сдельщик, самоходчик*). Но это — специфика производящей семантики, выраженной относительно прилагательными; с качественными прилагательными таких мотивационных связей производные существительные не устанавливают.

Некоторые существительные, напротив, пополняют класс неодушевленных слов, как, например, существительные с суффиксом *-изм*, указывающим на «элемент языка, речи или какого-либо произведения» (*архаизм, украинизм, латинизм, диалектизм, вулгаризм, прозаизм* и др. (АГ-70, с. 81).

⁹⁸ Ср.: «Слова, объединяемые на основании какого-нибудь общего признака, объединяются также и на основании общих словообразовательных возможностей». — Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. с. 14.

⁹⁹ См., например, анализ существительных на *-лк(а)* в работе: Янцевская М. Н. Суффиксы имен прилагательных и существительных. — В сб.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Вып. 2. Томск, 1978.

¹⁰⁰ Арутюнова Н. Д. К семантической характеристике подлежащего и сказуемого предложения. — Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974, с. 62.

Чаще же словообразовательные типы отадъективных существительных обладают более абстрактным значением «носителя признака», объединяя слова самых разнообразных семантических групп: со значением лица, собирательности, вещественности, конкретного неживого предмета и др. К таковым относятся отадъективные существительные с суффиксами: *-ик* (*озорник, старик, рыжик, тупик, виновник, утренник, фронтовик, черновик*), *-ец* (*наглец, подлец, храбрец, мудрец, старец, слепец, глупец, хитрец, ленивец, счастливец, сеянец, саженец, зверинец, холодец, червонец, варенец, румянец, багрянец*), *-ак* (*чужак, смельчак, весельчак, бедняк, босяк, кругляк, сорняк, синяк, пустяк, сквозняк, порожняк*), *-ач* (*богач, ловчак, первач, строгач*), *-к(а)* (в многочисленных его вариантах) (*невидимка, одиночка, смуглянка, резвушка, теплушка, кругляшка, тельняшка, ночлежка, кожанка*), *-иц(а)* (*теплица, кислица, горчица, листовница, луковица, капустница, умница, тупица*), *-ух(а)* (*грязнуха, толстуха, старуха, синюха, медведуха, желтуха*) и др.

Семантическую дифференциацию внутри каждого из перечисленных типов невозможно связать ни с особенностями суффиксального значения, ни с ограничениями в производящей семантике. И хотя можно отметить мотивационную зависимость существительных лица преимущественно от прилагательных со значением признака, присущего человеку, считать ее строго обязательной не позволяют образования, выходящие за указанные рамки (примеры см. выше).

Некоторые типы отадъективных существительных можно подразделить на словообразовательные подтипы, что обусловлено лексико-словообразовательными или грамматическими причинами. Так, два подтипа составляют существительные с суффиксом *-[j]*: 1) с собирательным значением «группа предметов, объединенных по признаку» (*старьё, сырьё, гнильё, рваньё, свежьё*) и 2) со значением «место, пространство по признаку» (*жильё, верховье, низовье*) (АГ-70, с. 88). Данное семантическое разграничение связано с двумя значениями суффикса (собирательным и пространственным), оно соотносится с различиями в мотивирующих словах: в первой группе — качественные прилагательные, во второй — относительные, и поддерживается закрепленностью первого подтипа за профессиональной речью.

Ко второму подтипу примыкают слова, мотивированные названиями городов (*Ставрополье, Оренбуржье*). Мотивирующие единицы в них прямо называют тот предмет, по которому определяется пространство, в то время как мотивирующие относительные прилагательные указывают на него опосредствованно (*верховой 'связанный с верхом'*). Как видим, тематически ограниченное значение словообразовательного подтипа возникает на основе достаточно конкрет-

ного, функционально приспособленного значения суффикса ¹⁰¹.

5. Связь с категорией рода, лексико-грамматической по своему характеру, осуществляется лишь через средство словообразовательного типа. При этом суффикс в одном и том же значении функционирует в разных морфолого-словообразовательных подтипах, частные словообразовательные значения которых во многом связаны с родо-падежным оформлением производных слов. Так, например, суффикс *-л-* формирует отглагольные существительные со значением «лицо — субъект действия» (*меняла, запеваля, зубрила, громила*), оформляемые в языке как существительные 2-го субстантивного склонения общего рода, и существительные со значением «орудие, приспособление для производства действия» (АГ-70, с. 55—56) (*точило, мыло, пугало, поддувало*), имеющие форму существительных 1-го субстантивного склонения среднего рода на *-о*. Признание за суффиксом *-л-* 2 значений (лица и предмета) было бы неоправданно, так как невозможно для каждого подтипа выделить специфические признаки мотивирующей семантики, которые бы свидетельствовали о специфических валентных свойствах суффикса в двух видах словообразовательного контекста (в действительности таких контекстных типов нет). Деление существительных с суфф. *-л-* на имена лиц и предметов следовало бы отнести к собственно тематической характеристике слов, производимой на лексикологическом уровне, если бы за данными значениями не были закреплены определенные лексико-грамматические показатели (род, склонение).

III. СУФФИКСЫ ВНУТРИКАТЕГОРИАЛЬНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

Образование слов той же части речи, что и производящая единица, означает создание новой семантики в «старых» обшкатегориальных пределах, т. е. создание семантики, связанной а) с отражением нового лексико-экспрессивного содержания в тех же обобщенных языковых формах, в которых оно было представлено у мотивирующего слова (как, например, при образовании существительных от существительных) или б) с лексико-грамматическими видоизменениями исходной единицы, происходящими в рамках имеющегося общекатегориального значения (см. внутриглагольное или внутриадъективное словообразование). Иными словами, мотивация существительных существительными может сопровождаться возникновением как модификационных, так и мутационных значений, а мотивация прилагательных и глаголов словами

¹⁰¹ О словообразовательных типах с суффиксами *ин(а)*, *-ик(а)* см.: Янценецкая М. Н. Суффиксы имен прилагательных и существительных.

той же части речи вызывает семантические преобразования лишь модификационного порядка¹⁰².

Для выполнения своих словообразовательных функций суффиксы внутрикатегориальной сферы словообразования должны обладать значением более конкретным, нежели общее значение части речи. При этом в целом ряде случаев модификационные значения суффиксов существительных и прилагательных не затрагивают основных грамматических и лексико-грамматических показателей части речи. Ср. «сохранение» рода, числа, падежа, а также конкретности, неодушевленности, нарицательности в парах *стол — столик, дом — домик*, качественности в *красный — красненький* и т. п. Такого рода производные образуются с помощью суффиксов субъективной оценки, т. е. суффиксов, способствующих выражению различного субъективного восприятия одних и тех же объективных предметов и явлений. Однако модификация исходного значения может касаться таких его моментов, которые отражают объективно существующие особенности обозначаемых реалий. В обоих случаях модифицирующее свойство суффиксов определяется через соотношение производного и производящего значений, и прежде всего учитывается способность производного слова обозначать то же явление, которое называется производящей единицей, как, например, это можно наблюдать у существительных со значением «женскости» (см. ниже).

Иной характер носит модификация глагольной семантики, которая обычно сопровождается изменением лексико-грамматических видовых показателей (*прыгать — прыгнуть, рассказать — рассказывать*); в силу этого суффиксы видового значения могут даже переводить глагол из одного класса в другой (с изменением соотношения основ и грамматических показателей) и т. п.¹⁰³.

Другими словами, «модификационное значение» является таким понятием, которое включает семантические признаки не только разной ономастологической природы, но неодинаковые и по своей внутриязыковой характеристике. Как представляется, в этой области словообразования, граничащей со словоизменением, еще предстоит выработать четкие принципы выделения модификационных значений в их отличии

¹⁰² Исследователи не раз отмечали эту особенность внутрикатегориального словообразования в русском языке. См., например: Улуканов И. С. Значения словообразовательных аффиксов и часть речи мотивирующих слов, с. 68.

¹⁰³ См., например: Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова, с. 158—163 и др. Ср. мнение А. Богуславского о необходимости разграничения аспектовых и деривативных «внутриглагольных» формантов.— Bogusławski A. Gzastowniki dokonane i niedokonane i ich stosunki wzajemne.— «Z polskich studiów slawistycznych». Seria 2. Warszawa, 1963, s. 158—159.

от других видов словообразовательной и грамматической (формообразовательной) семантики. В данном разделе мы остановимся на глагольных и некоторых субстантивных суффиксах.

1. Различный характер проявления категории совершенного вида в зависимости от семантических показателей исходного глагола и прежде всего от наличия и способа реализации его резульативной направленности может быть выражен лишь при существовании таких аффиксальных значений, которые способны отреагировать на очень тонкие, но существенные для видовой семантики смысловые оттенки производящей основы. Таким «набором» значений обладаю глагольные приставки с их широко развитой многозначностью¹⁰⁴. В указанном плане близок к ним и суффикс совершенного вида *-ну-*. Исследователи, изучающие функционирование суффикса *-ну-* в русском языке, отмечают у него «ряд свойств, сближающих его с приставками»¹⁰⁵. Несомненно, суффикс *-ну-* по семантике не может быть противопоставлен всем приставочным значениям; в системе аффиксов совершенного вида он занимает определенное место наряду с приставками и обладает своей спецификой. Э. П. Сенаторова выделяет два значения суффикса *-ну-*. «Первое значение включает сему краткости действия, а при соединении с многоактными лексами — и сему одноактности. Во втором значении сему краткости нет, суффикс имеет субъективно-оценочные свойства и экспрессивность. Лексы с суффиксом *-ну-* во втором значении принадлежат разговорной лексике» (с. 17). Лексико-грамматическая интерпретация данных выводов относительно суффикса *-ну-*¹⁰⁶ в самом общем виде может быть сведена к следующему.

¹⁰⁴ Содержательный анализ префиксальных связей глагола в этом аспекте дан в работах: Соколов О. М. Вопросы префиксальной дивергенции. — В сб.: Вопросы языка и литературы. Томск, 1970, с. 90—169; Он же. О дифференцирующей и интегрирующей функции русских глагольных префиксов. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968; Он же. О значении и функциях русских глагольных префиксов. — «Труды Томского гос. ун-та». Т. 174. Лингвистический сборник. Томск, 1964; Он же. О так называемом «избыточном» значении русских глагольных префиксов. — «Учен. зап. Томского гос. ун-та», № 47, Томск, 1963 и др.

¹⁰⁵ Сенаторова Э. П. Семантическая классификация глаголов с суффиксом *-ну-* на основании их валентных свойств. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Томск, 1973, с. 16—17. Далее стр. в тексте. Ср. также: «Основная цель присоединения приставки заключается во внесении какого-то нового момента в лексическое значение исходной основы. Ту же цель, в частности, изменение способа действия, преследует и перфективация при помощи суффикса *-н-*». — Бондарко А. В., Булангин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 41.

¹⁰⁶ Посвятив исследование тщательному изучению и всестороннему описанию семантических свойств глаголов на *-ну(ть)* (см.: Семантическая классификация глаголов с суффиксом *-ну-* на основании их валентных свойств. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Томск, 1973).

Видовую семантику суффикс *-ну-* выражает через указание на ограничение действия временными пределами, что подтверждается неспособностью глаголов на *-нуть* сочетаться с временными приставками (с. 7): временная валентность у них уже реализована. Эти пределы — сравнительно с приставочной семантикой — ограничивают процесс довольно краткой временной протяженностью (ср. *дунуть* и *подуть* какое-то время)¹⁰⁷. Значение «краткости» суффикс *-ну-* выражает в самых различных внутренних контекстах, оно характеризуется наибольшей степенью обобщения по отношению к возможным семантическим актуализациям суффикса и вводит глагол в новые лексико-грамматические рамки, поэтому может быть определено как системно обусловленное. Наиболее «чистая» его реализация наблюдается при сочетании суффикса *-ну-* с основами «длительного действия», которое под влиянием суффиксальной семантики приобретает достаточно жесткие временные рамки (ср. *блестеть* — *блеснуть*, *глядеть* — *глянуть*, *скользить* — *скользнуть*, *шептать* — *шепнуть*). В случаях, когда производящие глаголы выражают «краткие повторяющиеся» (многоактные) действия, детерминативное значение суффикса функционально конкретизируется до семантики одноактного действия¹⁰⁸, предопределяя существование соответствующего лексико-словообразовательного типа (подтипа) глаголов с суффиксом *-ну-* (ср. *толкнуть*, *прыгнуть* и т. п. с приставочными глаголами типа *сгруппить*, *смошенничать*, у которых приставка *с-* имеет значение «однократно совершить действие»). Но, являясь функционально определяемым, значение однократности у суффикса *-ну-* может возникнуть лишь при условии четкого членения производящей семантики на «отдельные акты». Многократные глаголы слабо выраженной членности в соединении с суффиксом *-ну-* образуют производные со значением «несколько актов»; мотивационные отношения между производящими и производными глаголами строятся по обобщенной схеме «длительность — краткость»: *хихикать* — *хихикнуть*, *хохотать* — *хохотнуть* и т. п. (с. 11).

Особенность глаголов с суффиксом *-ну-* заключается в том, что они называют краткое во времени действие как

Э. П. Сенаторова, однако, не ставила перед собой задачи выявления их собственно видовых характеристик (с. 5).

¹⁰⁷ А. Богуславский, например, приставку *по-* в составе глагольных единиц *попрыгать*, *попрыгивать* считает (наряду с суффиксом *-ыва-*), показателем «частотного, регулярно-прерываемого и возобновляемого», т. е. достаточно продолжительного действия. — См.: Bogusławski A. Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, s. 30.

¹⁰⁸ Ср. у Э. П. Сенаторовой. «Сема же одноактности в его значении вторична, она — результат взаимодействия сем краткости и многократности» — Указ. автореф., с. 13.

относительно самостоятельное по сравнению со всем длительным процессом, могущее завершиться в указанных временных пределах (фактически происходит не ограничение, а «сжатие» действия во времени). Отсюда — способность глаголов на *-нуть* соединяться не только с пространственными, но и результативными приставками: *толкнуть — затолкнуть, подтолкнуть* и *клюнуть — склюнуть (зерно), щипнуть — выщипнуть (волосы)*. Этим суффиксальные глаголы отличаются от образований с ограничительной приставкой *по-*, которые называют отрезок действия как часть целого, зависящую от этого целого и приводящую к результативному завершению действия только в составе этого целого (ср. *подуть и дунуть — сдунуть*). Значение совершенного вида у префиксальных глаголов на *-нуть* оказывается выраженным двояко: через указание на временное ограничение и на достижение результата действия или какого-либо иного предела.

Таким образом, в русском литературном языке суффикс *-ну-* двузначен. Его полисемия, как видим, носит «разноуровневый» характер: ее образуют обобщенное («краткость») и лексически зависимое («одноактность») значения суффикса. У глаголов типа *бабахнуть, грохнуть, лопнуть* значение краткости накладывается на подобное значение исходной единицы (ср. *бабахать, грохать, лопаться*), в силу чего и возникает «чисто грамматическая оппозиция» (с. 14).

В системе разговорной речи с помощью суффикса *-ну-* образуются оценочные и экспрессивные глаголы: *агитнуть, воспитнуть, симулировать* (с. 16). С нашей точки зрения¹⁰⁹, стилистически окрашенные значения глаголов с суффиксом *-ну-* возникают как результат присоединения суффикса жесткой временной детерминации («сжатия») к производящим единицам, обозначающим такие процессы, которые в силу их отвлеченного и сложного характера обычно не ограничиваются узкими временными рамками (краткость противоречит их сущности). Глаголы с суффиксом *-ну-* в этом случае как раз и подчеркивают противоестественность (оценочное значение) сужения подобных процессов во времени. Их общее значение, характеризующее словообразовательную систему разговорной речи, обусловлено особенностями производящей семантики и, по существу, является лексико-словообразовательным.

Интенсивность и ослабленность действия сопровождают также значение краткости у суффикса *-ану-*, но в этом случае указанная связь является обязательной для последнего. При соединении суффикса *-ану-* с многоактной производящей основой «краткость» актуализируется в значении одноактности.

¹⁰⁹ Э. П. Сенаторова считает, что в этих глаголах суффикс *-ну-* лишен значения краткости и выражает лишь «субъективно-оценочные свойства и экспрессивность». — Указ. автореф., с. 17.

Не все исследователи, занимающиеся изучением глаголов на *-ану(ть)*, отмечают у суффикса *-ану-* значение краткости¹¹⁰, при этом обычно не получает объяснения специфика видообразования у данных глаголов. Представляется, что последняя прямым образом связана со значением краткости, которым суффикс *-ану-* обладает во всех своих проявлениях. Показательны в этом отношении наблюдения над семантикой диалектных глаголов, сделанные О. Д. Кузнецовой¹¹¹. Рассматривая глаголы типа *сказануть*, *мигануть* 'быстро пробежать'; типа *катануть* 'много сделать за один раз или непродолжительное время', глаголы «слабого, неэнергичного и в то же время непродолжительного» действия (*плакануть*, *сыгрануть*), исследователь отмечает в них наличие компонента «непродолжительности»¹¹², предопределяющего семантику предельности действия, его целостности.

Если у глаголов с суффиксом *-ну-* оценочное значение возникает на лексико-словообразовательном уровне как следствие семантической несовместимости суффиксальной и производящей семантики, то у глаголов на *-ану(ть)* оно выражается самим суффиксом, исторически восходящим к суффиксам длительного (*-а-*) и краткого (*-ну-*) процесса¹¹³. Наиболее распространенным, особенно в просторечии и диалектах, является значение интенсивного действия; семантика ослабленного действия более характерна для литературного языка¹¹⁴.

В некоторых работах значение интенсивности, наряду с конкретным лексическим содержанием, рассматривается как результат влияния внешнего контекста или, в лучшем случае, как значение, выражаемое словообразовательной структурой в целом¹¹⁵. Но сопоставление глагольных пар с одной и той же производящей основой и разными суффиксами (*толкнуть* — *толкануть*), напротив, приводит к выводу

¹¹⁰ Не выделяет этого значения, например, П. С. Сигалов. См.: Глаголы с суффиксом *-ану-(ону-)* в русском языке.— «Учен. зап. ЛГУ». Исследования по грамматике русского языка, IV. Серия филологических наук, № 322, 1963, вып. 68.

¹¹¹ Кузнецова О. Д. Глаголы с суффиксом *-ану-* (*ону-*) в говорах русского языка.— В сб.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966.

¹¹² Кузнецова О. Д. Указ. раб., с. 50—52.

¹¹³ Сигалов П. С. Указ. раб., с. 77—78. Ср. замечания В. Дорошевского о вторичности экспрессивной семантики суффиксов в работе: Monografie słowotwórcze. Formacje z podstawowym *-k-* w części sufiksálnej.— «Prace filologiczne», t. 13. Warszawa, 1928, s. 238.

¹¹⁴ Сигалов П. С. Указ. раб., с. 70; Кузнецова О. Д. Указ. раб., с. 50.

¹¹⁵ Морозова М. И. Словообразовательные модели глаголов пятого продуктивного класса в современном русском языке.— «Учен. зап. Вологод. гос. пед. ин-та», т. 22. Вологда 1958. См. также у П. С. Сигалова: «Мы вовсе не хотим сказать, что указанное значение придается глаголам исключительно суффиксом *-ану-* (*ону-*)». (Указ. раб., с. 71).

о том, что значение ослабленной или повышенной интенсивности действия в глаголах типа *толкнуть* вносится суффиксом *-ану-*. Об этом же свидетельствует «семантическая пустота» таких глаголов, как *рубануть* (*булку, правду, дистанцию*)¹¹⁶, в которых суффикс *-ану-*, несмотря на «обобщенный» характер производящей основы, выражает значение краткого энергичного (интенсивного) действия¹¹⁷.

Суффиксы несовершенного вида *-ыва-/-ва-* и *-ача-* чаще всего «снимают» значение совершенного вида, выражая неограниченность действия внутренним пределом¹¹⁸. «Дополнительное» значение кратности действия, возникающее при этом у ряда глаголов¹¹⁹, может быть воспринято как «восстановление» и «сохранение» тех глагольных признаков, которые были нейтрализованы (ср. *дергать* — *дернуть* — *вдернуть* — *вдергивать*) или, напротив, возникли (ср. *глядеть* — *глянуть* — *взглянуть* — *взглядывать*) в процессе предшествующих словообразовательных этапов. Последний пример (*взглядывать*) показывает, что суффикс *-ыва-*, внося значение длительного действия (и тем самым «снимая» вносимое суффиксом *-ну-* значение краткости), вступает во взаимодействие с результиративной приставкой *вз-* и, оказываясь бессильным нейтрализовать ее семантику, создает значение нескольких (неограниченного количества) завершенных актов, образующих в целом длительное действие. В силу сказанного значение повторяемости действия может быть квалифицировано как функциональная разновидность суффикса *-ыва-*¹²⁰.

2. У отсубстантивных существительных со словообразовательным значением мутационного вида может происходить «изменение» лексико-грамматических характеристик, хотя оно и не является обязательным. Здесь возможен перевод исходного конкретного значения (в частности лица) в собирательное или отвлеченное, обуславливаемое соответствующим суффиксом: *-ат* (*калифат, протекторат, патриархат, старостат, деканат, ректорат, секретариат*), *-ур(а)* (*ад-*

¹¹⁶ Морозова М. И. Указ. раб.

¹¹⁷ Ср., кстати, справедливое замечание П. С. Сигалова, сделанное им относительно трактовки глаголов типа *рубануть* как семантически пустых: «Но ведь здесь как раз глагол, утратив способность обозначать какое-либо конкретное действие, приобретает способность обозначать любое действие, причем действие усиленное, энергично произведенное». (Указ. раб., с. 71). Разрядка моя. — М. Я.

¹¹⁸ См.: Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.—Л., 1963, с. 7—9, 143.

¹¹⁹ Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова, с. 161—162.

¹²⁰ Во всяком случае следует согласиться с Н. С. Авиловой в том, что «вопрос о дополнительном оттенке повторяемости в глаголе несовершенного вида в имперфектной видовой паре требует специального исследования...». (Указ. раб., с. 162).

вокатура, цензура, доцентура, прокуратура, регистратура), *-и(я)* (*астрономия, ветеринария, дипломатия, биология, бюрократия*). Тематическое ограничение производных единиц данных словообразовательных типов (общественные явления: общественная система, учреждения) зависит от ограничения производящих слов названиями лиц по должности или профессии. В этих условиях можно говорить о функциональной приспособляемости суффиксальной семантики, приобретающей собирательное или отвлеченное значение, т. е. значение неконкретного явления общественного характера.

Ряд словообразовательных типов переводит исходное значение неодоушевленного предмета или явления в производную семантику лица. Значение лица — производителя действия — наблюдается лишь в тех словообразовательных типах, где производящие существительные имеют значение действия или конкретного предмета, указывающего на возможный вид деятельности, занятия или профессии, см., например, существительные с суффиксом *-ец* (*пораженец, снабженец, примиренец*) и с суффиксом *-щик* (*трамвайщик, водопроводчик, паркетчик, атомщик*).

У существительных с суффиксами *-тор* и *-ор* значение лица поглощается общим значением «производитель действия»: ср. *агитатор, навигатор, экспедитор* и *реактор, экскаватор, репродуктор; ремонтер, визитер, боксер, лифтер, комбайнер* и *тренажер, компрессор, танкер, бомбер* (АГ-70, с. 109).

Слова со значением производителя действия (лица и нелица), мотивированные существительными, выражающими действие, фактически принадлежат к одному типу с отглагольными существительными со значением предмета по действию, ср. отглагольные существительные *творец, продавец, беженец, лжец, рубец, резец, питомец* и отсубстантивные — *снабженец, примиренец, поселенец*. Следуя нашим принципам, отсубстантивные существительные типа *снабженец* необходимо выделить в словообразовательный подтип, основой чему служит конкретизированное значение производных слов («лицо») и ограничение производящих единиц кругом существительных со значением действия, приводящее к функциональному уточнению суффиксальной семантики («лицо, производящее действие»).

Однако большое количество отсубстантивных словообразовательных типов, создающих новые лексические значения, не связываются в обязательном порядке с изменением лексико-грамматических показателей исходных существительных. Такая картина наблюдается у существительных с суффиксом *-ин(а)* (*низина, вершина, мешковина, палatina, перина, станина*), у которых общее словообразовательное значение может быть определено как «неодоушевлен-

ный предмет, называемый по предметному признаку», а производящее существительное может быть одушевленным и неодушевленным, мужского, женского и среднего рода. Тем не менее и здесь в случаях «столкновения» суффиксального значения («неодушевленный предмет») с одушевленной производящей семантикой возможна также смена некоторых лексико-грамматических характеристик. В этом отношении показателен словообразовательный подтип со значением «мясо животного» («неодушевленное существительное по одушевленному»): *баранина, телятина, лосятина, поросятина, медвежатина, верблюжатина, северюжатина, стерляжина, оленина, лебедятина, телятина, козлятина, цыплятина, утятина, осетрина, лососина, жеребятина, голубятина*. Его выделению способствует четкая тематическая характеристика производных существительных, ограничение производящих единиц значением «животное», а также формальное варьирование суффикса (*-ин/-атин-*), почти не наблюдаемое у существительных данного словообразовательного типа других значений. Суффиксальное значение «неодушевленного предмета» функционально приспособляется для выражения вещественного значения («мясо»). Конкретизированная суффиксальная семантика так прочно связана с данным словообразовательным значением, что даже в случаях, когда существительные на *-атин(a)* мотивируются прилагательными, суффикс может функционировать в этом конкретном значении (ср. *свежатина*), хотя в других подобных образованиях суффикс *-атин-* выступает в своем более общем значении (*дохлятина, кислятина, серятина, тухлятина*).

Вследствие прикрепленности большинства суффиксов к определенным парадигмам склонения многие словообразовательные типы изменяют родовую принадлежность производного слова по сравнению с производящим.

3. Обращаясь к характеристике модификационных субстантивных суффиксов, хотелось бы подчеркнуть, что многие из них не являются собственно модификационными и могут варажать также значения мутационного вида. При этом соотношение указанных значений у разных суффиксов может быть различным. Модификационными считаются, например, суффиксы «женскости»¹²¹. Присоединяясь к существительным мужского рода со значением лица, они образуют производные со значением лица женского пола (*царь — царица, производственник — производственница, учитель — учительница, телятник — телятница* и др.). При отсутствии необходимости в указании на половую принадлежность для обозначения лиц женского пола могут быть использованы соответствующие существительные мужского рода. Это обстоятель-

¹²¹ АГ-70, с. 120—125.

ство как будто подтверждает узкую семантику соответствующих суффиксов («женский пол»).

По указанное соотношение соблюдается не всегда, см., например. *цыплята, цыплятник — цыплятница, гуси, гусятник — гусятница; куры, курятник — курятница; коровы, коровник — коровница, корсаж — корсажница*¹²². Как видим, в данном случае о модификационной семантике производных существительных женского рода говорить не приходится производящие слова не имеют значения лица. Существительные *цыплятница, гусятница, коровница* имеют двойную мотивацию, ср.: 'женщина, работающая в *цыплятнике, (гусятнике, коровнике)*' и 'работница, ухаживающая за *цыплятами (гусями, коровами)*'. Подобную мотивацию могут «сохранять» и существительные, соотносимые со словами мужского рода в значении лица, ср.: *телятница* 'женщина, ухаживающая за *телятами*', 'женщина, работающая в *телятнике*' и 'женск. к *телятник*'¹²³, *птичница* 'женщина, ухаживающая за *птицами*', 'женщина, работающая в *птичнике*' и женск. к *птичник*'¹²⁴ и др. Из сказанного можно заключить, что суффикс *-(ят)ниц(а)* имеет значение «лицо женского пола», а для рассматриваемых существительных характерен оттенок значения «женщина, занимающаяся соответствующим делом по профессии» (женщину, дающую корм своим, личным цыплятам, не называют «цыплятницей»).

Отмеченное выше модификационное значение у суффикса *-ниц(а)* представляет собой функциональный вариант его более общей семантики, возникший в результате нейтрализации суффиксального компонента «лицо» под влиянием производящего значения (тоже «лицо»). В целом же значение «женский пол по лицу», как и предыдущее («женщина — работница...»), является лексико-словообразовательным. Другие суффиксы, как, например, *-иц(а)*, обладают более обобщенным значением — «существо женского пола», ср.: *мастерица, ударница, любимица, львица, тигрица* (АГ-70, с. 121). Следует заметить, что аффиксы со значением лица или существа женского пола поддерживают лексико-семантические основы категории рода.

Взаимодействие модификационной и мутационной семантики суффикса может зависеть от набора лексико-словообразовательных значений того и другого вида и от степени их близости. Так, в современном русском литературном языке выделяется модификационный суффикс *-к(а) /-очк(а)*, который

¹²² Подобные связи наблюдаются также и в диалектном языке. См., например: Пантелеева Е. М. Образование имен существительных со значением лица (по материалам говоров Томской и Кемеровской областей), с. 124—125.

¹²³ *Телятник* — 1. Хлев для телят. 2. Работник, ухаживающий за телятами. — См.: МАС, т. 4.

¹²⁴ *Птичник* — 1. Постройка для домашней птицы. 2. Работник, ухаживающий за домашней птицей. — См.: МАС, т. 3.

придает производным существительным целый ряд значений: 1) уменьшительно-ласкательное (*головака, ручка, ножка*); 2) только уменьшительное (*картинка, батарейка*); 3) только ласкательное (*неделька, сторонка*); 4) уменьшительно-уничижительное (*теорийка, школка*) (АГ-70, с. 132). Обращая на себя внимание чисто уменьшительная семантика, которая в перечне значений, связанных с суффиксальной формой *-к(а)*, занимает среднее место между субъективными и несубъективными значениями. Отражая объективные формы предмета, который, однако, может быть назван и наименованием без *-к(а)*, уменьшительные существительные сближаются со словами «единичности». Последние, мотивируясь существительными со значением материала, обозначают «один кусок этого материала»: *бумажка, ватка, картонка, шоколадка* (АГ-70, с. 129). Среди них, в свою очередь, выделяются слова со значением «предмета, изготовленного из материала»: *шоколадка* — это не любой кусок шоколада, а определенной, фабрично обработанной формы; то же можно сказать о словах *резинка* (ср.: 1 — кусочек резины определенной формы, служащий для стирания написанного; 2 — резиновая нитка, а также тесемка из резиновых и бумажных нитей, растягивающаяся при натяжении)¹²⁵; *суконка* (лоскут сукна или другой шерстяной ткани, употребляемой для чистки, натирания чего-либо)¹²⁶ и др. К данным словам непосредственно примыкают существительные метафорического словообразования со значением «подобной формы или назначения»: *ножка* (стола), *ручка* (двери)¹²⁷. У существительных с семантикой подобия и «один кусок» суффикс *-к(а)*, на наш взгляд, обладает значением конкретного (поддающегося счету) предмета, которое в сочетании с разными видами производящей семантики создает различные словообразовательные значения.

Постоянное влияние во внутрикатегориальной субстантивной сфере мутационных словообразовательных значений на модификационные, своеобразно поддерживаемое отсутствием денотативной опоры у семантики субъективной оценки, приводит к тому, что оценочное значение существительных «стирается», а суффикс *-к(а)* получает семантическую переориентацию. Этот процесс наблюдается у существительных с суффиксами *-к(а)*, *-ок*, *-ик* и др.¹²⁸ А. А. Дементьев отмечает,

¹²⁵ Ср.: МАС, т. 3.

¹²⁶ МАС, т. 4.

¹²⁷ Начинкина Г. М. Разновидности смысловых отношений между производными и базовыми словами и условия многозначности производных. — «Русский язык в школе», 1973, 6, с. 88.

¹²⁸ См., например: Дементьев А. А. Имена существительные с утраченной уменьшительностью. — «Русский язык в школе», 1948, 1; Он же. Уменьшительные слова в русском языке. — «Русский язык в школе», 1953, 5; Громова Н. М. Утрата уменьшительного значения в некоторых именах существительных женского рода с суффиксом *-к(а)*. — В сб.: Вопросы русского языка, кн. 2. Львов, 1956.

что из трехсот слов русского языка с суффиксами *-ок, -ек, -к(о)* около двухсот имеют не уменьшительное, а «самые различные специальные значения»¹²⁹. Следовательно, происходит своеобразное «внутреннее» движение слов от субъективной оценки как крайней точки модификационной семантики к мутационному значению «конкретного специализированного предмета», движение, синхронически не затрагивающее принципиального разграничения различных словообразовательных типов и подтипов. Языковым условием такого семантического «скольжения» производных существительных является наличие серии близких друг другу лексико-словообразовательных значений, образующих непрерывную шкалу перехода между двумя указанными семантическими точками.

Семантическая характеристика модификационных суффиксов зависит также и от сферы их функционирования. Наряду с указанными значениями, выражаемыми аффиксальной формой *-к(а)*, в русском литературном языке отмечается стилистическая модификация; ср. *табурет* — *табуретка*, *книга* — *книжка*, *дыра* — *дырка* и др., где производные слова синонимичны производящим, образуя с ними стилистически сниженные параллели (АГ-70, с. 139—140). Сфера функционирования таких существительных — разговорная речь и просторечие.

Следует отметить, что подобные образования имеются не только в литературной разновидности некодифицированной речи, но и в диалектах, где они, однако, лишены стилистической окраски и объединяются в словообразовательный тип, характеризующийся формальной выраженностью «предметной» семантики. В томских говорах, например, слова-дублиеты с суффиксом *-к(а)* и без него наблюдаются в одних и тех же районах; их можно услышать в речи одного и того же лица без какой-либо стилистической дифференциации. Так, слова *балбэра* и *балбэрка* со значением «поплавок из коры» отмечены в Верхнекетском, Каргасокском, Колпашевском, Кривошеинском районах, *вьюха* и *вьюшка* (приспособление для сматывания пряжи) — в Томском и Туганском, *куча* и *кучка* (разновидность малой кладки снопов) — в Асиновском, Зырянском, Колпашевском, Тегульдетском, Туганском и др., *йглица* и *йгличка* (приспособление для вязания сетей) — в Верхнекетском, Колпашевском, Кривошеинском, Парабельском, Томском; *завбра* — *завбрка* (жердь, закрывающая проход в городье) — в Кожевниковском, *загнэта* и *загнэтка* (небольшое углубление в русской печи, куда загребают угли и золу) — в Колпашевском и Кривошеинском и т. п. См.: «Балберы из тополины, тополевы». «На верхний край

¹²⁹ Дементьев А. А. Уменьшительные слова в русском языке, с. 8.

невода прикрепляются балберки» (Крив.). «Пасмницы развяжешь на вьюхи, воробы крутятся»; «Тогда разматываш на вьюшке» (Том.). «Человек один может и стог снопов нажать. Потом его в кучи ставишь. Кучками назывались десять снопов» (Юрг.). «Можно самим плести, да нет интересу. Вот иглица». «Игличка — сети вязать» (Шег.). «Завора, заворка — затыкаются жердочки в колья» (Кож.) и т. д.

Анализ диалектных существительных, как кажется, позволяет с иной точки зрения взглянуть на стилистически сниженные слова разговорной речи, которая тоже может быть рассмотрена как особая разновидность русского языка¹³⁰.

В диалектах такие слова встают в ряд с другими существительными на *-к(а)*, как бы завершая картину их семантической дифференциации. Здесь так же, как в литературном языке, можно выделить слова, которым суффикс *-к(а)* придает субъективно-эмоциональную окраску: *зѣдорожка* от *зѣдорога* (поперечная стенка в русской печи, в которой сделан проем для устья печи), *завѳринка* от *завѳрина* (жердь, закрывающая проход в городьбе), *заварѳшка* от *заварѳха* (мучная каша на молоке или воде), *ладѳнка* от *ладѳнь* (площадка для молотьбы на гумне) и др.

Существительные на *-к(а)* могут выражать значение чистой уменьшительности, называя предметы, отличающиеся уменьшенными по сравнению с распространенными в жизненной практике размерами: *глызка* (маленькая глыза 'ком'), *елѳнка* (небольшая *елѳнь* 'прогалина в лесу'), *лѳшка* (ум. к *лѳха* 'полоса земли, пашни') и др. Подобные существительные лишены эмоциональной окраски, их уменьшительное значение отражает объективно существующие особенности соответствующих реалий. Этим данные слова отличаются от слов первой группы, в которых значение уменьшительности предстает не только как отражение действительных размеров обозначаемого предмета, а является своеобразным способом выражения субъективного представления о нем, вызванного причинами эмоционально-оценочного порядка. Отсюда и значение эмоциональной оценки, свойственное существительным первой группы. В словах же 2-й группы уменьшительность из чисто субъективного оттенка превращается в составную часть предметно-лексического значения.

И, наконец, выделяется группа существительных с суффиксом *-к(а)*, которые, как отмечалось, лишены и оценочности, и уменьшительности. Дублируя лексическое значение слов без *-к(а)*, они соотносятся с производящими единицами как словообразовательные варианты: *долѳшка* и *долѳша* (длин-

¹³⁰ Русская разговорная речь. Отв. ред. Е. А. Земская. М., «Наука», 1973, с. 23—25.

ная телега, служащая для перевозки жердей), *бердѣнка* и *бердѣна* (вид ружья), *занѣвеска* и *занѣвеса* (занавѣска, занавес), *баклѣшка* и *баклѣша* (бьющая часть цепа) и т. п. (см. также примеры выше).

Некоторые слова 3-й группы имеют семантическое отличие от соответствующей им пары. В этом случае существительные с *-к(а)* обозначают какую-либо разновидность предмета, называемого словом без *-к(а)*. Так, *бесѣда* значит «скамейка», а *бесѣдка* — «сиденье, скамейка в лодке»; *бурѣн* означает метель вообще, *бурѣнка* — метель, стелющуюся по земле; *бесѣдой* называют также компанию людей, *бесѣдками* (только в форме мн. числа) — посиделки, собрание молодежи для развлечения и веселья и т. п. В этих образованиях еще более подчеркнута роль суффикса как выразителя значения конкретного предмета, а словообразовательное значение приобретает оттенок уподобления одного предмета другому¹³¹.

Как показывает анализ отсубстантивного словообразовательного типа с суффиксом *-к(а)* с точки зрения его положения внутри одной (в нашем случае диалектной) системы, «стилистическое» предназначение суффикса следует рассматривать как ограничение сферы его функционирования рамками соответствующей системы языка, само по себе, однако, не раскрывающее его семантической специфики (выявление последней требует специального рассмотрения).

Представляется также, что «стилистическая сниженность» существительных типа *книжка* в разговорной речи является таковой лишь с позиций кодифицированного литературного языка, отражая общее соотношение двух вариантов языковой системы; в пределах разговорной речи сниженность таких слов не отмечается¹³². В еще большей степени это относится к соотношению диалектной и кодифицированной литературной речи. В самом же кодифицированном языке данный словообразовательный тип отсутствует, подтверждая тем самым тезис о том, что кодифицированная и некодифицированная сферы русского языка «различаются набором единиц»¹³³.

¹³¹ Более подробное описание данных групп диалектных существительных, контексты их употребления и территорию распространения см. в ст.: Янценецкая М. Н. К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью.— В сб.: Вопросы русского языка. Томск, 1965.

¹³² Ср.: «Дифференциация стилей возможна, по-видимому, лишь в пределах одной системы, иначе понятие «стиль» теряет сколько-нибудь уловимые очертания».— Ковтунова И. И. Принципы словорасположения в современном русском языке.— В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., «Наука», 1967, с. 142.

¹³³ Русская разговорная речь, с. 20.

IV. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Итак, словообразовательный суффикс как двузначная языковая единица обладает относительно самостоятельным значением. Исходя из функционального назначения суффикса как средства лексико-грамматического преобразования одной лексической единицы в другую, его системное значение может быть определено путем абстракции наибольшей степени обобщения, проводимой дедуктивным способом с учетом места суффиксальной семантики по отношению к лексико-грамматическим показателям формируемого слова (см. суффиксальные значения: «активный процесс», «неодушевленный предмет», «производитель действия», «имеющий отношение» и т. п.).

Наличие у суффикса собственного значения предопределяет его способность к сочетанию с одно- или многоморфемными образованиями в соответствующих семантических пределах. При этом семантические потенции суффикса могут реализовываться во внутрисловных контекстах нескольких видов, что определяется его свойством приспосабливаться к производящему значению. Опираясь на такие показатели исходной единицы, которые по степени обобщения соответствуют уровню, необходимому для объединения производящей и суффиксальной семантики, суффикс преобразует имеющиеся в языке значения в целых «введения» их в новые лексико-грамматические рамки. Сам суффикс, в свою очередь, приспосабливается к сочетанию с разными типами производящих единиц, вследствие чего он может конкретизироваться, представляя в этом виде функциональную реализацию своего более абстрактного системного значения.

Употребление разных типов семантических единиц в качестве производящих приводит к возникновению нескольких функционально характеризуемых значений суффикса, каждое из которых может быть рассмотрено как актуализация относительно независимой абстрактной суффиксальной семантики. Функциональные значения суффикса находятся в отношениях полисемии, организованной по принципу «разноуровневой» (абстрактное и конкретизированные значения) или «одноуровневой» (несколько конкретизированных значений) реализации его инвариантного (системного) значения.

В результате сочетания функционально конкретизированного суффиксального значения с типизированными элементами производящей семантики возникает лексико-словообразовательное значение (значение словообразовательного подтипа) или даже «новое» словообразовательное значение (значение словообразовательного типа), особенно если оно поддерживается грамматическими показателями, отмечаемыми у замкнутой группы производных слов. Конкретные виды свя-

зей производящей и суффиксальной семантики зависят от меж- или внутрикатегориальной сферы их реализации (т. е. с переводом производящего значения в семантическую единицу другой части речи или с сохранением «старых» общекатегориальных рамок).

В случаях более или менее отвлеченного характера словообразовательного и лексико-словообразовательных значений словообразовательные типы и подтипы могут соотноситься с несколькими тематическими объединениями производных слов. Однако ряд словообразовательных типов имеет такое словообразовательное значение, которое прямо соотносится с обобщенно-мотивировочной семантикой производных слов, вследствие чего словообразовательные и тематические группы лексики совпадают между собой (см., например, словообразовательное значение «там, где происходит действие» у отглагольных существительных, называющих «помещения»: *парильня, гладильня* и т. п.).

В принципе с помощью суффикса может объединяться неограниченное число тематических рядов, выделяемых на лексико-семантическом уровне и формально (словообразовательно) не закрепленных. Тем не менее возможность соотношения нескольких тематических значений с единой суффиксальной семантикой, как и непосредственное их соотношение по принципу один к одному, не может не учитываться в языке при пополнении лексико-тематических рядов новыми единицами. В рамках семантической сочетаемости суффикса производящее значение определяется теми принципами номинации, которые характерны для тематических групп, пополняемых с помощью данного словообразовательного типа.

Особенности функционирования слов разных частей речи в качестве производящих единиц и способность суффиксов приспособляться к различным видам производящей семантики создают условия для изменения существующей системы словообразовательных типов и моделей. Происходящее внутри словообразовательной системы движение осуществляется в форме взаимодействия собственно лексической и словообразовательной мотивированности производных слов. Анализ этого взаимодействия требует совмещения ономастологических и семасноложических подходов к рассматриваемому материалу.

Глава четвертая

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЯВЛЕНИЕ АНАЛОГИИ

О двух тенденциях в развитии словообразовательной системы

В основе словообразовательных процессов лежит явление аналогии¹. Систематизирующее влияние аналогии на морфологические категории заставляет видеть в ней «орудие системности»² также применительно к другим сторонам языка, в том числе и к словообразованию. Тем не менее высказанный в такой общей форме, данный тезис еще не объясняет всех случаев образования слов. В языке имеются такие лексические единицы, которые, несмотря на их производность, лишь условно могут быть отнесены к тому или иному словообразовательному типу. Аналогический принцип словообразования срабатывает как бы не в полную меру, во всяком случае, появление таких слов не укрепляет словообразовательных типов и в целом словообразовательной системы. Очевидно, действие принципа аналогии в словообразовании по сравнению с морфологией отличается определенным своеобразием. Представляется правомерным выделять в словообразовании для вида аналогии: полную и частичную.

Принцип полной аналогии лежит в основе действия словообразовательных моделей. Он предполагает возникновение таких слов, которые по своей формально-семантической словообразовательной структуре полностью уцелобляются словам, построенным по данным словообразовательным моделям, повторяя их словообразовательные характеристики. Иными словами, в результате полной аналогии происходит отождествление формально-смысловой словообразовательной структуры одной лексической единицы другим, отражающее кумулятивное изменение словообразовательного типа в пределах его тождества. Тем самым полная аналогия направляет

¹ Ср.: «Аналогия пронизывает все способы словообразования. Она составляет их внутренний механизм» — Ханпиря Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. — В сб.: Развитие словообразования современного русского языка. «Наука», 1966, с. 158.

² Никитина Ф. А. Влияние аналогии на словообразование. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Киев, 1973, с. 2.

ет словообразовательный процесс в русло действия отработанных в языке морфологических приемов. Расширяя количественно отдельные словообразовательные типы, она не вносит качественных изменений в существующую словообразовательную систему. Напротив, объединяя новообразования под знаком определенных аффиксов, она способствует укреплению стабилизации словообразовательной системы. В силу сказанного полная аналогия может рассматриваться как принцип морфологической организации производных слов.

В результате неполной аналогии создаются новые слова, словообразовательная структура которых приобретает некоторые индивидуальные черты, отличающие ее от структуры словообразовательного образца. Новообразования не поддаются объединению с какой-либо морфологически организованной словообразовательной группой, что ведет к нарушению тождества словообразовательных типов и изменению отдельных звеньев словообразовательной системы. В неполной аналогии проявляется «дезорганизирующее» влияние лексики, наиболее прямо связанной с внеязыковой действительностью и открытой для нововведений.

Образование слов на основе полной и частичной аналогии отражает действие двух противоборствующих тенденций, которые в своем единстве создают своеобразие словообразования в отличие от морфологии и лексики. Эти тенденции находят поддержку в существовании таких явлений, как лексическая и словообразовательная мотивированность.

Лексическая и словообразовательная мотивированность слова

1. Понятие лексической и словообразовательной мотивированности

Проблема мотивированности слова в современном языкознании весьма актуальна. Она нашла отражение в целом ряде работ³, в которых устанавливаются основные характе-

³ См.: Моисеев А. И. Мотивированность слов. (Мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке).— Исследования по грамматике русского языка. «Учен. зап. Ленинград. ун-та», № 322, вып. 68, 1963; Торопцев И. С. Лексическая мотивированность. (На материале современного русского литературного языка). — «Учен. зап. Орловск. пед. ин-та». Историко-филологический факультет, т. 22, 1964; Черкасский М. А. Мотивация слова в аспекте динамики языка.— Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции, вып. 2, ч. 2. Новосибирск, 1969; Тихонов А. Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке.— «Русский язык в школе», 1970, 4; Шмелев Д. Н. О третьем измерении лексики.— «Русский язык в школе», 1971, 2; Улуханов И. С. Виды формально-семантической мотивации

ристики того или иного вида мотивированности и анализируются условия и формы его проявления в языке. Дальнейшие уточнения в данном вопросе, на наш взгляд, могут быть получены в результате сопоставления выделенных разновидностей мотивационных отношений и выявления их отличительных признаков. Прежде всего это касается явлений словообразовательной и лексической мотивированности, имеющих много общих точек и поэтому с трудом поддающихся разграничению. Установление сходств и различий между лексическими и словообразовательными мотивационными отношениями позволит более наглядно представить картину взаимодействия лексики и словообразования.

Явление лексической мотивированности на материале разных языков рассматривалось в работах С. С. Масловой-Лашанской, К. А. Левковской, Д. Н. Шмелева, О. И. Блиновой⁴ и др. Прямые высказывания по поводу лексической мотивированности, подкрепленные анализом фактов русского языка, имеются в статье Д. Н. Шмелева «О третьем измерении лексики». «Каждое слово, — утверждает Д. Н. Шмелев, — помимо парадигматических и синтагматических связей, характеризующих (и определяющих в известном смысле) его лексическое значение, находится и в деривационных отношениях с другими словами — как по линии смысловых операций, так и по линии словообразовательных (и шире — фонетических) сближений». И еще: «Деривационная связанность может быть интерпретирована как мотивированность»⁵.

Наиболее строго и полно мысль Д. Н. Шмелева развивается на материале диалектного русского языка в работах О. И. Блиновой⁶, которая лексическую мотивированность определяет как «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной (корневой и аффиксальной). — М. Я.) соотносительности»⁷.

слов и проблемы описания словообразовательной семантики. — Учен. зап. Пермск. ун-та. Вопросы грамматики, № 243, 1972; Левницкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973; Блинова О. И. Фактор мотивированности и вариантность слов. — В сб.: Язык и общество. Вып. 3. Саратов, 1974; Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974 и др.

⁴ Кроме указанных работ Д. Н. Шмелева и О. И. Блиновой, см.: Маслова-Лашанская С. С. Из записок по шведской лексикологии. — Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, 2, 1958. «Учен. зап. ЛГУ», № 243, серия филологических наук, вып. 42; Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962 и др.

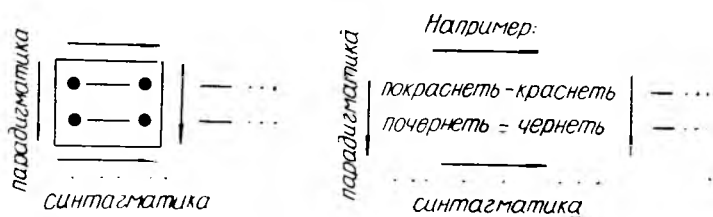
⁵ Шмелев Д. Н. О третьем измерении лексики, с. 9—10.

⁶ Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии. Дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Томск, 1975. Раздел 3. Явление мотивированности слов; Она же. Фактор мотивированности и вариантность слов.

⁷ Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии, с. 316.

Речь идет о мотивационных отношениях вторичных, производных слов, которые именно в силу своей производности и способны устанавливать «лексическую и структурную соотнесенность». Установление «лексической» соотнесенности предполагает выявление индивидуальных связей данного слова с одним или несколькими однокорневыми словами; «структурная» соотнесенность проявляется в связях данного слова со словами подобной (но не обязательно тождественной) морфемной структуры. Конечной целью установления отношений такой мотивации является определение значения производного слова через сопоставление его с семантически и формально близким словом.

Под словообразовательной мотивированностью в данной работе понимается способность слова обнаруживать внутреннюю формально-смысловую организацию на основе его двуединой (основной и формальной) соотнесенности, отражающей существующие в языке способ и средство подачи словесной информации⁸. При этом основная соотнесенность производного слова устанавливается с таким однокорневым словом, связь с которым отражает типовую словообразовательную зависимость двух семантических категорий, а формальная (аффиксальная) соотнесенность позволяет отразить типичность представленного в производном слове способа и средства подачи словообразовательной семантики. В результате выявления отношений словообразовательной мотивированности определяется формально-семантическая словообразовательная структура производного слова,

т. е. его словообразовательное значение и словообразовательная форма. Иначе говоря, словообразовательная мотивированность характеризует группу слов и может быть установлена лишь на основе нескольких, минимум двух, лексических рядов, в составе которых производное слово ус-

Как видим, в лексикологии термин «лексический», кроме значения «прил. к лексика», приобрел еще один смысл — «характеризующийся общностью корня. Ср.: Fortunatov Ф. Ф. Избранные труды. М., 1956, т. 1. Сравнительное языковедение, с. 136.

⁸ Подробнее см.: Яценецкая М. Н. Словообразовательная и лексическая мотивированность слова. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 4, Томск, 1977.

танавливает синтагматические и парадигматические связи (см. схему на с. 204)⁹. Совмещение синтагматических и парадигматических характеристик является специфической и обязательной особенностью словообразовательной мотивированности, представленной и закрепленной в формально-семантических типах слов.

Кроме отношений непосредственной мотивации¹⁰ выделяют также виды словообразовательных отношений, которые ретроспективно стоят за непосредственной мотивацией или вызваны ею к жизни. Исследование этих явлений приводит языковеда к описанию отношений в словообразовательной цепочке и, в конечном счете, в словообразовательном гнезде, т. е. к рассмотрению мотивационных связей в словообразовательной синтагматике. Анализ повторяемости, регулярности данных связей дает парадигматический аспект исследования, завершающийся во всех этих случаях, как и при непосредственной мотивации, созданием условного квадрата; ср., например, опосредствованные мотивационные связи типа

покраснеть — ... — красный
почернеть — ... — черный
..... — ... —

Совокупность существующих в языке типовых словообразовательных отношений создает основу его морфемно-семантической системы, но различные их виды играют в словообразовании неодинаковую роль. Собственно словообразовательными являются те формально-смысловые, межлексемные связи, за которыми стоят непосредственные акты образования слов. Все иные разновидности формально-смысловых отношений связаны с процессом создания слов постольку, поскольку в них отражены те переходные моменты диахронического словообразования, которые отражают становление и особенности функционирования той или иной словообразовательной модели. Опосредствованные связи любых видов, чтобы приобрести статус собственно словообразовательных, должны стать отношениями непосредственной мотивации.

Очевидно, что в синхронном словообразовании (если мы хотим, чтобы это была теория словообразования, а не только морфемно-семантической организации слов безотносительно к действующим словообразовательным процессам) отношения непосредственной словообразовательной мотивации должны рассматриваться как отношения первого ранга, все остальные виды мотивационных связей фактически отражают

⁹ Ср. «квадрат» Гринберга.— Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 81—83.

¹⁰ Улуханов И. С. Указ. раб., с. 73.

лишь этапы отмирания или зарождения словообразовательной модели. Тем не менее «показания» мотивационных отношений, так сказать, второго ранга в силу их способности отражать прошлые и в определенной мере подготавливать будущие словообразовательные процессы помогают языковеду вскрыть особенности внутреннего механизма словообразовательной системы¹¹.

Таким образом, типизированность и связь с процессами словообразования являются теми чертами, которые необходимо назвать прежде всего, характеризуя явление словообразовательной мотивированности. Словообразовательная мотивированность в силу многомерности тех связей, которые лежат в ее основе, почти не находит непосредственного выражения на уровне речи, синтагматичной по своей природе. Только при условии приобретения линейного характера словообразовательная мотивация может найти речевое проявление. Но линейностью межлексемных связей характеризуются мотивационные отношения лишь по линии единичных слов, что оказывается возможным при условии, когда один из углов квадрата не принимается во внимание. По существу, в этом случае словообразовательная мотивация уступает место лексическим мотивационным отношениям.

2. Лексическая мотивированность в устной и письменной речи

Указание в речи на мотивационные отношения между словами связаны с дополнительными коммуникативными задачами, которые ставят перед собой говорящие. Во-первых, это может быть сообщение в рамках употребленной синтаксической единицы дополнительной фактической информации, подчеркивающей общность двух явлений, их взаимообусловленность или постоянную соположенность. Оно производится путем толкования одного слова через другое, даваемое, однако, не в виде распространенной конструкции, а свернуто, как сопутствующее основной информации высказанию. Такое использование мотивационных связей характерно, в частности, для ситуации двуязычия, где они специально восстанавливаются в целях усвоения смысловых и иных взаимоотношений между словами изучаемого языка. Свообразная, но в принципе аналогичная картина наблюдается внутри одного языка на стыке между литературным языком и диалектами или между диалектами.

¹¹ Ср.: «Хорошее (синхронное.— М. Я.) описание языка повторяет в снятом виде его диахронический анализ». — Чурганова В. Г. О предмете и понятиях фономорфологии. — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка». 1967, с. 26, вып. 4, с. 367.

Во-вторых, не менее часто мотивационные связи слов используются в эмоционально-экспрессивных целях, в целях создания образного строя речи, вызывающего у говорящих зрительные, звуковые и т. п. ассоциации¹². Ассоциативность речи нередко одновременно служит также выражению дополнительной ситуативной информации.

Следует отметить, что мотивационно связанные слова могут использоваться в одном и том же предложении и без особого коммуникативного назначения, только в силу того, что они являются единственными наименованиями представляемых реалий¹³. Не ставя перед собой специальной задачи рассмотреть употребление мотивационных связей первого и второго видов, мы проиллюстрируем их лишь рядом примеров.

Чрезвычайно богатый материал, позволяющим наблюдать подобные факты в их более обнаженном виде, является диалектная речь. Мотивационные связи широко представлены в ней независимо от содержания высказывания: это может быть разговор на домашние, бытовые темы, о колхозной жизни, рыболовстве и охоте, о сборе шишек и т. п. Ниже даны образцы текстов томских говоров, в которых найдено отражение мотивационные отношения между словами¹⁴.

— Вот и **перегоревали** войну-то. А когда мужики воротаться начали, совсем лучше стало ... А к кому не приходи мужовья, тому ту же было. Так и дале **горе** мыкали ... У многих вообще не вернулись. **Ждали**, ждали их, да так и не **дождались**... В войну одна осталась с детьми... **голод** был, **голодовали**. **Носить** ниче не было. Че было старое, все **принашивали**, **припочинивали** (Луговская). У меня **памяти** нету. За-всегда засуну и **шарюсь** потом, как **шара** ... Я уже век **напроживаю**, а **кака-то беспамятна** ворона (Нелюбино). **Работяга** — потому что **работает**, а **работать** любит ... **Молотяга** — хлеб **молотит**. Это человек такой, он к одному ходит — помогает хлеб **молотить**, другому помогает. **Молотяга** — потому что **молотит** больше (Белый Яр). **В озерешках**, **источниках** полно **чебаков**, **окуней**, **шщук**, **карасей**. Закинешь бродничиска в **каку-нибудь ямку**, **глядишь**, **ведро**, а то **полтора** добудешь ... Если **хочут добыть шщuku**, то да **насаживают чебачишку**, а то **окунишку** ... Ребятня только **торчит** летом на **озерах** (Алтаево). На **рыбалку** ездим по **бригадам** ... Друга **бригада** **отправляется** в **неводнике**, когда надо **привезти невода** ... **неводят**

¹² См.: Аветян Э. Г. Мера знаковости языка.— В сб.: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976, с. 14—19.

¹³ Блинова О. И. Мотивированность слова и функциональный аспект (на диалектном материале).— В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976, с. 18.

¹⁴ Выборка текстов произведена из картотек ДМ и ДМС. В работе тексты даны в орфографической записи с сохранением некоторых особенностей диалектного произношения.

бродничишками два человека, а неводом пять, шесть, семь человек. Старший из рыбаков — уставщик, он устанавливает невод. Коловщик идет впереди всех, ставит колья. Закидальщик забросит его в воду подальше. Пятовщик вытягивает тетиву на берег. Закидывают и вытягивают по два-три человека. После неводенья сушат невод, развешивают его на кольях (Парабель). Махровый, как-нибудь одежда изорвалась, она и размахрилась, махри висятся, а то просто рваная, если где порвал и не зашил вовремя, она замахрилась, вот и махровая, всяка одежда (Тюхтерево). Когда мужики обневаживают озера, то сперва выдалбливают поды, пролуби. Запускают невод в ердань, а в притоне вытаскивают (Алагаево). Зимой мужики рыбачить едут в шубах, в тулупах. Тулупы шьют из овчины, шерстью вовнутрь. Дохи и шичас носят из медвежатины, а то из собачины шерстью кверху (Алатаево). Ща... только увидели друг друга и через неделю уж женились. Мать, отца не спросили. Не успеют пожить, уж и разженились... А в иашу-то молодость без согласия родителей никуда... Невеста не соглашается, дак силой отдают... А когда по добру, то сперва засылают к невесте сватов... «У нас есть жених, а у вас невеста, мы пришли свататься...». После сватованья делают девичник. Девки сидят, шьются, расшивают рубахи, полотенца на подарок жениху, свекру, свекровке, поют песни (Кисловка). Пряжу мотали — мотовило называлось. Тут, как головочка, мотком навивали. Разматывали — опеть така штука — воробы, бабы назывались (Ярское). Ведро называют — это ясный день, безветренный день, ведрый день или ветренный... Говорят: разведривать (Нарым). Мы ба с тобой жили, а потом разделились, так говорят раздележка прошла (Мохово). К скотине надо поехать, а то разбредется, она разбраживается у меня (Городище). Однорезка — пополам разрежут лесину. Дрова режут на козле (Кафтанчиково). А вот зубы, так те тоже как разболятся, так хоть вой от боли (Гынгазово). Раздорожиться и было слово. Это дороги расходятся — одна сюда, друга — в другу сторону, третья в другую (Белый Яр). Света, ну-ка раздемши не ходи, раскримши (Инкино). Щас рано ешшо, шишки не поспели. А вот в августе всего полно: и шишковать ходят, и ягода есть... К сентябрю орешки совсем поспевают. Казара их пожирает здорово. И от ветру они начинают падать. Бабы с ведрами ходят, собирают падалицу... В орешный год много денег зарабатывали (Городище).

В других русских говорах рассматриваемое явление распространено тоже очень широко, о чем свидетельствуют иллюстративные материалы изданных диалектных словарей:

— Какой гладыш идет: у ниво щеки красны, тело гладко (МС). Раньше, если сеять надо, зерно в севалку насыпали, из нее и сеяли (МС). Столешник на стол стелили, он из холста сшитый, ели на столе, покрытом столешником. Теперь на

клеёнке обедают (МС). **Теплаками** валенки мы называем, в них **тепло** зимой, без **теплаков** у нас нельзя, снега много (МС). Без дела сидим, ни по хозяйству, ни так — вот уж **бездельное** время (ДС). Налила воды да вот всё **испатрила**, **измазала** (ДС). Раньше ходили **канавщики**, копали **канавы** для осушение полей (ДС). Я взял **пугу**, дай я её **пужну** этой **пугой** (СРНГ). Перец-то **едучий**, она за нос, за глаза хваталась рукам — вот и **заело** (ИС). Осы эти таки **жалючи**, меня так **ужалила** в щеку (ИС). **Желтыши** сбивают отдельно от **белышей** (ИС). Коньки деревянные были, **жигалом** дырки **прожгёшь** (ИС). **Вёдрушко** — **вёдрена** погода (КузС). **Вахельна** доска была такая ... туда тесто **нальбёшь** и в печку на огонь поставишь, **вахли** **пекли** (КузС). **Поперечкой** распиливают брёвна **поперёк** (КузС). **Белу** животинку мы всё **белянкой** зовем (УС). Не **кудыхай**, не скажу куды иду (УС). Ой, из **кубового** материала сошью **кубовик** (УС). В **маслёне** коноплём **бьют**, **масло** добывают (УС). **Вершильщику** **накладывают** сено, а он **вершит**: **притаптыват** и **ровнят** (УС). **Абанаты** вы, хитрые, как цыгане, те всё **абаначивають** (ПС). Есть **багановое** болото, там **баган** растёт (ПС). Пропал **без вести**. Так етот Ванька **погиб** **безызвестно** (ПС). **Белить** — это овечью шкуру в квас, её потом надо мять, ножом вычистить, потом **белым** **потрёшь** мелом (ПС) и др.

Предложенные тексты, естественно, не выражают всего тематического разнообразия диалектной речи, но в них широко представлены мотивационные связи слов, ср. *горе* — *перегоревали*, *дождались* — *ждали*, *голодовали* — *голод*, *принашивали* — *носить* и *принашивать* — *припочинивать*, *работяга* — *молотяга*, *чебачишку* — *окунишку* и т. п. При этом мотивируемое слово может отделяться от мотивирующего значительным отрезком речи, как, например, *перегоревали* — *горе*, *беспамятка* — *памяти*, *в озеришках* — *на озере*, *после неводенья* — *неводют*, *орешный* — *орешки*. Чаще же лексические единицы, находящиеся в мотивационных отношениях, стоят рядом или разделяются лишь несколькими словами, вследствие чего их мотивационные связи проявляются особенно отчетливо, см. *голод* — *голодовали*, *шара* — *шарюсь*, *рыбачут* — *рыбы*, *установка* — *устанавливат*, *коловщик* — *кольи*, *закидальщик* — *закидывают*, *из овчины* — *из медвежатины*, *из собачины*, *расшивать* — *шиться*, *песни* — *поют*, *падалица* — *падать* и др.

Таким образом, для носителя языка естественна ориентация на установление межсловных отношений лексической мотивации как на доступный и экономный способ выявления тех или иных смысловых оттенков слова, которые он считает нужным подчеркнуть в процессе общения.

С тем же назначением используются мотивационные связи слов в литературном языке. Ср., например:

— В иных книгах можно прочитать, что **бесспорной** общей тенденцией является укрепление семьи. Дотошный читатель, однако, захочет выяснить, насколько это **бесспорно**; Чьи именно женихи умерли — этот вопрос не имеет никакого отношения к проблеме **надёжности** женихов. В среднем ... женихи очень **надёжны**; Вместе с тем арифметика — это важнейший инструмент **познания**, а, кроме утешения, мы ведь нуждаемся в **знании**; Из каждой тысячи мужчин этого возраста **умирает** 2,5 ... Еще несколько **умерло** во время медового месяца. При нынешней низкой **смертности** цифры очень невелики; Конечно, ставить знак равенства между объектом «телевизор» и объектом «жених» несколько **смело**, но давайте... позволим себе такую **смелость**; За день в стране регистрируется в среднем 2 тысячи **разводов**. В среднем ... расторгается почти каждый третий брак¹⁵.

В художественной прозе и поэзии способность производных слов устанавливать мотивационные связи используется для создания образного строя языка:

— Шаруне заплывает далеко и возвращается **усталой**. Но это не та **усталость**, которая подкосила её в море ... Озерная **усталость** — легкая, ласковая ..., Такая тишь в саду ... только в голове стоит **звон**, но это не пчелы, это отголосок живого звука, прилетевший из вчерашнего дня. из череды **звонких** лет, из стародавних времен (В. Бубнис. Под летним небом. — «Роман-газета», 1976, № 14). Красивыми шарам **жонглирует** **жонглёр**, высокими речами **жонглирует** позёр. Всё, что болтают невпопад, слова обид — представь, что это **листопад**, **листва** летит ... (О. Шестинский. Сердце, эпоха. — «Огонек», 1976, № 42). Это только во сне снится **снег**, как **подснежник** либо зверек под **белоснежною** нежною шкурочкой (Л. Мартынов. Снег. «Лит. газ.», 1977, № 7). В народе утреннем — ни **жлобства**, ни **занудства** (Е. Евтушенко. Утренний народ. «Лит. газ.», 1977, № 42). «Сейчас мы их отсюда **вытряхнем**, **вытурим**, **выскоблим**, **момент!**» — и он трахнул телескопом по кораблю инопланетян (В. Волин. О летающих тарелках. «Лит. газ.», 1977, № 15). Я знаю, что скоро умру и потому все так **безумно**, **безнадежно** люблю. **Струечка... Секундочка...** Все у нее было уменьшительное (**умалительное, умолительное, умилительное**), вся речь. Точно ее малenькоcть передалась ее речи. Были **слова**, **словца** в ее **словаре** — может быть, и **актерские**, **актрисинские**, но, боже, до чего это иначе звучало из ее уст! Например, **манерочка... Манерочка** (ведь шаг, знак до «**машерочка!**») — нет, не **актрисинское**, а **институтское**, и недаром мне все время **чудится**, ушами **слышится**: «Когда я училась в институте...» Не могла гимназия не только

¹⁵ Приведены выборки из газетной статьи: Наан Г. Он, она и второй закон термодинамики. «Лит. газ.», 1976, № 37.

дать ей, но и взять у нее этой старинности, старомодности, этого старинного, век назад, какого-то осьмнадцатого века девичества, этой насущности обожания и коленопреклонения, этой страсти к несчастной любви... Манерочка..., гримасочка..., секундочка..., струечка..., а сама была девочка, которое ведь тоже уменьшительное. (М. Цветаева. Повесть о Сонечке. — «Новый мир», 1976, № 3).

В создаваемых за счет мотивационных связей подтекстах возникают микрообразы ласковой усталости, звона звонких лет, жонглирующего как жонглер позера, листопада отживших слов, снега как подснежник, свободного от суетных чувств утреннего народа и т. п.

С собственно языковой точки зрения литературные тексты также отражают разные виды проявления межлексемных мотивационных связей, ср.: *беспорный — беспорно, надежность — надежны, познания — знания, умирает — умерло — смертность, смелость — смело и расторгается — развод* в предложениях первой группы; *усталость — усталой, звон — звонких, жонглирует — жонглер, снег — подснежник — белоснежностью, листопад — листва и ни жлобства — ни занудства, вытряхнем — вытурим — выскоблим, безумно — безнадежно* и т. п. в предложениях второй группы. Как видим, форма и значение мотивируемого слова сопоставляются, соотносятся с формой и значением однокорневого или одноаффиксального слова, и через это сопоставление проясняется внутренняя форма мотивируемого слова, становятся «отмеченными» существенные компоненты его значения и формальной структуры.

Корневые и аффиксальные уподобления обычно происходят независимо друг от друга, но возможно их тесное взаимодействие в пределах одной синтаксической конструкции. Показателен в этом отношении последний иллюстративный текст, образным каркасом которого служит цепь уменьшительных лексических единиц (*струечка, секундочка, манерочка, машерочка, гримасочка...*), органично связанных со смыслом, акцентируемым парами однокорневых слов (*слова — словца, актерские — актрисинские, институтское — институт, старинность — старомодность*) и даже паронимическими образованиями однотипной морфемной структуры (*умалительная — умолительная — умилительная, манерочка — машерочка*). И все это тонкое словесное построение завершается итоговой характеристикой — словом («девочка»), выражающим и по смыслу и по форме то значение уменьшительности, мысль о которой как об определяющей черте человеческой сущности героини повествования составляет главное содержание рассматриваемого отрывка.

Для поэтической речи особенно характерна аффиксальная соотносительность лексических единиц. Так, Е. А. Земская

приводит примеры объединения слов с общей словообразовательной морфемой в произведениях Ст. Куняева (*добежать, добрести, доползти; загудят, загуляют, закружатся, засвистят*), Р. Рождественского (*пробивать, прогрызть, прорубать; отволнуюсь, отлюблю, отдышу*), О. Кожуховой (*все заросло, затопталось, заплыло*) и др.¹⁶

М. А. Бакина отмечает случаи включения в поэтический текст окказионализмов наряду с теми словами, по образцу которых они были созданы: *дорогиня — княгиня, добрята — бобрята* и др. Это, по справедливому замечанию исследователя, позволяет «сделать прозрачной семантическую (добавим и формальную. — М. Я.) структуру окказионализма»¹⁷. В целом мотивированность слова относится к числу таких явлений, которые составляют «сущность эстетической функции языка в художественной литературе»¹⁸.

3. Соотношение лексической мотивированности с разными видами словообразовательных связей

Если рассмотреть со словообразовательных позиций примеры лексической мотивированности, то легко заметить, что деривационные связи слов могут наблюдаться, с одной стороны, по линии словообразовательной цепочки и шире — словообразовательного дерева, с другой, — по линии общего словообразовательного типа, а также разных типов, близких по форме и семантике. Анализ диалектных материалов¹⁹ показывает, что в качестве «лексического» (однокорневого) мотиватора функционируют слова, находящиеся в различных отношениях с мотивируемой единицей. Лексические связи могут отражать:

1) отношения непосредственной мотивированности: *жизь — жить, вострие — вострый, выработать — работать, болеть —*

¹⁶ Земская Е. А. Словообразовательные морфемы как средство художественной выразительности. — «Русский язык в школе», 1965, 3, с. 54—56. Потенциальные границы суффиксальных ассоциаций такого рода хорошо представлены в ОРС.

¹⁷ Бакина М. А. О некоторых особенностях современного поэтического словотворчества. — «Русский язык в школе», 1975, 5, с. 95.

¹⁸ Борисова М. Б. Еще раз об «общей образности», «упаковочном материале» и их отражении в словаре писателей. — В сб.: Вопросы стилистики. Вып. 6. Саратов, 1973, с. 92. См. также: Хижняк Л. Г. О роли внутренней формы в строении словесного поэтического образа. (На материале поэзии второй половины XIX века). — В сб.: Исследования языка художественных произведений. (Материалы XVII зональной конференции кафедр русского языка Среднего и Нижнего Поволжья, посвященной памяти проф. В. А. Малаховского, 20—22 мая 1974 г.). Куйбышев, 1975.

¹⁹ См.: ДМС.

больной, валка — валить, повидать — видать, жирный — жир, телятница — телята, катеришка — катер, болюсть — болють, заговорить — говорить, бабенка — баба, больница — больной, случай — случаться, сеяльщик — сеять, прируб — прирубить, охотник — охотиться, отохотничать — охотничать, поохотничать — охотничать, назмить — назем, выкосить — косить, любитель — любить, копнить — копна, колесянка — колесо, здоровье — здоровый, жаровня — жарить, днище — дно, деревенский — деревня, головастый — голова, озершко — озеро, чебачишка — чебак, окунишка — окунь, гребь — грести, гребельщик — грести, блеснить — блесна, неводник — невод, неводить — невод, коловщик — кол, чердашный — чердак, речной — речка, поесть — есть, рыбалка — рыбалить, шишковать — шишка, кедрач — кедр, сборщик — собирать, колотушка — колотить, падалица — падать, орешный — орех, дожждаться — ждать, молотилка — молотить, хлебище — хлеб, зернушко — зерно, сушилка — сушить, старуха — старый, безделье — дело, подавалка — подавать, стоговой — стог, разжентиться — жениться, всячина — всякий, песня — петь, отгулять — гулять и др.;

2) отношения опосредствованной мотивированности (через одну и более словообразовательных ступеней): вспоминать — [вспомнить] — помнить, вершинка — [вершина] — верхний, братанник — [братан] — брат, случайность — [случайный] — случай, разговор — [разговаривать] — говорить, запрудить — [прудить] — пруд, напроживать — [проживать — прожить] — жить, рыбачить — [рыбак] — рыба, светок — [свет] — светить, рыбака — [рыбак] — рыба, кормовщик — [кормовой] — корма, обневаживать — [обневодить — неводить] — невод, порыбалить — [рыбалить] — рыба, перегоревать — [горевать] — горе, зарабатывать — [заработать] — работать, покос — [покосить] — косить, девичник — [девичий] — девка, расшивать — [расшить] — шить (ся), поезжане — [поезд] — ездить и др.;

3) отношения равнопроизводных слов, структура которых отражает одинаковое количество словообразовательных шагов, то есть отношения слов «параллельных» словообразовательных ступеней в разных цепочках с общей исходной единицей. Иногда подобные слова имеют связанную основу. Примеры: одежда — одеваться, ср. одежда — одеть (ся) и одеваться — одеть (ся); крошельница — крошить, ср. крошить — крошить и крошельница — крошить; кошенина — скошенный, ср. кошенина — кошенный — косить и скошенный — скосить — косить; заломка — заламывать, ср. заломка — заломить и заламывать — заломить; добыча — добывать, ср. добыча — добыть и добывать — добыть; бессильный — сильный, ср. бессильный — сила и сильный — сила; вудочка — поудить, ср. вудочка — удить и поудить — удить; понятли-

вый — *понимать*, ср. *понятливый* — *понять* и *понимать* — *познать*; *закидальщик* — *закидывать*, ср. *закидальщик* — *закидать* и *закидывать* — *закидать*; *верхний* — *сверху*, ср. *верхний* — *верх* и *сверху* — *верх*; *нижний* — *снизу*, ср. *нижний* — *низ* и *снизу* — *низ*; *рыбалка* — *порыбальть*, ср. *рыбалка* — *рыбальть* и *порыбальть* — *рыбальть*; *дойка* — *дойка*, ср. *дойка* — *дойть* и *дойка* — *дойть*; *заработок* — *зарабатывать*, ср. *заработок* — *заработать* и *зарабатывать* — *заработать*; *соглашаться* — *согласие*, ср. *соглашаться* — *согласиться* и *согласие* — *согласиться*; *проулок* — *улица* и др.;

4) отношения слов «непараллельных» словообразовательных ступеней в разных цепочках одного словообразовательного гнезда: *вязка* — *завязываться*, ср. *вязка* — *вязать* и *завязываться* — *завязать (ся)* — *вязать (ся)*; *рыболовство* — *рыбалка*, ср. *рыболовство* — *рыба*, *ловить* и *рыбалка* — *рыбальть* — *рыба* и др.;

5) такие отношения, когда производное слово мотивирует производящее, то есть устанавливается «обратная» с точки зрения словообразования мотивационная направленность: *широкий* — *ширник*, *ширность* и т. п.

Перечисленные виды мотивационных отношений обладают различной словообразовательной значимостью²⁰. Если связи непосредственной мотивации, как отмечалось, отражают процесс создания слова, то опосредствованные и иные виды мотивационных отношений представляют собой различные формы взаимодействия лексических единиц, созданных в результате акта первичной (непосредственной) мотивации. Ценность дополнительных, вторичных связей для словообразования, в свою очередь, тоже неодинакова: в то время как опосредствованные связи могут вызвать к жизни соответствующую словообразовательную модель, «обратные» мотивационные отношения или отношения слов параллельных словообразовательных цепочек вряд ли могут способствовать возникновению новых словообразовательных образцов.

С лексикологической точки зрения все перечисленные связи имеют одинаковое языковое значение, так как в равной степени могут функционировать как отношения лексической мотивированности. Конкретные материалы свидетельствуют, что для правильного восприятия слова в речи достаточно общего представления о месте слова в структурно-семантической системе языка. Думается, этим объясняется определенное «невнимание» говорящих к конкретной картине лексических

²⁰ Ср.: «...не всякое мотивационное отношение используется в словообразовании, выступает одновременно как словообразовательное». — Тихонов А. Н. Семантические проблемы изучения словообразовательного гнезда. — Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974.

связей в языке, к тем их тонкостям, которые в иных аспектах имеют первостепенное значение.

«Лексическая» мотивация отражает процесс выявления мотивировочного признака через установление связей данного слова с другим однокорневым словом, завершающийся нахождением подобного (объяснительного) смысла. Семантическая связь слов, позволяющая объяснить одно слово через другое, устанавливается через формальную их общность, через одинаковую звуковую оболочку корневой морфемы или более сложной части основы. Большая же или меньшая точность, непосредственность или опосредствованность деривационных отношений между словами оказывается несущественной²¹, что может привести к установлению соотносительности даже между однокорневыми синонимами.

Крайнее проявление такого «безразличия» к структурным связям и — дальше — к связям звуковой оболочки мотивируемого слова демонстрируется фактами неомотивации, в результате которой в языке проявляются такие мотивированные параллели к существующим немотивированным словам, которые с последними не имеют никакой формальной общности (разнокорневые синонимы): см. диал. *алой* — *дохтур*; *мизгирь* — *сетник*; *осока* — *резучка*; *куфайка* — *телогрейка*, *теплушка*, *стежонка*²², ср. в детской речи: *смычок* — *звучок*²³.

Неомотивация является пределом «лексической» мотивации, ярко подчеркивающим ее семантическую основу.

Аффиксальная соотносительность устанавливается между словами, имеющими в своем составе общий формальный компонент, с которым в данном языке связывается то или иное обобщенное значение. Конкретные проявления формальной соотносительности могут носить самый разнообразный характер:

1) «аффиксальным мотиватором» часто является слово, отражающее структуру определенного словообразовательного типа: *чебачишка* — *окунишка*, *озеришко* — *источнишко*, *ов-*

²¹ Ср.: «Для прочности своего существования слово «нащупывает» два вида связей — смысловой (семантические ассоциации с другими словами, в частности, с мотивирующими) и структурный (соотнесенность с той или иной моделью, структурой слова)... Унификация формы как конечный результат таких поисков не является обязательной». — Никитина Ф. А. Указ. автореф., с. 9. Мысль об определенной субъективности в осознании морфемной структуры слова и о связанных с этим вариантах этимологической интерпретации слов выражается также в работе: Cienkowski W. Teoria etymologii ludowej. Warszawa, 1972, s. 67. См. также: Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии, с. 332.

²² О неомотивации см.: Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии, с. 335. Примеры заимствованы из указанной работы О. И. Блиновой.

²³ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, М., 1973, с. 237.

чина — *медвежатина, собачина* (тексты см. выше), см. также²⁴: *бедновато—скучновато, кониный—лосиный, делевой—юнговой, вкусный—жирный, кедровый—сосновый, бруслига—чернига, кедрач—пихтач, печка—плитка, морковника—картошкица* (от *картошный*), *венчанье—крещенье, стирка—убирка, посидеть—поговорить, попеть—потанцевать* и т. п.;

2) однако единство всех признаков словообразовательного типа не всегда соблюдается. Ассоциируемые слова могут мотивироваться единицами а) разных частей речи: *вечерка* (от *вечер*) — *посиделки* (от *посидеть*), *шубинки* (*шуба*) — *исподки* (*исподний*), *берданка* (*бердана*) — *двоестволка* (*двоествольный*), *устващик* (*уставить*) — *колощик* (*кол*); б) неодинаковых лексико-грамматических показателей, например, глаголами разного вида: *устващик* (ср. *уставить*, сов. вид) — *закидальщик* (ср. *закидать*, несов. вид), *поприезжать* (*приезжать*, несов. вид) — *порассказать* (*рассказать*, сов. вид), и даже в) словами со связанными основами: *медовульник* — *багульник* (ср. *багун*), *одеть* — *обуть* (ср. *раздеть, разуть*);

3) более того, когда в основе сопоставления лежит один и тот же префикс, сами соотносимые слова могут принадлежать к различным частям речи: *разжених* — *разойтись, разженка* — *разойтись*.

Важно одно — чтобы «мотиватор» имел формально сходный структурный показатель (аффикс), способный формировать единицы подобной тематической группы. Формальная общность, следовательно, устанавливается через уподобление данного слова другим словам с той же или близкой классифицирующей (категориальной) семантикой; при этом наличие полного тождества классифицирующих признаков сопоставляемых слов необязательно.

Формальный показатель мотивируемого слова может вообще потерять (нейтрализовать) свое изначальное смысловое наполнение и превратиться в субморф²⁵, а слово в целом — в морфологический вариант исходной единицы. Но это не мешает ему устанавливать структурную соотносительность со словами полноправной словообразовательной структуры. Например: *афиша* — *афишка*, *кость* — *костка*, *стопа* — *стопка* (комната), *колода* — *колотка* (долбленный улей), где *-к(а)* не изменяет лексического значения слов, но по форме соотносит их с уменьшительно-ласкательными словами на *-к(а)* или с образованиями типа *ручка* (длина

²⁴ Примеры взяты из картотеки ОДС и ДМС. См. также ОРС. Отметим, что термины «мотивация», «мотиватор» и т. п. в лексикологии употребляются в более широком значении, чем в словообразовании.

²⁵ Чурганова В. Г. Указ. раб., с. 366.

одного прокоса), *горка* (вид кушанья), *дверка* (отверстие в рыболовном снаряде-морде), в которых суффикс *-к(а)-* вносит значение специализированного предмета. См. также уподобление слов *лывина* (то же, что *лыва* 'дождевая или теплая вода в низинах'), *логовина* (то же, что *лог*), *кузовина* (то же, что *кузов*), *мендачина* (то же, что *мендач* 'нестойкий, быстро гниющий лес') единицам типа *боковина* (ремень у шлен), *домовина* (гроб), *редина* (редкий лес); слов *бага-нец* (то же, что *баган* 'приспособление для спутывания животных'), *лизунец* (то же, что *лизун* 'вид растения') единицам типа *крестец* (вид кладки снопов), *одрец* (телега) и т. п.

Как видим, формальное уподобление является обязательным условием структурной соотносительности слов. В случаях структурной мотивированности слов находит выражение существующая в языке тенденция к интеграции разнокорневых единиц. По мнению О. М. Соколова, слова сближаются «по признаку совпадения их значения» при тождестве аффиксов, но лексические единицы могут также сближаться только «по внешнему сходству формы при различиях, не превышающих представления о фонетическом или морфологическом варьировании». И даже возможна «самая слабая степень интеграции разнокорневых образований на основе омонимичных и разнофункциональных аффиксов»²⁶. В результате экспериментального изучения словообразовательной модели Л. В. Сахарный пришел к выводу, что в сознании носителей языка существуют устойчивые словесные ассоциации «на основе общего звукового сходства с включением более широкого звукового единства, чем собственно суффикс, нечто типа рифмы»²⁷.

Отсюда один шаг до собственно фонетических (паронимических) ассоциаций, являющихся пределом стремления слова к структурной мотивации²⁸. Примером таких ассоциаций может служить уподобление слов *мелтура* (сорт пшеницы), *пиктура* (сорт картофеля), *шамшура* (вид головного убора), у которых отрезок *-ур-* представляет часть корня, лексическим единицам со структурно вычленимым морфом *-ур(а)* — *спецура*, *аппаратура*, *верхотура*. Данное уподобление в силу непроезженности слов *мелтура* и др. не может

²⁶ Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. Томск, 1972, с. 184—185.

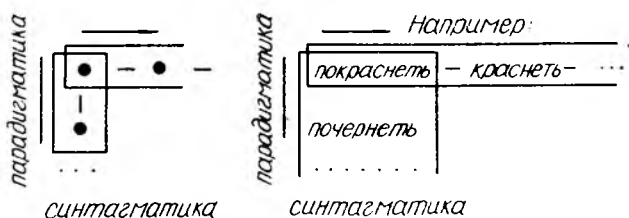
²⁷ Сахарный Л. В. К экспериментальному исследованию семантики словообразовательного типа (модели).— В сб.: Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике. М., 1974 г. с. 153. Ср. понятие «квазипарадигмы» у Ф. А. Никитиной.— Указ. автореф. с. 8.

²⁸ За этой гранью проблема морфемной мотивированности сменяется проблемой «соответствия общих черт звукового облика» слова «его принадлежности к определенному семантическому классу».— Мельников Г. П. Орфонимия и мотивированность знака.— В сб.: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976, с. 5.

«прояснить» их словообразовательной структуры, оно носит чисто фонетический характер. Ср. также, с одной стороны, слова с непроемной основой *верба́, колба́, полба́, челба́* (черпак для льда), *шарба́* (уха), с другой, — *городьба́* (от *городить*), *стрельба́* (от *стрелять*) и т. п.²⁹

Таким образом, можно сказать, что мотивационные отношения слов по линии словообразовательного гнезда (однокорневых единиц) фиксируют смысловую зависимость одной лексической единицы от другой на фоне их формальной связи; мотивационные отношения по линии деривационной структуры основываются на формальных связях на фоне семантической однотипности.

Как видим, лексическая (лексикологическая) мотивированность строится на основе какого-либо одного вида отношений: внутри словообразовательного гнезда или между словами общей словообразовательной структуры, без учета регулярности, повторяемости данных связей. Словообразовательный «квадрат» оказывается незамкнутым, что схематично может быть представлено в таком виде:

Как показывает схема, лексические связи слова *покраснеть* могут устанавливаться или по линии *покраснеть — краснеть — красный* и др., или по линии *покраснеть — почернить — подобреть* и т. д.; наличие повторяемости отношений типа *покраснеть — краснеть* (*почернить — чернеть, подобреть — добреть* и т. п.) несущественно.

Именно эта особенность лексической мотивированности делает возможным установление формально-смысловых связей между однокоренными словами «параллельных» словообразовательных цепочек (*кошенина — скошенный*) и между словами разных структурно-семантических типов (*шубенки — исподки; разжених — разойтись*).

К аналогичным выводам можно прийти, анализируя данные литературного языка. Об этом свидетельствуют, например, результаты проведенного лингвистического эксперимента.

²⁹ См.: ОДС.

Информантам³⁰ было предложено задание: с помощью родственных слов дать толкование группе производных лексических единиц различного типа. В число единиц, подлежащих толкованию, были включены слова разной словообразовательной структуры, как, например, *бескорыстный*, *деревянный*, *греховодничать*, *осуждать*, *разочароваться*, *перенапряженность*, *прояснение*, *краснота* и др.

Анализ результатов эксперимента, проведенный с учетом словообразовательной структуры как толкуемого слова, так и того однокорневого слова, через которое осуществлялось толкование, позволил выделить 4 группы ответов, отражающих 4 вида межсловных мотивационных связей, используемых информантами в эксперименте.

Остановимся кратко на каждой группе.

Первую группу образуют ответы: *аморальный* — нарушающий мораль, *греховодничать* — заниматься греховными делами и т. п.

Нетрудно заметить, что толкования слов в них строятся на основе опосредствованных словообразовательных связей, ср. *аморальный* — [моральный] — мораль, *греховодничать* — [греховодник] — греховодный.

Ко второй группе относятся ответы: *извлекать* — совершать действие, противоположное действию «вовлекать», *осуждать* — высказывать отрицательно оценивающее суждение, *перенапряженность* — состояние излишнего напряжения и т. д. Функция мотивирующей единицы в них приписывается равнопроизводному или какому-либо другому слову «параллельной» словообразовательной цепочки, см. *извлекать* — *вовлекать*; *осуждать* — *суждение*; *перенапряженность* — *напряжение*, *перенапряжение* — *перенапряженность*, *разочароваться* — *очароваться*, *разочарование* — *очарование*, *благоустроенность* — *благоустройство* и др.

Ср.: судить осуждение
 └ осудить — осуждать
 суждение

напрячься ┌ напряжение ┌ перенапряжение
 └ перенапрячь(ся)
 — перенапряженный —
 перенапряженность

благоустроить ┌ благоустроенный — благоустроенность
 └ благоустройство и т. д.

³⁰ Информантами в этом эксперименте были студенты 2-го курса филологического факультета ТГУ, еще не знакомые с курсом «Словообразование русского литературного языка» и не получившие навыков словообразовательного анализа.

Третью группу составляют ответы: *аморальный* — проявляющий аморальность, *грабить* — совершать грабеж и т. п. В ответах этой группы производящее и производное слово рассматриваются соответственно как мотивированная и мотивирующая единицы, т. е. «выстраиваются» связи, обратные действительным словообразовательным отношениям, ср. *аморальный* — *аморальность*, *бескорыстный* — *бескорыстие*, *грабить* — *грабеж* и т. п.

Как видим, во всех трех случаях устанавливаются необычные со словообразовательной точки зрения связи дериватов: *аморальный* соотносится со словами *мораль* и *аморальность*, которые трактуются как мотивирующие единицы к слову *аморальный*; *перенапряженность* в одном случае мотивируется словом *напряжение*, в другом рассматривается как мотивирующее слово и т. д.

Ни одно из приведенных выше отношений не может быть охарактеризовано как собственно словообразовательное, так как, реализуя индивидуальные связи слов, они не отражают типизированного (словообразовательного) способа выражения лексических значений. Установленные выше мотивационные связи основаны на возможности толкования значения одного слова через другое, а такие возможности очень широки, так как «в описание семантики (толкование) мотивированного слова в принципе может быть включено любое из однокоренных слов, лексическое значение которых полностью входит в значение мотивированного слова»³¹.

Толкования третьего вида допускаются применительно к таким словам, которые образованы путем синтаксической деривации³², т. е. соотносятся с одним и тем же денотатом, различаясь лишь способом его представления в языке. Это лишний раз подчеркивает ту мысль, что во всех перечисленных случаях информанты исходят из собственно лексических связей однокоренных слов, в результате чего и происходит «нарушение» словообразовательных связей производного слова.

Ответы четвертого вида: *аморальный* — противоположный признаку «моральный», *осуждать* — действие «осудить», представленное без указания на его завершение, *осуждение* — состояние по глаголу «осудить» или состояние по глаголу «осуждать» и т. д. В них отражаются отношения непосредственной словообразовательной мотивации: *аморальный* — *моральный* (ср. *алогичный* — *логичный*, *анормальный* — *нормальный*, *аритмичный* — *ритмичный* и др.), *осуждать* — *осудить* (ср. *оглуплять* — *оглушить*, *оглушать* — *оглушить*, *ограждать* — *оградить*, *одарять* — *одарить*) и др.,

³¹ Улуханов И. С. Указ. раб., с. 77.

³² Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике, М., 1962.

перенапряженность — *перенапряженный* (ср. *преднамеренность* — *преднамеренный*, *непреклонность* — *непреклонный*, *утонченность* — *утонченный* и т. п.), *осуждение* — *осудить*, *осуждать* (ср. *пробуждение* — *пробудить*, *пробуждать*, *оглушение* — *оглушить*, *оглуплять* и др.) и т. д. Вхождение анализируемых дериватов в группы слов, способных устанавливать однотипные лексические связи по линии производящих единиц и словообразовательных аффиксов, позволяет, наряду с единичным мотивировочным значением, определить также их словообразовательное значение, см.: «обладающий признаком, противоположным тому, что названо мотивирующим словом» (*аморальный*), «значение действия несовершенного вида» (*осуждать*), «значение отвлеченного действия» (*осуждение*) и т. п.

Важно отметить, что отношения непосредственной мотивации могут быть интерпретированы как со словообразовательной, так и с лексикологической точек зрения: в первом случае такого типа связи являются необходимым условием реализации и, следовательно, определения словообразовательной зависимости одного слова от другого, во втором — мотивировочные отношения устанавливаются независимо от того, существует или нет в языке подобный структурный тип. В результате установления лексических мотивировочных связей значения слов актуализируются в более конкретном виде, нежели при словообразовательной мотивации.

* *
*

Специфической чертой лексической мотивированности (в отличие от словообразовательной) является способность слова в различных конституциях устанавливать мотивационные связи с разными однокоренными словами, что создает условия для неодинакового толкования лексического значения одного и того же слова (ср. возможность толкования слова *успокоенность* — через *успокоенный*, через *успокоить* и через *покой*). Границы подобного варьирования зависят от места производного слова в словообразовательной цепочке и способности последней входить в словообразовательное гнездо.

Слова первой словообразовательной ступени (с морфологической структурой, отражающей одну словообразовательную операцию), как правило, устанавливают единичные связи — с производящей единицей (*метла* — *мести*, *верхом* — *верх*, *деревянный* — *дерево* и др.). Дериваты второй, третьей и т. д. ступеней словообразовательной цепочки могут мотивационно соотноситься со всеми словами предшествующих словообразовательных ступеней и с исходным словом (*прояснение* — *ясный*, *прояснение* — *яснеть*, *прояснение* — *прояснеть*; см. отмеченные выше связи слова *успокоенность* и др.).

Мотивировка слов единицами более сложной словообразовательной структуры (более высокой словообразовательной ступени), как уже отмечалось, возможна в том случае, если сопоставляемые слова обладают одинаковым лексическим (точнее, денотативным) значением: *красный* — *краснота*, *бегать* — *бег*, *трусливый* — *трусливость* и т. п.

Неединственность лексической мотивировки обуславливается также тем фактом, что словообразовательная цепочка, одно из звеньев которой образует данный дериват, входит в более сложное объединение однокоренных слов — в словообразовательное дерево. Слова разных словообразовательных цепочек с общим исходным словом способны вступать в семантические отношения, позволяющие объяснять одно слово через другое, см. показанные выше связи слов *суждение*, *перенапряженность*, *благоустроенность*. Как видно из примеров, слова, вступающие в отношения лексической мотивированности, могут относиться не только к разным словообразовательным цепочкам, но также и к разным словообразовательным ступеням. Наличие в семантике однокоренных слов непересекающихся элементов не является препятствием для установления между ними лексических мотивационных связей, в то время как словообразовательная мотивация такого вида невозможна³³.

* *
*

В заключение анализа словообразовательной и лексической мотивированности представляется необходимым назвать их основные отличительные признаки.

1. В то время как лексическая мотивированность, основанная на внутренней форме слова, отражает отношения слов как цельных единиц с их индивидуально-конкретным смыслом и фонетическим обликом, словообразовательная мотивированность, выражающая внутреннюю динамику словообразовательного типа (модели), означает такую зависимость между словами, которая устанавливается благодаря структурной (формальной и семантической) их соогнесенности и выражает типичные для языка формально-семантические связи между лексическими единицами.

2. Лексическая мотивированность может проявляться в отношениях или между однокорневыми, или между одноаффиксальными словами, словообразовательная мотивированность реализуется только в единстве однокорневых и одноаффиксальных лексических связей.

3. Если лексическая мотивированность носит вариативный характер, то при словообразовательной мотивированно-

³³ Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1975, с. 5.

сти отношения между мотивирующими и мотивируемыми словами строго регламентированы типовыми правилами мотивации, «свобода выбора» мотивирующей единицы у производного слова сведена к минимуму.

4. Вследствие вышеназванной особенности лексическая мотивированность допускает подвижность, изменчивость связей между словами в зависимости от условий функционирования мотивированного слова и коммуникативного назначения контекста, в котором оно употреблено. Изменение словообразовательных мотивационных связей возможно лишь в диахронии.

Взаимообусловленность и различие лексической и словообразовательной мотивированности неизбежно проявляется при попытке создать исчерпывающую классификацию существующих в языке мотивационных отношений: каждый вид словообразовательной мотивации «осложняется» соответствующими особенностями лексической мотивированности. См., например, выделяемые И. С. Улухановым³⁴ виды опосредствованной внетиповой, неединственной сопровождающей и нерегулярной мотивации, из которых нерегулярная мотивация представляет собой яркий образец лексической мотивированности; таковой же обычно является внетиповая опосредствованная мотивация; лексической оказывается по своему возникновению и сопровождающая мотивация³⁵. Все это является дополнительным подтверждением тезиса о принципиальном различии явлений лексической и словообразовательной мотивированности.

В практике словообразовательного анализа необходимо исходить из строгого разграничения явлений лексической и словообразовательной мотивированности слова, что, в свою очередь, может быть достигнуто лишь в результате использования разных, не совпадающих между собой методик анализа конкретного материала.

Если для выявления лексической мотивированности достаточно сопоставления двух слов, объективно связанных формально-смысловыми отношениями, позволяющими определить семантику одного слова через семантику другого, то для установления словообразовательной мотивации недоста-

³⁴ Улуханов И. С. Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики.

³⁵ Характерно замечание И. С. Улуханова о том, что «для установления разновидностей опосредствованных и неединственных мотиваций», а также мотиваций регулярных нужны сведения не только о «строении гнезда», но и о «структуре других гнезд», то есть необходимо определение типичности — нетипичности рассматриваемых отношений.— Улуханов И. С. Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики, с. 76.

точно сравнить два слова, необходимо сопоставление всех (или большинства) существующих в языке пар слов, одинаковых по характеру формально-смысловых отношений.

О факторах, поддерживающих явление лексической мотивированности

Выше было показано, что лексические мотивационные связи могут устанавливаться в двух направлениях: по линии однокорневых слов, объединяемых семантической общностью, и по линии одноаффиксальных слов, характеризующимся одинаковыми формальными показателями. Иными словами, в процессе функционирования слова может дополнительно подчеркиваться то его форма, то лексическое значение, при этом характер соотношения между формой и содержанием не учитывается. В связи со сказанным представляет интерес обсуждаемый в лингвистической литературе вопрос о формальной и смысловой сложности слова и видах их соотношенности. Как известно, производной признается такая единица, которая формально и семантически сопоставима с другой единицей и является по отношению к последней более сложной по смыслу и по форме³⁶.

Однако прямое соответствие между большей смысловой сложностью и большей формальной сложностью производного слова в русском языке наблюдается далеко не всегда. Из двух морфемно-семантически связанных слов формально более сложное слово не всегда является более сложным и по содержанию: по лексической семантике оно может быть равным (*писание — писать, смелость — смелый*) и даже менее сложным (*столярничать — столяр, пилить — пила*) по сравнению с формально более простым словом. Более того, возможны случаи, когда формальная и семантическая «соотнесенность производной основы с производящими может быть различной»³⁷. Объяснение этим фактам, очевидно, следует искать как в специфике способов словопроизводства, так и в тех процессах, которые сопровождают вхождение нового слова в словообразовательную и лексическую систему языка.

Выявляя степень семантической сложности слов, языковеды основываются на понятии «наименьшего смыслового различия» двух лексических единиц, которое, однако, не имеет строгого определения. В большинстве работ наименьшее смысловое различие устанавливается с учетом лексического значения сопоставляемых слов и, по существу, не ограничено от словообразовательного их соотношения. Но, как было

³⁶ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 7.

³⁷ Земская Е. А. Заметки по современному русскому словообразованию. — «Вопросы языкознания», 1965, 3, с. 110.

показано выше, лексические и словообразовательные мотивационные отношения не тождественны между собой. Вследствие этого производная лексема способна обладать лексико-мотивационной (лексической)³⁸ и словообразовательной организацией семантической структуры и проявлять их в относительной независимости друг от друга.

Осознание формально-смысловой (словообразовательной) структуры слова возможно даже в тех случаях, когда его конкретные лексические связи очень трудно устанавливаются (при метафоричности словообразовательного значения). Ср., например, пары слов: *рука — ручка (двери), нога — ножка (стола), нос — носок (ботинка), жгут — жгутик (у микроорганизма), конь — конек (стык двух плоскостей), кот — котик (промысловый зверь), гриб — грибок (болезнь)* и т. п. Ощущение мотивационной зависимости данных слов появляется в результате осознания выражаемого данными парами слов обобщенного семантического соотношения «предмет — подобный ему по каким-либо свойствам другой предмет», т. е. фактически словообразовательного значения.

И, наоборот, некоторые слова легко устанавливают лексические мотивационные связи, в то время как определение их словообразовательных отношений (словообразовательного значения) представляется затруднительным (если не невозможным): ср. *попадья — поп, поповский; почтамт — почта, почтовый; стеклярус — стекло, стеклянный*.

Из сказанного следует, что понятия смысловой сложности в лексикологическом и словообразовательном аспектах, часто «накладываются» друг на друга, в принципе могут не иметь прямого соответствия. Формальная структура производного слова, проявляясь через соотношение с формой мотивирующей единицы, может отражать как словообразовательную, так и собственно лексическую сложность производного значения. Однако возможны случаи, когда формальная структура слова не только не поддерживает лексических мотивационных связей (что вполне отвечает природе данного явления), но не отражает и его словообразовательной смысловой сложности.

Принципиальная возможность несоответствия между формальной и семантической сложностью слова становится очевидной, если обратиться к специфическим словообразовательным моделям с отрицательными «отрицательного» значения³⁹, которые по своей семантической сути предопределяют меньшую лексическую сложность производного слова по сравнению с производящим (ср. *радоваться — от радовать, весе-*

³⁸ Д. Н. Шмелев такие отношения называет «эпидигматическими». См.: О третьем измерении лексики, с. 7.

³⁹ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 74. Ср. явление отрицательной деривации в польском языке: Кгеја В.

литься — от *веселить*, *печалиться* — от *печалить*, ср. также *восхищаться* — *восхищать*, *сердиться* — *сердить*, *удивляться* — *удивлять*, *торопиться* — *торопить*⁴⁰ и др., где частица *-ся* «лишает» глагол значения каузирования). Словообразовательная структура производной семантики, напротив, выражает факт соединения семантических частей («процесс + лишенный каузативного признака»).

Однако чаще нарушение формально-семантического соответствия происходит вследствие расхождения между словообразовательной и лексической мотивированностью производного слова (см. выше). Возможные виды такого расхождения связаны с разными языковыми факторами, которые следует еще выявить и исследовать. В данном разделе называются и кратко характеризуются некоторые из них.

1. Противоречия между словообразовательной и лексической структурой слова могут возникнуть в результате образования лексических единиц по синонимичным словообразовательным моделям от однокорневых слов разной морфемной сложности (с разным морфемным составом): *крамольничать* — *крамольник* и *крамоль* — *крамола*; *проказничать* — *проказник* и *проказить* — *проказы*; *крохоборствовать* — *крохоборство* и *крохоборить* — *крохобор*; *подхалимствовать* — *подхалимство* и *подхалимничать* — *подхалим*. Синонимичность отыменных глаголов создает условия для их лексической переориентации, появляется *проказничать* — *проказы*, *крамольничать* — *крамола*, *хулиганствовать* — *хулиган* и т. п. Это последнее, в свою очередь, приводит к тому, что мотивированные слова семантически начинают соотноситься с несколькими лексическими единицами (*крохоборствовать* — заниматься крохоборством и быть крохобором и т. п.), в то же время словообразовательные значения слов-синонимов постоянные и нетождественны (ср. *крохоборничать* — производить действия кого, *крохоборствовать* — проявлять что). Отсюда возможность несоответствия между словообразовательной и лексико-мотивационной организацией производной семантики.

2. Причиной несоответствия между лексической и словообразовательной сложностью словесного значения может быть образование производных единиц от одной части речи к другой по замкнутому кругу, когда, например, образование слов от прилагательного в качестве исходной единицы в словообразовательной цепочке замыкается созданием тоже при-

Pojęcie derywacji wymiennej.— «Z polskich studiów slawistycznych». Seria 2. Warszawa, 1963; Puzynina J. O pojęciu synchronicznej pochodności derywatów.— В кн.: Problemy współczesnego słowotwórstwa a dydaktyka uniwersytecka. Warszawa, 1972, s. 58.

⁴⁰ Примеры извлечены из книги: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 632.

лагательного. См.: *грубый — грубеть — загрубеть — загрубелый, синий — синеть — посинеть — посинелый, лысый — лысеть — облысеть — облыселый*, где *загрубелый, посинелый, облыселый* лексически могут непосредственно связываться с *грубый, синий, лысый* и даже равняться им (ср. *грубые руки — загрубелые руки, синие губы — посинелые губы* и т. п.), хотя семантическая структура производных прилагательных отражает несколько словообразовательных тактов⁴¹ и по словообразовательной своей организации является более сложной, чем у простых прилагательных.

3. Разного рода сопутствующие значения также могут нарушать параллелизм между лексическими и словообразовательными связями слова. Условия возникновения сопутствующих значений, их характер, возможность их классификации фактически еще не были предметом всестороннего изучения. Но очевидно, что сопутствующие значения являются тем связующим звеном, через которое осуществляется взаимовлияние лексики и словообразования. «Изменения в значении образца обычно происходят путем переносного употребления слов и изменения соотношения основного (словообразовательного) и сопутствующих (лексических) значений». И, наоборот, «в определенном образце кроются потенциальные возможности для развития определенных сопутствующих лексических значений»⁴².

Этот общий процесс взаимодействия структурных и дополнительных значений сопровождается развитием своеобразных связей внутри небольших групп слов, обладающих одинаковым словообразовательным показателем и единым сопутствующим значением. Так, существительные лица (с суффиксами *-ист, -ец*), имеющие сопутствующее значение «следующий идеям, взглядам»⁴³ (*материалист, идеалист, дуалист, монист, троцкист, фрейдист; ленинец, гегельянец, яковинец, примиренец, эпикуреец* и др.), через указанную дополнительную семантику легко соотносятся со словами, определяющими те признаки, которыми эти взгляды характеризуются (*материалистический, идеалистический, дуалистический, ленинский, яковинский, примиренческий* и др.), (ср. *ленинец — последователь ленинского учения; материалист — тот, кто следует материалистическим взглядам; примиренец — носитель примиренческих взглядов* и т. п. Несом-

⁴¹ Не случайно в словарях такие слова имеют двойное толкование: через семантику исходного прилагательного и через глагольную форму, ср. *посинелый* 'ставший синим; посиневший'. См.: МАС, т. 3.

⁴² Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах.— В сб.: Развитие современного русского языка. М., 1963, с. 92, 97.

⁴³ Милославский И. Г. О регулярном приращении значения при словообразовании.— «Вопросы языкознания», 1975, 6, с. 68—69.

ненно, данные лексические связи существительных на *-ист* и *-ец* не отражают словообразовательной структуры их семантики.

Сопутствующее значение «просто производящий действие»⁴⁴, наблюдаемое у существительных лица разных словообразовательных моделей (*кляузник, озорник, пьяница, ходатай, чудак, взяточник* и т. п.), создает основу для установления таких лексических связей между подобными существительными и однокоренными глаголами, которые никак нельзя назвать отношениями непосредственной словообразовательной мотивации: см., например, *жулик* — тот, кто **жульничает**; *странник* — тот, кто **странствует**; *сутяжник* — тот, кто **сутяжничает**; ср. также *взяточник* — **взяточничать**, *кляузник* — **кляузничать**, *озорник* — **озорничать**, *пьяница* — **пьянствовать**, *репетитор* — **репетиторствовать**, *сплетник* — **сплетничать**, *торгаш* — **торгашествовать**, *ходатай* — **ходатайствовать**, *чудак* — **чудачествовать**, *ябедник* — **ябедничать** и др. II в этом случае отношения лексической и словообразовательной мотивированности находятся в явном противоречии.

4. Нарушение прямой соотнесенности между лексической и словообразовательной сложностью слова может быть вызвано действием более общего языкового явления, имеющего место как в грамматике, так и в лексике, — явления нейтрализации тех или иных языковых различий. Лексическая и словообразовательная нейтрализация связана с разными смысловыми «сегментами слова»: с мотивирующей и аффиксальной семантикой. Лексический аспект соответствует нейтрализации семантических компонентов мотивирующих единиц, словообразовательный — нейтрализации аффиксальной семантики. Но, рассматривая нейтрализацию в лексике, невозможно отвлечься от «факторов морфологического порядка», поскольку лексическая нейтрализация проявляется в мотивационно (т. е. деривационно) связанных словах⁴⁵.

Оба вида нейтрализации тесно связаны между собой. На разных словообразовательных ступенях один вид нейтрализации может переходить в другой, что в конечном итоге нередко приводит к отождествлению лексических значений разной словообразовательной структуры.

Так, в результате нейтрализации компонентов префиксальной семантики глагольные префиксы могут выступать как собственно грамматические показатели совершенного

⁴⁴ Там же, с. 67—70.

⁴⁵ Соколов О. М. Указ. раб., с. 189, 196. Он же. Два аспекта нейтрализации в сфере глагольной семантики. — Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов 3-й лингвистической конференции 3—7 мая 1971 г. Новосибирск, 1971, с. 198.

вида ⁴⁶ (*грабить* — *ограбить*, *зlobить* — *озлбить*, *трезвить* — *отрезвить*, *срамить* — *осрамить*, *клеить* — *склеить*, *хвалить* — *похвалить*, *губить* — *загубить*, *круглить* — *закруглить*, *топить* — *затопить*, *делить* — *разделить*, *дробить* — *раздробить* и др.), и тогда глаголы вторичной имперфективации по значению оказываются синонимичными и даже тождественными первичным формам: *грабить* — *ограблять*, *зlobить* — *озлблять*, *трезвить* — *отрезвлять*, *срамить* — *осрамлять*, *клеить* — *склеивать*, *хвалить* — *похвалять*, *губить* — *загублять*, *круглить* — *закруглять*, *делить* — *разделять*, *дробить* — *раздроблять*, *топить* — *затоплять*, ср., например, словарное толкование: *топить* — заливать водой, *затоплять* и др.⁴⁷. Иными словами, глаголы разной формальной сложности оказываются тождественными с точки зрения лексической семантики, хотя внутренняя организация лексического значения у префиксально-суффиксальных глаголов, несомненно, сложнее, чем у исходных ⁴⁸.

Перечисленные факторы обычно действуют не изолированно, а в сочетании друг с другом, как бы обеспечивая взаимное свое проявление. Особенно часто собственно словообразовательные явления сопровождаются процессами нейтрализации, которые обуславливают «лексическое выравнивание» слов разной словообразовательной структуры, как, например, при взаимодействии синонимических словообразовательных моделей или в составе словообразовательных цепочек со словами одной части речи в ее первом и последнем звене. Все это создает сложную картину мотивационных связей между словами, неодинаковую в разноаспектных ее проявлениях.

Словообразование по принципу частичной аналогии как результат влияния лексической системы на словообразовательную

Итак, явления лексической и словообразовательной мотивированности находятся не только в определенном соотношении, позволяющем производить их сопоставление и находить общие и специфические черты, но могут вступать в противоречие и даже оказывать влияние одна на другую, внося более или менее заметные коррективы в лексическую и словообразовательную системы языка. Словообразовательная мо-

⁴⁶ Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования. — *Вопросы языкознания*, 1964, 1, с. 46—47.

⁴⁷ МАС, т. 4.

⁴⁸ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование, с. 75.

тивированность образует ту внутреннюю языковую базу, на основе которой возникают мотивационные связи отдельных слов, а лексические мотивационные отношения оказываются своеобразной формой, через которую осуществляется движение внутри словообразовательной системы и словообразовательных типов.

Случаи взаимного несоответствия между лексической и словообразовательной мотивированностью слов указывают на те критические точки в расхождении между лексической и словообразовательной системами, которые определяют возможные пути и способы изменения последней и приведения обеих систем в относительное равновесие.

Влияние лексической системы на словообразовательную осуществляется прежде всего через устанавливаемые в лексике мотивационные отношения однокоренных слов. Лексические мотивационные отношения, идущие вразрез со словообразовательными связями слов, закрепляясь в языковом сознании, приобретают потенциальную способность служить схемой построения вновь образуемых слов. В результате этого в языке создаются условия для появления новых словообразовательных типов, характеризующихся своеобразной комбинацией аффиксов, новым видом производящих основ и суффиксов.

Известно, например, что актуализация опосредствованных мотивационных отношений как собственно словообразовательных, привела к появлению префиксально-суффиксального словообразовательного типа отадъективных глаголов и целого ряда новых (сложных) суффиксов⁴⁹. Например, такие мотивационные связи, как *скверный — осквернить* (ср.: *скверный — сквернить — осквернить*), *влажный — увлажнить* (ср. *влажный — влажнить — увлажнить*) и т. п., послужили образцом для создания глаголов непосредственно от прилагательных префиксально-суффиксальным способом (*богатый — обогатить*⁵⁰, *короткий — укоротить*, *длинный — удлинить*, *резкий — урезчить*⁵¹. Можно назвать также сложные по образованию суффиксальные варианты *-нича-(ть)*,

⁴⁹ Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания, с. 11.

⁵⁰ Улуханов И. С. Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики, с. 175. Еще раньше на это явление обратил внимание Г. О. Винокур. См.: Маяковский — новатор языка. М., 1943, с. 54. См. также: Янко-Триницкая Н. А. К образованию новых слов трудоустройство — трудоустроить. — «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., 1961, с. 141—142.

⁵¹ См.: «Лицо поэзии Смелякова урезчилось — на нем глубокие складки не инстинктивной, как раньше, а выстраданной гражданственности». — Евтушенко Е. «...Глядя времени в лицо». Размышления о творчестве Ярослава Смелякова. — «Лит. газ.», 1977, № 20.

-ств-ова(ть), -н-ость, -т-и(е), -оч-н(ый) ⁵² и др., появившиеся в результате переориентации мотивационных связей производных слов и прошедшие этап окказионального (речевого) существования ⁵³. Возникающее при этом формально-семантическое варьирование суффикса находит опору в связанности суффикса, его зависимости от вида внутрикатегориального контекста.

Использование в качестве собственно словообразовательных параллельных мотивационных связей вводит в словообразовательный процесс производящие единицы; например, *возка* — *возчик* (ср. *возить* — *возка* и *возить* — *возчик*) и как следствие — возникновение соответствующего словообразовательного типа: *переноска* — *переносчик*, *рубка* — *рубщик*, *застройка* — *застройщик*, *плавка* — *плавщик*, *заправка* — *заправщик* и др. ⁵⁴.

В истоке всех этих процессов лежит явление лексической мотивированности, подготавливающее и предоставляющее в распоряжение словообразовательной системы новые варианты непосредственных мотивационных отношений, могущих стать словообразовательными. Последнее происходит в результате полного уподобления одной лексической единицы другой по признаку некоторой (произвольной) обобщенной семантики и морфемного строения. Созданный таким путем ряд производных слов приобретает характеристики словообразовательного типа, сходного, но не тождественного существующим словообразовательным типам. С системно-словообразовательной точки зрения отношения между имеющимися и возникающими таким способом словообразовательными типами являются отношениями частичной аналогии. Воздействие словообразования на лексику в этих случаях является более внешним: словообразовательные связи слов, наблюдаемые в границах словообразовательного гнезда, определяют те пределы, в которых происходит варьирование мотивационных связей однокоренных слов.

«Мотивация» лексических единиц по признаку их морфемного строения, напротив, актуализирует организующее влияние словообразования на лексический состав языка. Она предопределяет создание таких производных слов, которые в разной мере обладают общностью морфемного строения и лишь в частных случаях не нарушают словообразовательного тождества. Данный вид лексической мотивации обычно не

⁵² См., например, характеристику суффиксов *-очн-* в работе: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове, с. 226. Ср. о появлении суффикса *-ownik* в польском языке в работе: Drogoszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Część 1. Warszawa, 1963, s. 281.

⁵³ Ханира Э. Указ. раб., с. 155—158.

⁵⁴ Зенков Г. С. О словообразовательных типах с суффиксами *-щик*, *-ник* и их взаимодействии в современном русском языке. — В сб.: Развитие современного русского языка. М., АН СССР, 1963, с. 138—139.

оказывает непосредственного воздействия на систему словообразовательных типов в целом⁵⁵. С ним связаны изменения, происходящие внутри словообразовательных типов или вообще касающиеся словообразовательной структуры единичных слов. Ярким примером последнего могут служить случаи обратного словообразования (*зонтик* — *зонт*), создающего на основе формального уподобления слова (*зонтик* — *стол-ик, стул-ик...*) его словообразовательные характеристики (*зонт-ик*) и включающие его в существующий в языке словообразовательный тип.

Морфемное уподобление единичных слов может привести к возникновению новых словообразовательных подтипов. Нестандартное, например, переносное употребление производной лексической единицы (см. *изюминка* 'то, что придает кому-либо, чему-либо привлекательность, остроту, своеобразие', ср. также *без задоринки* 'без помех', *зверенок* 'ум.-ласк. к зверь', *поросенок* 'об испачканном в грязи и т. п. ребенке', *размазня* 'о вялом, нерешительном человеке') подчеркивает обобщенные, обычно системные компоненты суффиксального значения и связанные с ними варианты суффиксальной формы, которые могут послужить образцом для подражания без учета специфики словообразовательных связей данных слов⁵⁶. Возникающие таким путем слова (ср. *желтинка, фальшивинка: воренок, любенок, куленок*⁵⁷; *сводня, блудня* и др.) являются результатом действия лексической аналогии, которая с точки зрения словообразовательной системы может быть охарактеризована только как частичная. Новобразования равняются на суффиксальные показатели существующих слов, но имеют произвольно избранные виды мотивирующих единиц. Классифицирующие значения образующихся и существующих слов не тождественны, уподобленные первых слов вторым происходит на основе только некоторых семантических компонентов: слова *воренок, любенок, куленок* обладают уменьшительно-ласкательным смысловым оттенком, но не включают значения «детеныш» (ср. *мышонок*); лишь момент незрелости, неполноценности учтен в форме *стишата* (НСЗ); существительные *желтинка, фальшивинка* указывают на небольшое количество признака, имеют оттенок ласкательности, но не выражают единичности (ср. *крупинка*); *сводня, блудня* обладают субстантивной семантикой, но лишены значения неодушевленного предмета

⁵⁵ Ср. с тезисом В. Скалички об аномалии, настраивающейся на аналогию, в работе: О analogii a anomalii.— «Slovo a slovesnost», 1949, 4, s. 155.

⁵⁶ Ср.: Шмелев Д. Н. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке. — В сб.: Развитие современного русского языка. М., 1963, с. 113—117.

⁵⁷ Там же, с. 111—112.

(ср. *караульня, сходня*) и т. п.⁵⁸. Применительно к рассматриваемым словам представляется оправданным говорить об относительном уподоблении новых словообразовательных структур имеющимся в языке. Д. Н. Шмелев отмечает, что в данном случае «аналогия выступает не как фактор регулярности, а напротив, как фактор, способствующий введению в речь (а потенциально — в язык, ср. *поваренок, пастишонок*) образований, которые нарушают структурно-семантическую целостность и определенность той словообразовательной модели, на которую они опираются и накладываются»⁵⁹.

В результате данного процесса появляются дополнительные виды производящих единиц, способных соединяться с тем или иным суффиксом и обуславливающих его функционирование в соответствующем фонетико-семантическом варианте. Ср. рассмотренные выше лексические мотивационные связи типа *у став-щик* (от *у ставить*) — *кол-овщик* (от *кол*) — *пятов-щик* (от *пятовой* 'относящийся к части невода — пята') и возможности словообразовательного типа *на-щик* в отношении производящих слов, функцию которых могут выполнять глаголы (*резать* — *резчик*, *обидеть* — *обидчик*, *танцевать* — *танцовщик*, *обходить* — *обходчик* и т. п.), существительные (*водопровод* — *водопроводчик*, *паркет* — *паркетчик*, *трамвай* — *трамвайщик*, *лес* — *лесовщик*, *утиль* — *утильщик* и др.) и относительные прилагательные (*инструментальный* — *инструментальщик*, *крановый* — *крановщик*, *ядерный* — *ядерщик* и т. д.). Мотивировочные связи типа *перевозка* — *перевозчик* и *кран* — [*крановый*] — *крановщик* способствовали еще большему увеличению круга производящих единиц, к которым может быть присоединен суффикс *-щик*.

Расширение круга мотивирующих единиц за счет включения в его пределы слов разных частей речи находит поддержку в природе частеречной классификации, которая характеризуется наличием внутри каждого лексико-грамматического класса широкой полосы периферийных слов, содержащих некоторые признаки «соседней» части речи (указание на дей-

⁵⁸ Создание слов «с отклонением от структуры словообразовательного типа» особенно характерно для «индивидуального» словотворчества, преследующего, впрочем, чаще художественно-выразительные, чем собственно номинативные цели. См.: Хохлачева В. Н. Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. (Имена существительные). — Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 5. М., АН СССР, 1962, с. 176—182.

⁵⁹ Шмелев Д. Н. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке, с. 112. Ср. понимание аналогии в словообразовании как «скрещивания» форм слов, отражающих семантические и ситуативные связи, в работе: Doroszewski W. Słowotwórstwo a geografia lingwistyczna (mechanizm działania analogii w słowotwórstwie gwarowym). — В кн.: Studia a szkice językoznawcze. Warszawa, 1962, s. 254—255.

ствие или качество у имен существительных, на действие или предмет у прилагательных, на качество у глаголов и т. п.).

Очевидно, что лексические мотивационные связи обоих видов создают некий образец морфемной организации слов, который может быть использован и используется как модель построения новых лексических единиц, но отсутствие четких указаний на «вторую часть» словообразовательной схемы (связь однокорневых слов остается безразличной к аффиксальной части мотивированного слова, а уподобление одноаффиксальных образований не принимает во внимание вида мотивирующих единиц) делает невозможным отождествление таких моделей с собственно словообразовательными⁶⁰. Первые являются лексическими моделями, т. е. моделями словообразовательной организации единичных образований⁶¹; словообразовательные же модели, как известно, характеризуют словообразовательное построение целого ряда слов⁶². В процессе «повторного» производства отдельных слов аналогичного морфемного строения и соотнесения их между собой выработывается новая типовая схема их словообразовательной структуры с учетом вида производящей единицы и словообразовательного аффикса. Иными словами, возникает речевая словообразовательная модель, остающаяся таковой до тех пор, пока созданные на ее основе производные слова не станут фактом языка⁶³.

Словопроизводство по лексическим «одночастным» моделям делает принципиально допустимым существование слов нетиповой словообразовательной структуры. Последние возникают в ситуациях, отражающих явление лексической моти-

⁶⁰ Фактически на это указывает Н. А. Янко-Триницкая: «...обычное для лексики, общепотребительное, может выпадать из системы словообразования, как, например, прилагательное *плательный*, не имеющее соответствующего образца ни в одном слове, но получившее в наши дни самое широкое распространение». (См.: Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах, с. 94). Слово *плательный* обладает лексической (индивидуальной) моделью построения.

⁶¹ Е. А. Земская такое словообразование называет «словообразованием по конкретному образцу». См. Современный русский язык. Словообразование, с. 237.

⁶² Ср. иное мнение: «Мне представляется неверным отрицать наличие словообразовательной модели у единичных слов на том основании, что нет других слов, созданных по той же модели. Слово-то ведь создано, слово-то есть? Следовательно, должна быть у него структурно-семантическая формула построения». — Ханпира Э. Указ. раб., с. 165. Э. Ханпира, очевидно, не считает принципиальным различие между единичной и типовой «формулой построения» слова, хотя в той же статье (с. 160) — и совершенно справедливо — предлагает различать термины «модель» (имеется в виду словообразовательная модель) и «модель слова». К сожалению, в дальнейшем изложении эта установка автором не используется.

⁶³ Там же, с. 159.

вированности на грани ее предела. Если морфемное тождество устанавливается у семантически ограниченной группы слов на основе фонетического совпадения их аффиксальной части, то есть в ситуации, предельной для морфемной мотивации отдельных слов (в этом отношении показательны слова иноязычного происхождения типа *мезотрон*, *позитрон*, *протон* и т. п.; ср. *нейтрон*, *электрон*), то тогда возможно появление уникальных «производящих» единиц⁶⁴.

Мотивационные связи двух слов, которые возникают за счет семантической общности их корневых частей, поддерживаемой фонетической близостью последних (ситуация, близкая к неомотивации), могут дать толчок к появлению слов с уникальным аффиксом (например, появление в слове *ляпсус* под влиянием глагола *ляпать* 'делать наспех, кое-как, плохо' значения «грубая, нелепая ошибка»⁶⁵ делает возможной мотивировочную связь *ляпать* — *ляпсус* и выделение аффиксальной части *-сус*, ср. у газетчиков — *сделать ляп* 'пропустить в газете грубую ошибку').

⁶⁴ О специфике подобных форм см.: Marchand H. *Categories and types of present-day English word-formation*. Munich, 1969, p. 212—213.

⁶⁵ Пелевина Н. Ф. Языковая и внесязыковая мотивировки семантики языкового знака.— В сб.: *Проблемы мотивированности языкового знака*. Калининград, 1976, с. 35.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие словообразования происходит под влиянием морфологической и лексической систем языка.

Объединяя «вокруг» словообразовательного аффикса лексические единицы одной словообразовательной структуры, морфологическая система оказывает организующее и стабилизирующее воздействие на словообразование. С этой точки зрения словообразовательные отношения в определенной мере уподобляются морфологическим.

Лексическая система способствует развитию и изменению словообразовательных типов и отношений.

Отражением этих воздействий является существование и взаимодействие двух тенденций: к образованию слов по типовым (словообразовательным) моделям и по единичным (лексическим) образцам. Словообразование по единичным моделям (частичная аналогия) ведет к разрушению имеющих словообразовательных типов и в конечном итоге к возникновению новых типов и моделей. Последнее свидетельствует о том, что дезорганизующее влияние лексики сдерживается морфологической организацией словообразовательной системы. Тем не менее в каждый данный момент в языке сосуществуют производные единицы, образованные с сохранением требований модели и нарушающие их.

Названные тенденции опираются на явления лексической и словообразовательной мотивированности. Если словообразовательная мотивированность, по существу, есть факт реализации словообразовательной модели, то лексическая мотивированность может отражать любые связи словообразовательного гнезда, формируя в сознании говорящих определенные мотивационные стереотипы, которые могут быть использованы для создания новых слов. Отношения лексической мотивированности осложняются еще и тем, что они могут носить частичный характер — по линии только семантических (корневых) или только формальных (аффиксаль-

ных) связей. Частичная мотивация создает условия для нарушения словообразовательного тождества за счет формального или семантического изменения производящей основы или словообразовательного аффикса. Это, в свою очередь, определяет принципиальную возможность возникновения слов уникальной словообразовательной структуры.

Указанным модификациям способствует, с одной стороны, отсутствие резких семантических границ между словами разных частей речи, с другой, — специфика функционирования словообразовательных аффиксов как связанных единиц языка.

Условные сокращения

- АГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М. — Л., 1948—1965, т. 1—17.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Спб. — М., 1880—1882, т. 1—4.
- ДИ — Головин В. Г., Ройзензон Л. И., Соколова О. И. Русский диалектный инверсарий. Самарканд, 1974.
- ДМ — Диалектологические материалы, хранящиеся в кабинете русского языка Томского университета.
- ДМС — Картотека «Диалектного мотивационного словаря» Томского университета, кафедра русского языка.
- ДС — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссоветакого, М., 1969.
- ИС — Иркутский областной словарь. Иркутск, 1973, вып. I.
- Крс — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
- КузС — Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976.
- КЭС — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1971.
- КЯС — Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
- МАС — Словарь русского языка. М., 1957—1961, т. 1—4.
- МС — Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- НСЗ — Новые слова и значения. М., 1971.
- ОДС — Опыт обратного диалектного словаря. Под ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1973.
- Ож. — Словарь русского языка. Составил С. И. Ожегов. Изд. 9-е, 1972.

- ОРС — Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- ПС — Псковский областной словарь с историческими данными. Изд. ЛГУ, 1967—1976, вып. 1—3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. М. — Л., 1965—1974, вып. 1—10.
- ТС — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1965—1967, т. 1—3.
- ТСД — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Дополнение. Под ред. О. И. Блиновой и В. В. Палагиной. Томск, 1975, ч. 1—2.
- УС — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1971, т. 1—2.
- УШ — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940, т. 1—4.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	
Об аспектах словообразования	6
Взаимодействие словообразования с лексикой и грамматикой языка	18
К вопросу об источниках изучения словообразования русского литературного языка	36
Глава первая	
СЛОВА НЕТИПОВОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ	
I. Словообразовательные структуры слов с точки зрения их типичности и единичности	44
1. Слова с единичными по форме производящими основами	47
2. Слова с единичными по значению производящими основами	50
3. Слова с единичными по форме словообразовательными аффиксами	54
4. Слова с единичными по значению словообразовательными аффиксами	55
II. Ономастологическая и семасиологическая интерпретация слов единичной словообразовательной структуры	
Основные этапы процессов номинации и семантизации в их отношении к словообразованию	59
Анализ выделенных групп слов	65
III. К вопросу о методах анализа многоморфемных слов	71
Глава вторая	
ЧАСТИ РЕЧИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
I. Вводные замечания. (Два вида словообразовательных отношений)	77
II. Словообразовательные отношения с существительными в качестве мотивирующих единиц	
1. Отношения типа «существительное — существительное»	83
2. Отношение типа «существительное — прилагательное»	84

3. Отношения типа «существительное — глагол»	85
4. Место заключения	90
III. Словообразовательные отношения с мотивирующими единицами, обладающими свойством деривационной трансформируемости	
Отношения типа «глагол — существительное»	94
Отношения типа «прилагательное — глагол»	101
1. Семантическая соотносительность глаголов на <i>-еть</i> и мотивирующих прилагательных	102
2. Семантическая соотносительность глаголов на <i>-ить</i> и мотивирующих прилагательных	108
3. Единицы непосредственной деривационной трансформируемости в словообразовательной цепи	116
Отношения типа «прилагательное — существительное»	123
Лексическая полисемия и словообразовательные отношения	127

Глава третья

СУФФИКС. ЕГО ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ. (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП И ЗНАЧЕНИЕ СУФФИКСА)

I. Значение суффикса как единство системно и функционально обусловленной семантики	
Общая характеристика	137
«Словообразовательное значение» и значение суффикса	141
Классификация суффиксов	150
II. Суффиксы межкатегориальной словообразовательной сферы . 154	
Глагольные суффиксы	
1. «Активность — неактивность» как один из общих признаков глагольной семантики	155
2. О роли суффиксального значения в формировании глагольной категории переходности — непереходности	160
3. Суффиксы со значением активного процесса	164
4. Суффиксы со значением пассивного (неактивного) процесса	167
5. Функционирование суффикса <i>-е(ть)</i> в русских народных говорах	170
Суффиксы имен прилагательных	
1. Суффиксы относительных прилагательных	175
2. О суффиксах качественных прилагательных	179
Суффиксы имен существительных	
1. Конкретные — неконкретные существительные и семантика суффикса. Суффиксы отвлеченного значения	179
2. Суффиксы со значением конкретного предмета	180
3. Категория одушевленности — неодушевленности и суффиксальное значение. Суффиксы отглагольных существительных	181
4. Суффиксы отадективных существительных	183
5. Категория рода и словообразовательное значение	185
III. Суффиксы внутрикатегориальной словообразовательной сферы 185	
1. Глагольные суффиксы	187
2. Суффиксы существительных мутационного вида	191
3. О модификационных суффиксах существительных	193
IV. Краткие выводы 193	

Глава четвертая

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЯВЛЕНИЕ АНАЛОГИИ

О двух тенденциях в развитии словообразовательной системы	201
Лексическая и словообразовательная мотивированность слова	.
1. Понятие лексической и словообразовательной мотивированности	202
2. Лексическая мотивированность в устной и письменной речи	206
3. Соотношение лексической мотивированности с разными видами словообразовательных связей	212
О факторах, поддерживающих явление лексической мотивированности	224
Словообразование по принципу частичной аналогии как результат влияния лексической системы на словообразовательную	229
Заключение	236
Условные сокращения	238

Маина Николаевна ЯНЦЕНЕЦКАЯ

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

Редактор **Н. М. Шпагина**
Технический редактор **Р. М. Подгорбунская**
Корректор **В. А. Малаховская**

КЗ02071 Сдано в набор 4/IX-77 г. Подписано к печати 17/IV-79 г.
Формат 60×90¹/₁₆; бумага типографская № 3.
П. л. 15,25; уч.-изд. л. 12,5
Заказ 5978 Тираж 1000 Цена 1 руб. 90 коп. ИБ 332

Издательство ТГУ, Томск, 29, ул. Никитина, 17
Типография издательства «Красное знамя», ул. Советская, 47

Цена 1 руб. 90 коп.